

Исследовательский комитет РАПН
по сравнительному изучению
партийных и избирательных систем

ПАРТИИ И ВЫБОРЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Опубликовано при поддержке
Международного республиканского института

Москва
2012

Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра / Под ред. Ю.Г. Коргунока
и Г.М. Михалевой. – М.: КМК, 2012. 164 с. ISBN 978-5-87317-582-51

Обложка, дизайн, оригинал-макет Л.А. Аникановой

Сборник подводит итоги конференции «Очередная смена вех? Изменение политической повестки дня и перспективы партийно-электоральных исследований», прошедшей 24–25 мая 2012 г. в Москве. В нем в переработанном и дополненном виде представлены доклады как ее участников, так и тех исследователей, которые по каким-либо причинам не смогли на ней присутствовать. Статьи сгруппированы по трем тематическим разделам: материалы первого посвящены эволюции партий и выборов в России в историческом и сравнительном контексте («вчера»), второго – итогам и ближайшим последствиям избирательного цикла 2011–2012 гг. («сегодня»), третьего – реформе партийного законодательства и ожидаемым переменам на партийно-политическом поле («завтра»).

Книга предназначена для исследователей, преподавателей, студентов, журналистов и всех, кто интересуется политикой.

Опубликовано при поддержке
Международного республиканского института

© Исследовательский комитет РАПН по сравнительному изучению
партийных и избирательных систем

Издательство «Товарищество научных изданий «КМК».

ISBN 978-5-87317-582-51

Подписано в печать 12.11.2012.

Формат 60х90/16. Печать офсетная. Объем 10,25 п.л.

Отпечатано в ООО «ГАЛЛЕЯ-ПРИНТ», Москва, ул. 5-я Кабельная, 26.

Заказ № 4225. Тираж 300 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
I. ПАРТИИ И ВЫБОРЫ В РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ И СРАВНИТЕЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ	10
Коргунюк Ю.Г. Структура электоральных размежеваний в постсоветской России и перспективы политического развития страны.....	10
Толпыгина О.А. Динамика проблемных измерений в партийной риторике предвыборных кампаний 2007, 2011 гг.....	32
Quecke N. Change in the Functions of Post-Soviet Parties: the Development of Ruling Parties in Russia and Kazakhstan	53
Кармазина Л.И. Казахстан после выборов: сохранение статус-кво	62
Белинский А.В. Избирательные кампании в современной Германии и применимость их опыта в российских условиях	67
II. ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЦИКЛ 2011–2012 гг.: ИТОГИ И БЛИЖАЙШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	74
Михалева Г.М. Партии и гражданское общество: алгоритмы взаимодействия	74
Римский В.Л. Гражданский запрос и политический ответ: общество, партии и власть после Болотной.....	96
Анохина Н.В. Фальсификации и ограничение конкуренции на думских и президентских выборах 2011–2012 гг.	106
Малинова О.Ю. Избирательная кампания В.В. Путина: от мобилизации поддержки к манифестации солидарности.....	116
Шашкова Я.Ю. Особенности электоральной деятельности региональных отделений партий в условиях совмещенных выборов 2011 г. (на примере Алтайского края).....	125
III. «ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ	131
Любарев А.Е. Перспективы развития партийной системы в свете политических реформ 2012 г.	131
Иванова М.В. «Либерализация» партийного законодательства после декабря 2011 г.	139
Попова О.В. Перспективы малых партий в современной России	145
Подвинцев О.Б. «Партии-курьезы» как индикатор современной политической ситуации в России.....	158
ОБ АВТОРАХ	162

ПРЕДИСЛОВИЕ

24-25 мая 2012 г. в Москве, в Институте научной информации по общественным наукам РАН, прошла международная научно-практическая конференция «Очередная смена вех? Изменение политической повестки дня и перспективы партийно-электоральных исследований», организованная исследовательским комитетом РАПН по сравнительному изучению партийных и избирательных систем и Региональным общественным фондом «Информатика для демократии» (ИНДЕМ) при поддержке Международного республиканского института (МРИ). Это была третья конференция со времени основания исследовательского комитета – две предыдущие состоялись в 2008 и 2010 гг.¹

Предметом обсуждения на конференции явились изменения в политическом ландшафте РФ, произошедшие после думских выборов 4 декабря 2011 г. Организаторы исходили из того, что эти перемены ставят перед политической наукой новые задачи, в том числе по изменению исследовательских подходов: расширение предмета анализа, применение новых методов, выработка нового инструментария и т.п. Как правило, внедрение новаций в политической науке серьезно отстает от самой политической жизни, в результате чего осмысление новых реалий отдается на откуп публицистам и «прикладным» политологам, а появляющиеся впоследствии работы представителей академической политической науки зачастую выглядят повторением прописных истин, снабженным научным аппаратом.

Организаторы задалась целью сделать хотя бы скромный шаг к тому, чтобы переломить сложившуюся тенденцию, способствовать созданию условий, когда профессиональные политологи выступают в роли пионеров, прокладывающих путь, а не в роли нотариусов, оформляющих чужие сделки.

По итогам конференции подготовлен настоящий сборник, в котором в переработанном и дополненном виде представлены доклады как ее участников, так и тех исследователей, которые по каким-либо причинам не смогли на ней присутствовать.

В соответствии со своим названием – «Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра» – сборник имеет три раздела: материалы первого посвящены эволюции партий и выборов в России в историческом и сравнительном контексте («вчера»), второго – итогам и ближайшим последствиям избирательного цикла 2011–2012 гг. («сегодня»), третьего – реформе партийного законодательства и ожидаемым переменам на партийно-политическом поле («завтра»).

Первый раздел – «Партии и выборы в России в историческом и сравни-

¹По итогам данных мероприятий опубликованы соответствующие сборники: Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства. – М.: ИНИОН РАН, 2009; Партии и конкуренция. Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах. – М.: КМК, 2010.

тельном контексте) – составили статьи Ю.Коргунюка (Москва), О.Толпыгиной (Саратов), Н.Квеке (Мюнхен), Л.Кармазиной (Алма-Ата) и А.Белинского (Москва).

Исследование Ю.Коргунюка основано на применении модернизированной концепции размежеваний (cleavages) к анализу итогов выборов в постсоветской России. Отмечая ведущую роль «властно-невластного» размежевания в электоральной истории страны, автор определяет его как зародышевую стадию консервативно-либерального размежевания, которое возникает в условиях равнодушия подавляющего большинства населения к политике и выражается в противостоянии монополизировавшей властные рычаги правящей элиты и активного образованного меньшинства, отесненного от принятия государственных решений. По мнению Ю.Коргунюка, перспективы вытеснения «властно-невластного» размежевания на периферию российского политического пространства во многом зависят от сценария, соответствующего которому действующий политический режим прекратит свое существование. Если это произойдет в результате наложения политического протеста на протест социальный («революционно-катастрофический» сценарий), то шансы на то, что в недалеком будущем власть снова окажется монополизирована узкой элитной группой, окажутся гораздо выше, чем в случае смещения правящей группировки под давлением растущей политической активности среднего класса («эволюционный» сценарий).

О.Толпыгина, анализируя с позиций теории проблемных измерений динамику предвыборной риторики российских политических партий в ходе избирательных кампаний 2003, 2007 и 2011 гг., констатирует радикализацию как содержания, так и оформления требований оппозиции (КПРФ, ЛДПР и особенно «Справедливой России»). При этом она отмечает тенденцию к выравниванию идеологических профилей оппозиционных партий: последние артикулируют – хотя и с различными оценками – одни и те же проблемные поля и измерения, главными из которых являются социально-экономическое, «центр–периферия» и отношение к власти.

Н.Квеке ставит своей задачей восполнить пробел в исследовании авторитарных систем. В большинстве работ, по ее мнению, внимание акцентируется на сходстве этих систем, тогда как различия между ними, как правило, игнорируются. Автор рассматривает партии как институты, взаимодействующие с другими формальными и неформальными институтами и – в зависимости от характера этого взаимодействия, а также от стадии своего развития – выполняющие разные функции и имеющие разные организационные особенности. Отмечая более высокую степень институционализации «Единой России» и казахстанского «Нур Отана» по сравнению с партиями 1990-х гг., Н.Квеке вместе с тем подчеркивает, что и эти партии за время своего существования пережили очевидную эволюцию, а выполняемые ими функции, равно как и их организационная структура, претерпели значительные изменения.

Р.Кармазина, объясняя отсутствие альтернативы безусловному доминированию партии «Нур Отан» на политической сцене Казахстана сосредоточением фактической власти в руках президента Н.Назарбаева, констатирует, что переход от существующих правил игры к принципиально новым будет возможен только после смены верховной власти, а до этого в политической системе страны, несмотря на все нововведения, сохранится статус-кво.

В статье А.Белинского сделана попытка определить, что именно из опыта политических партий ФРГ (персонализация, медиаизация и профессионализация избирательных кампаний, активное использование интернет-технологий) может быть использовано в российской практике. По мнению автора, российские партии строят свои кампании исключительно на критике оппонентов либо предлагают электорату устаревшие идеологемы, не находящие отклика в обществе, а самое главное – не способны наладить контакт с избирателями.

Во второй раздел – «Избирательный цикл 2011–2012 гг.: итоги и ближайшие последствия» – включены статьи Г.Михалевой, В.Римского, Н.Анохиной, О.Малиновой (все – Москва) и Я.Шашковой (Барнаул).

Статья Г.Михалевой посвящена взаимодействию политических партий и гражданского общества накануне и непосредственно после думской и президентской избирательных кампаний. Подводя итоги протестных акций конца 2011 – первой половины 2012 г., автор отмечает пробуждение гражданского общества, существенное повышение уровня солидарности и доверия между гражданами, формирование среди значительной их части негативного консенсуса в отношении власти, кристаллизацию в протестном движении группы активистов, имеющих ресурсы для занятия собственно политической деятельностью (в т.ч. наблюдением и участием в выборах). При этом Г.Михалева констатирует, что политические партии – как формальные, так и неформальные – не смогли стать ядром кристаллизации нового гражданского движения и что в ходе протестов несравнимо большую роль играли не организации, а лидеры. Кроме того, по ее мнению, при существующем составе лидеров и участников протестного движения невозможно четко сформулировать его политическую программу.

В.Римский, анализируя реакцию политиков на волну протестной активности конца 2011 – первой половины 2012 г., приходит к выводу, что политические деятели как проправительственной, так и оппозиционной ориентации оказались не в состоянии предложить гражданам такое понимание общего блага, которое устроило бы большинство граждан, а не узкие социальные группы. По мнению автора, у большей части российского населения сформировалось убеждение, что на практике общее благо недостижимо и тратить силы на его обеспечение бессмысленно, а активные российские граждане, следуя рыночной рациональности, почти всегда стремятся к достижению личного или семейного, в крайнем случае корпоративного блага, но не общего – поэтому протест активного меньшинства мотивирован скорее частными, нежели обще-

ственными интересами. Слабость гражданского запроса на формулирование и достижение общего блага, резюмирует В.Римский, позволяет политикам действовать вразрез с общественными интересами.

В статье Н.Анохиной подробно рассматриваются способы фальсификаций на выборах и ограничения электоральной конкуренции на различных этапах думской и президентской кампаний 2011–2012 гг. Автор, в частности, отмечает, что именно федеральные выборы сделались наиболее «благоприятны» для массовых фальсификаций, поскольку результаты этих выборов подделываются на самом высоком уровне. Вместе с тем Н.Анохина предполагает, что в будущем фальсифицировать итоги выборов станет сложнее, в том числе из-за увеличения количества желающих противодействовать фальсификациям. Не исключив, что власть ужесточит правила участия наблюдателей в контроле за выборами, автор предполагает, что в этом случае выборное законодательство и сам избирательный процесс превратятся в важнейший пункт размежевания власти и общества.

Предметом исследования О.Малиновой является предвыборная риторика В.Путина в президентской кампании 2012 г. и восприятие этой риторики представителями различных сегментов политического спектра. По мнению автора, дискуссия, вызванная серией статей за подписью Путина в различных печатных изданиях (январь–февраль 2012 г.), отчетливо продемонстрировала, сколь глубоко разнятся в различных общественно-политических кругах представления о коллективной идентичности сообщества, стоящего за Российским государством. Констатируя конец периода, когда власть могла ограничиваться символической демонстрацией «единства», О.Малинова вместе с тем скептически оценивает способность путинской команды обеспечить условия для конструктивного общественного диалога.

Я.Шашкова, анализируя итоги совмещенных выборов 4 декабря 2011 г. в Алтайском крае (в Госдуму и в региональное Законодательное собрание), отмечает вялость и невыразительность партийных избирательных кампаний, что, по ее мнению, связано как с общим упадком в сфере публичной политики, централизацией партийных машин и расширением административного вмешательства в электоральный процесс, так и с убежденностью партий в своей популярности, а также с их уверенностью в сохранении парламентского статуса при условии лояльности системе. Автор отмечает наличие у региональных партийных организаций серьезных кадровых и ресурсных проблем, одной из главных среди которых она называет расширение практики партийного франчайзинга.

В третий раздел – «“Либерализация” законодательства и перспективы российской многопартийности» – вошли статьи А.Любарева (Москва), М.Ивановой (Пермь), О.Поповой (Санкт-Петербург) и О.Подвинцева (Пермь).

Работы А.Любарева и М.Ивановой посвящены анализу последних новаций в партийном законодательстве и оценке их возможных практических

последствий. По мнению А.Любарева, резко снизив требуемую минимальную численность политических партий, законодатели оставили неизменными другие нормы партийного законодательства, соответствующие концепции «принуждения к массовости», но превращающиеся в анахронизм в новых условиях. Касаясь перспектив создаваемых политических партий, автор отмечает, что их судьба зависит не только от настроений избирателей, но и от того, какую стратегию изберет власть: сохранит линию на исключительную поддержку «Единой России» или же разрешит губернаторам «раскладывать яйца по разным корзинам».

М.Иванова отмечает, что последние изменения в законодательстве, сохранив за политическими партиями все преимущества, предоставленные им партийной реформой 2000-х, вместе с тем не сняли ни одного ограничения, вписанного в порядок регистрации партий или в условия их деятельности. По мнению автора, все последние законодательные новации являются продолжением прежней партийной политики, поэтому и существенного изменения роли и места партий в политической системе страны ждать не следует – за исключением разве что возобновления практики использования на выборах партий-спойлеров, раскола традиционного электората «старых» партий, а также дестабилизации региональных партийных систем.

О.Попова, скептически оценивая перспективы вновь создаваемых (т.н. малых) политических партий, отмечает, что внутриэлитная борьба за доступ к различным ресурсам в современной России не просто сохраняется, но и является гораздо более значимым фактором политической жизни, нежели соревнование предлагаемых партиями программ развития страны. При этом автор не исключает, что примерно у десятка организаций есть шанс закрепиться в политическом пространстве (хотя бы на региональном уровне) – прежде всего у тех, которые будут ориентироваться на специфические профессиональные или статусные группы, составляющие достаточно узкий сегмент общенационального электората, но имеющие значение в отдельных регионах (казачество, шахтеры и др.). Кроме того, О.Попова высказывает предположение, что федеральная власть будет благоволить партиям, эксплуатирующим патриотическую (умеренно-националистическую) тематику, и что в недалеком будущем в парламент может войти партия, позиционирующаяся как либеральная, но при этом полностью лояльная режиму.

Статья О.Подвинцева посвящена феномену «партий-курьезов», ставящих целью спародировать, высмеять не только существующие политические силы и институты, но и основы политической системы в целом. По мнению автора, возникновение «партий-курьезов» связано, как правило, с оценкой наличествующей политической конкуренции как неэффективной и недостаточной, не соответствующей требованиям времени; кроме того, такие проекты реализуются с целью придать политической системе дополнительный динамизм, а их создание можно расценивать как своего рода эксперимент в сфере полити-

ческих отношений. Констатируя слабость и скудость возникших за последнее время в России «партий-курьезов», О.Подвинцев выдвигает предположение, что это свидетельствует о растущей значимости в обществе «серьезной» политики или по крайней мере запроса на нее.

* * *

Конечно же, результаты усилий организаторов конференции трудно признать в полной мере соответствующими заявленным амбициям, тем не менее шаг в обозначенном направлении сделан, и можно надеяться, что он не окажется последним. В связи с этим исследовательский комитет РАПН по политической науке призывает присоединиться к своей работе всех, кто интересуется партийной и выборной тематикой и обладает необходимой для этого подготовкой и квалификацией.

Ю.Коргунюк (partinform@mail.ru)

Г.Михалева (g_mihaleva@mail.ru)

*Адрес ИК РАПН по сравнительному изучению партийных и избирательных систем в Фэйсбуке:
<http://www.facebook.com/groups/453296921377611>*

I. ПАРТИИ И ВЫБОРЫ В РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ И СРАВНИТЕЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Коргунюк Ю.Г.

СТРУКТУРА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Одной из несомненных заслуг С.Липсета и С.Роккана, сформулировавших концепцию размежеваний (cleavages)¹, является выдвигание и эмпирическое подтверждение гипотезы, согласно которой партийные системы западноевропейских стран сформировались вокруг разного рода фундаментальных социальных конфликтов. Данный аспект их доктрины актуален и поныне.

Вместе с тем довольно скоро стало очевидным, что применение формулы Липсета–Роккана для анализа размежеваний в обществах, не прошедших путь т.н. демократического транзита, методологически затруднено. Выяснилось, в частности, что в таких странах (включая современную Россию) доминирующим электоральным размежеванием является, как правило, противостояние власти и «невласти»², бюрократии и «общественности» (под последней понимаются прежде всего представители «образованного класса», интеллигенции, оттесненные от принятия политических решений). Периодически данное противостояние «снимается» вследствие крушения политического режима, освобождая место для иных размежеваний, однако через некоторое время власть монополизирована новыми правителями, и всё возвращается на круги своя.

¹Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. – N. Y.; London: The Free Press, Collier-MacMillan limited, 1967.

²См., в частности: Ахременко А.С. Структуры электорального пространства. – М.: Социально-политическая мысль, 2007; Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Эволюция структуры партийного спектра России накануне парламентских выборов 2007. – Полис, 2008, № 2; Коргунюк Ю.Г. Псевдоминантная партийная система и предпочтения российских избирателей. – Политика, 2009, № 4; Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических» режимах / Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, О.Б. Подвинцева и Я.Ю. Шашковой. – М.: РАПН, РОССПЭН, 2012 и др.

Подобная ситуация может воспроизводиться множество раз, на протяжении десятилетий и даже столетий – вплоть до окончательного укоренения государственного устройства, основанного на более-менее строгом следовании демократическим принципам.

Причина, по которой С.Липсет и С.Роккан обошли данное размежевание своим вниманием, в общем-то понятна. В основу их концепции был положен исторический опыт наиболее развитых западноевропейских стран, прежде всего скандинавских и англосаксонских, в которых к моменту формирования партий и партийных систем установились достаточно прочные, консолидированные демократические режимы.

В каком-то смысле противостояние власти и «невласти» можно рассматривать как раннюю, зародышевую стадию консервативно-либерального размежевания, затронутого концепцией Липсета–Роккана лишь косвенно – у них оно выступало в виде аграрно-индустриального: сторонники протекционистских мер противостояли сторонникам свободной торговли, и ареной этого противостояния служили сформированные по итогам свободных выборов представительные органы (парламенты).

В самом широком смысле консервативно-либеральное размежевание можно считать проявлением вечной борьбы между сторонниками монополии (порядка) и конкуренции (свободы). Однако даже в этом случае подразумевается, что данная борьба ведется в рамках демократических процедур и избиратель осознанно занимает в указанном конфликте ту или иную сторону, сообразуясь с собственными интересами либо воззрениями. Фактически Липсет и Роккан исходили из того, что именно избиратель является субъектом электорального выбора. Их модель не касается случаев, когда значительная (и даже основная) часть электората является объектом манипуляций и давления со стороны власть имущих. Между тем во многих странах – если не в подавляющем большинстве – дело обстоит именно так³.

Специфика размежевания «власть–невласть» заключается в том, что здесь друг другу противостоят не столько различающиеся взглядами избиратели, сколько правящая элита и более-менее активная «общественность», которая – так же, впрочем, как и ее антагонист – составляет лишь малую часть населения.

Обладающие формальным правом голоса граждане являются тем «полем боя», на котором разворачиваются решающие сражения. Подавляющее большинство населения довольно равнодушно реагирует на то обстоятельство, что правящая элита монополизировала процесс принятия политических решений и обеспечивает себе доминирующее положение всеми возможными, в том числе незаконными, способами. Меньшинство же, возмущенное злоупотреблениями в ходе избирательного процесса, всячески сопротивляется административной экспансии в электоральное пространство. В итоге избиратели делятся на тех,

³О классификации электоральных размежеваний см.: Коргунок Ю.Г. Электоральные размежевания и мотивы голосования. – Полития, 2011, № 2(61).

кто дорожит своим правом на политическое участие, и тех, кто не видит в нем особой ценности, – между ними и пролегает размежевание по линии «власть–невласть».

Вытеснение данного размежевания на периферию политического процесса занимает, как правило, целую историческую эпоху. Россия предприняла как минимум две попытки вырваться из заколдованного круга – в начале и конце XX века – и каждый раз возвращалась на позиции, близкие к исходным. Свержение монархии в 1917 году обернулось победой большевистской диктатуры, а десятилетие относительно высокой политической конкуренции 1990-х завершилось установлением мягкого авторитарного режима.

Если о структуре электоральных размежеваний дореволюционной эпохи мы можем судить скорее умозрительно, то ее трансформацию в постсоветской России можно проследить, используя математические методы – прежде всего факторный анализ, линейную регрессию, а кроме того, такие инструменты, как коэффициент вклада в размежевание⁴.

1. ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

К сожалению, проанализировать структуру электоральных размежеваний по итогам выборов народных депутатов СССР (1989) и РСФСР (1990) весьма затруднительно, поскольку проводились они по мажоритарной системе и ситуацию в каждом территориальном и национально-территориальном округе нужно рассматривать отдельно, что, естественно, требует огромной предварительной работы.

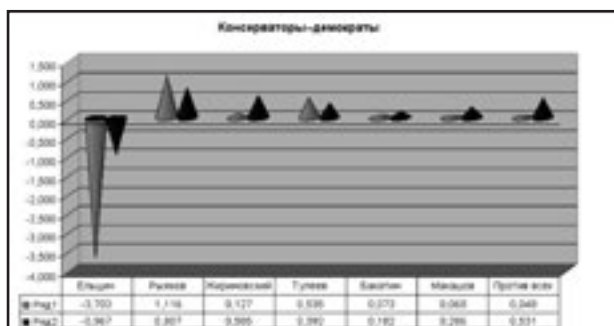
Однако, даже не углубляясь в детали, можно заметить, что выборы-1989 проходили в условиях полного доминирования кандидатов от КПСС над независимыми, обеспечиваемого в основном административными средствами. Что касается выборов-1990, то на них инициатива перешла к оппозиции, представленной прежде всего кандидатами от «Демократической России». Но, учитывая, что эти кандидаты побеждали в основном в крупных городах, оставляя провинцию и национальные республики правящей номенклатуре, можно предположить, что и на этих выборах размежевание по линии «власть–невласть» играло не последнюю роль.

Первой кампанией, результаты которой легко проанализировать в общенациональном масштабе, были выборы президента РСФСР 1991 г. Факторный анализ выявляет здесь два ключевых размежевания: первое (35,4% объясненной вариации) – между Б.Ельциным и всеми остальными кандидатами (в первую очередь Н.Рыжковым и В.Жириновским; коэффициент вклада в размежевание, впрочем, отводит главную роль Н.Рыжкову и А.Тулееву) (диагр. 1), второе

⁴Ахременко А.С. Структуры электорального пространства...; Коргунок Ю.Г. Псевдоминантная партийная система и предпочтения российских избирателей...; Коргунок Ю.Г. Электоральные размежевания и мотивы голосования...; Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических» режимах...

(21,7%) – между А.Тулеевым, с одной стороны, и А.Макашовым и В.Бакациным, с другой (диагр. 2).

Диаграмма 1. Основное размежевание на президентских выборах 1991 г. (35,4% объясненной вариации)

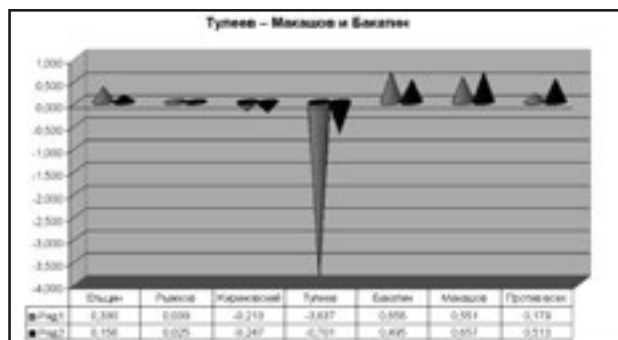

Здесь и далее:

Ряд 1 – коэффициент вклада в размежевание

Ряд 2 – факторная нагрузка

Диаграмма 2. Второе размежевание на президентских выборах 1991 г. (21,69% объясненной вариации)

А.Ахременко определил первое размежевание как противостояние между сторонниками и противниками модернизации⁵. Указанный момент, несомненно, имел место, равно как и элемент противостояния между сторонниками свободного рынка (капитализма) и планового хозяйства (социализма). Однако если бы всё сводилось только к этому, то главным антагонистом Б.Ельцина стал бы не Н.Рыжков, позиционировавший себя сторонником умеренных и

⁵Ахременко А.С. Структуры электорального пространства... С. 134-135.

осторожных рыночных реформ, а радикально-ортодоксальный коммунист А.Макашов. Но поскольку «демократу» Ельцину противостояли прежде всего Рьжков и Жириновский, т.е. сторонники «сильного» государства, следовательно, налицо также разновидность консервативно-либерального размежевания – именно до этого состояния к тому времени созрело противостояние между властью и «общественностью».

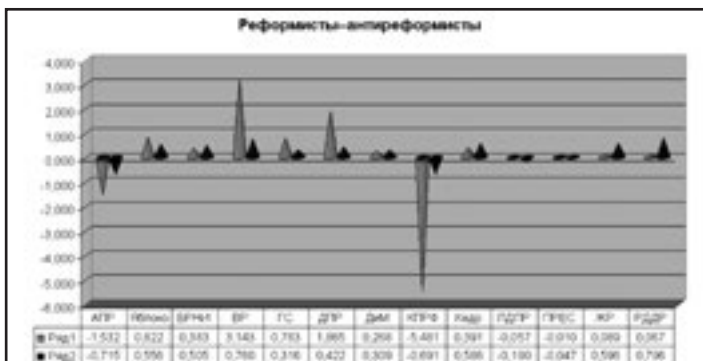
Второе размежевание отражало уровень социально-политической (не)зрелости тогдашнего российского общества. На самом деле никакого размежевания, по сути, не было; речь шла всего лишь о популярности того или иного кандидата в том или ином регионе: А.Тулеева – в Сибири (прежде всего в «родной» Кемеровской области), В.Бакатина и А.Макашова – в европейской части страны. В данном случае выбор избирателя обуславливался симпатией к определенной личности вне зависимости от его, избирателя, политических взглядов, зачастую – по «местническому» принципу.

На думских выборах 1993 г. консервативно-либеральное размежевание утратило ведущее значение. Факторный анализ выделил здесь (при исключении случая Ингушетии, где наибольшее число голосов совершенно неожиданно получила Демократическая партия России, в целом по стране с трудом преодолевшая 5%-ный барьер) следующие основные размежевания.

Первое (29,8% объясненной вариации) заключалось в противостоянии КПрФ и АПр, с одной стороны, и «Выбора России», «ЯБЛОКА» и РДДР, с другой (согласно коэффициенту вклада в размежевание, в роли главных антагонистов выступили «Выбор России» и КПрФ) (диагр. 3). Данное размежевание легко интерпретируется как противостояние рыночных реформистов и антирыночников.

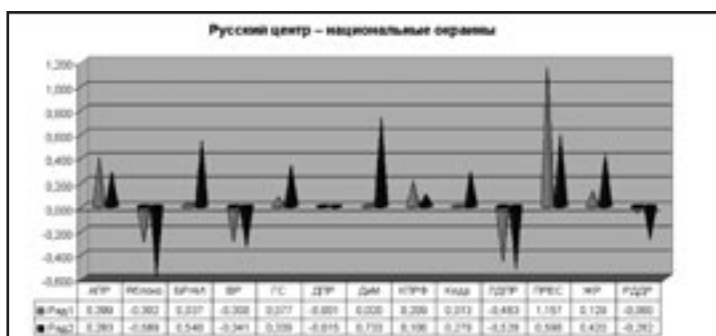
Второе размежевание (18,9%) разделило проголосовавших за ЛДПР, «ЯБЛОКО» и отчасти «Выбор России», с одной стороны, и за Партию российского единства и согласия, объединение «Достоинство и милосердие», блок «Будущее России – Новые имена», с другой (диагр. 4). Согласно результатам регрессионного анализа (метод линейной пошаговой регрессии), голосование за ПРЕС, БРНИ и ДиМ было положительно связано с коэффициентом естественного прироста населения и отрицательно – с числом посещений музеев на 1000 человек и площадью жилья на 1 жителя (табл. 1). Если учесть, что в соответствии с факторными значениями, присваиваемыми каждому региону, по одну сторону размежевания оказались столичные города (Москва и Санкт-Петербург), а по другую – национальные республики, то можно с высокой долей уверенности утверждать, что имело место противостояние русского центра и национальных окраин.

Диаграмма 3. Основное размежевание на думских выборах 1993 г. (29,8% объясненной вариации)

- АПР – Аграрная партия России
- ЯБЛОКО – избирательный блок «Явлинский–Болдырев–Лукин»
- БРНИ – избирательный блок «Будущее России – Новые имена»
- ВР – избирательный блок «Выбор России»
- ГС – избирательный блок «Гражданский союз во имя стабильности, справедливости и прогресса»
- ДПР – Демократическая партия России
- ДиМ – избирательный блок «Достоинство и милосердие»
- КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации
- Кедр – Конструктивно-экологическое движение «Кедр»
- ЛДПР – Либерально-демократическая партия России
- ПРЕС – Партия российского единства и согласия
- ЖР – движение «Женщины России»
- РДДР – Российское движение демократических реформ

Диаграмма 4. Второе размежевание на думских выборах 1993 г. (18,91% объясненной вариации)

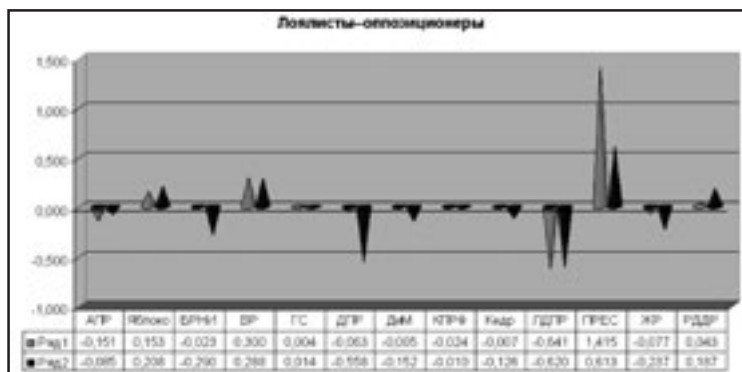
В третьем размежевании (10,9%) главными антагонистами оказались ЛДПР и ДПР, с одной стороны, и ПРЕС, отчасти «Выбор России» и «ЯБЛОКО», с другой

(диагр. 5). Согласно данным регрессионного анализа, голосование за вторую сторону размежевания положительно связано с такими характеристиками, как выпуск газет на 1000 человек, число родившихся на 1000 человек, число посещений музеев на 1000 человек и численность населения субъекта Федерации (а следовательно, наличие на его территории крупных городов) (табл. 2). Союз столиц и ряда национальных республик, характеризующихся высоким уровнем поддержки местной власти, противостоял здесь «оппозиционным» регионам. В общем, перед нами противостояние «управляемых» и «неуправляемых» территорий – в такой форме проявилось на данных выборах консервативно-либеральное размежевание, а точнее, размежевание между властью и «невластью».

Таблица 1. Регрессионная модель факторной переменной второго размежевания на думских выборах 1993 г. ($R^2 = 0,44$)

	<i>Beta</i>	<i>t</i>	<i>Sig.</i>
Коэффициент естественного прироста населения	0,472	5,256	0,000
Число посещений музеев на 1000 человек	-0,272	-3,046	0,003
Площадь жилья на 1 жителя	-0,231	-2,632	0,010

Диаграмма 5. Третье размежевание на думских выборах 1993 г. (10,91% объясненной вариации)

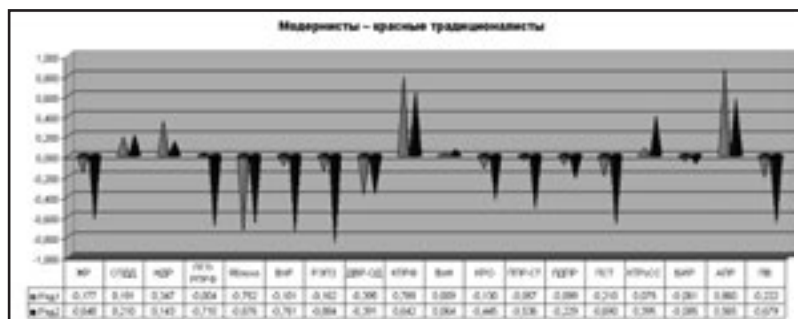
Таблица 2. Регрессионная модель факторной переменной третьего размежевания на думских выборах 1993 г. ($R^2 = 0,29$)

	<i>Beta</i>	<i>t</i>	<i>Sig.</i>
Выпуск газет на 1000 человек	0,097	0,748	0,457
Число родившихся на 1000 человек	0,397	3,634	0,001
Число посещений музеев на 1000 человек	0,311	2,664	0,010
Численность населения	0,267	2,078	0,041

На думских выборах 1995 г. ведущими участниками главного размежевания (29,6% объясненной вариации) по-прежнему оставались КПРФ и АПР. Состав их антагонистов, однако, несколько размылся. Кроме открытых либералов-рыночников – «ДВР – Объединенные демократы», «ЯБЛОКО», движение «Вперед, Россия!», блок «Памфилова–Гуров–Лысенко (РПРФ)» – здесь присутствовали также объединения, которые трудно отнести к числу реформистов: Партия самоуправления трудящихся, «Женщины России», Российская экологическая партия «Зеленые», «Профсоюзы и промышленники России – Союз труда», Конгресс русских общин (диагр. 6). Судя по всему, избиратель в этом случае ориентировался не столько на партийные программы, сколько на язык, которым они излагались. Размежевание с идеологически осознанного уровня сместилось на ценностный, точнее, ценностно-идеологический, особенностью которого является то, что одна часть избирателей хорошо осознаёт, за кого и почему голосует, а другая – не очень. В целом же размежевание можно интерпретировать как противостояние «модернистов» и «красных традиционалистов».

Диаграмма 6. Основное размежевание на думских выборах 1995 г. (29,62% объясненной вариации)

ЖР – движение «Женщины России»

СПДД – Социал-патриотическое движение «Держава»

НДР – избирательный блок «Наш дом – Россия»

ПГЛ-РПРФ – избирательный блок «Памфилова–Гуров–Лысенко (Республиканская партия РФ)»

ЯБЛОКО – объединение «ЯБЛОКО»

РЭПЗ – Российская экологическая партия «Зеленые»

ДВР-ОД – избирательный блок «Демократический выбор России – Объединенные демократы»

КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации

ВлН – избирательный блок «Власть – народу»

КРО – избирательный блок «Конгресс русских общин»

ППР-СТ – избирательный блок «Профсоюзы и промышленники России – Союз труда»

ЛДПР – Либерально-демократическая партия России

ПСТ – Партия самоуправления трудящихся

КТРэСС – избирательный блок «Коммунисты – Трудовая Россия – за Советский Союз»

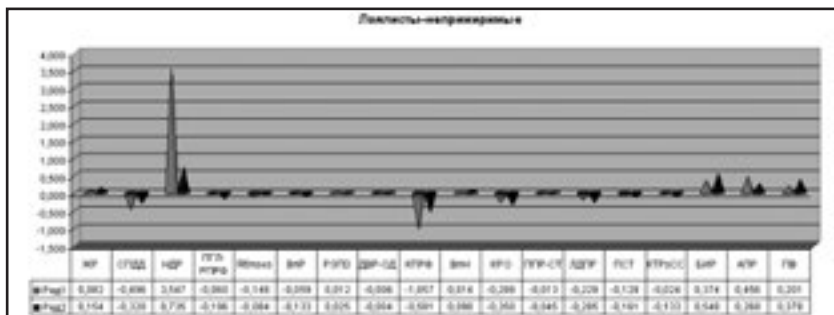
БИР – «Блок Ивана Рыбкина»

АПР – Аграрная партия России

ПВ – против всех

Диаграмма 8. Третье размежевание на думских выборах 1995 г. (10,23% объясненной вариации)

Таблица 4. Регрессионная модель факторной переменной третьего размежевания на думских выборах 1995 г. ($R^2 = 0,31$)

	<i>Beta</i>	<i>t</i>	<i>Sig.</i>
Доля русских	-0,362	-3,482	0,001
Число родившихся на 1000 человек	0,310	2,979	0,004

Переломным моментом в трансформации структуры электоральных размежеваний явилась думская кампания 1999 г. А.Ахременко интерпретировал ведущее размежевание этих выборов (34,1% объясненной вариации) как всё то же противостояние левых консерваторов и правых реформаторов⁶. Проблема, однако, заключается в том, что в качестве главных участников этого размежевания он выделил, с одной стороны, КПРФ, а с другой – СПС и «ЯБЛОКО»⁷. На самом деле картина противостояния была более сложной: в нем участвовали КПРФ и блок «Отечество – Вся Россия», с одной стороны, и большинство участников выборов – в т.ч. Партия пенсионеров, «Блок Жириновского», «Женщины России», – с другой. При этом коэффициент вклада ОВР в данное размежевание существенно превышал аналогичный показатель КПРФ (диагр. 9).

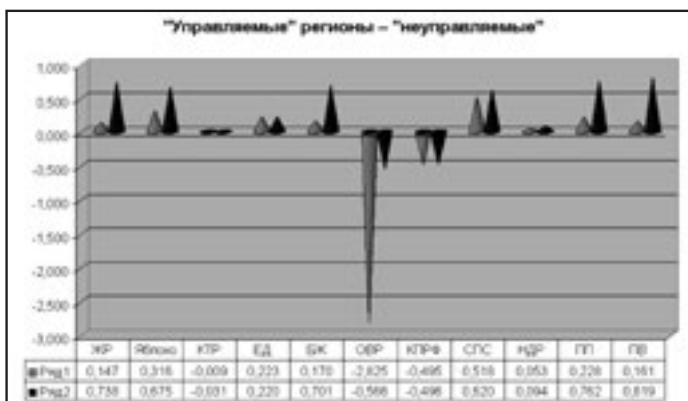
Регрессионный анализ выделил в качестве главного предиктора, обуславливающего голосование за КПРФ и ОВР, долю городского населения. Чем меньше была эта доля, тем с большим энтузиазмом соответствующий регион поддерживал коммунистов либо сторонников Е.Примакова и Ю.Лужкова. Кроме того, поддержка КПРФ и ОВР была отрицательно связана с долей русских в населении региона, уровнем преступности и размером среднедушевого дохода и пенсий. При этом нельзя сказать, что эта поддержка была обусловлена бедностью региона – напротив, связь голосования за КПРФ и ОВР с объемом валового регионального продукта на душу населения имела положительную

⁶Ахременко А.С. Структуры электорального пространства... С. 170.

⁷Там же. С. 169.

зависимость (табл. 5). Это говорит о значительном имущественном расслоении в соответствующих субъектах Федерации, но также о высокой управляемости голосования. Коммунистов и ОВР поддержали в первую очередь национальные республики, в том числе богатые ресурсами, но с невысоким уровнем жизни и относительно низким уровнем преступности. В последующих избирательных кампаниях именно эти регионы обеспечили «Единой России» наибольший процент голосов.

Диаграмма 9. Основное размежевание на думских выборах 1999 г. (34,12% объясненной вариации)

ЖР – движение «Женщины России»

ЯБЛОКО – объединение «ЯБЛОКО»

КТР – избирательный блок «Коммунисты – трудящиеся России – за Советский Союз»

ЕД – избирательный блок «Межрегиональное движение «Единство»» («Медведь»)

БЖ – «Блок Жириновского»

ОВР – избирательный блок «Отечество – Вся Россия»

КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации

СПС – избирательный блок «Союз правых сил»

НДР – движение «Наш дом – Россия»

ПП – Партия пенсионеров

ПВ – против всех

Суть второго размежевания (19%) состояла в противостоянии «ЯБЛОКА», СПС и ОВР, с одной стороны, и «Единства», КПРФ, блока «Коммунисты – трудящиеся России – за Советский Союз» и «Блока Жириновского», с другой (диагр. 10). В значительной части регионов, где блок «Отечество – Вся Россия» не являлся «партией власти», он выступал в роли союзников либералов⁸. Регрессионный анализ выявил положительную связь голосования за коалицию либералов и ОВР с численностью зрителей театров на 1000 человек и отрица-

⁸Коргунок Ю.Г. Электоральные размежевания и мотивы голосования... С. 108-109.

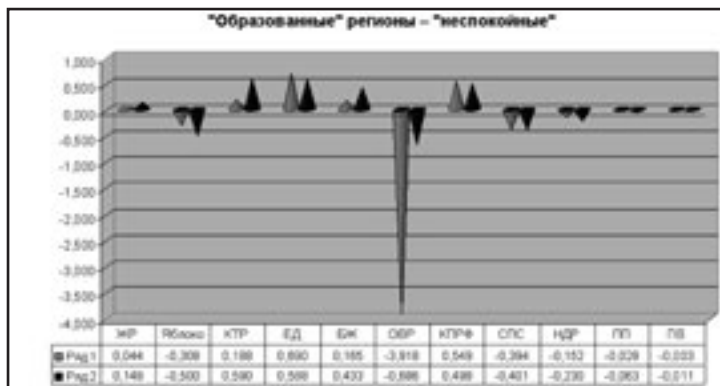
тельную – с уровнем преступности (табл. 6). Таким образом, имела место разновидность консервативно-либерального размежевания, отражающая скорее бытовые, нежели политические или экономические реалии: «образованные» регионы противостояли «неспокойным», соскучившимся по стабильности.

Таблица 5. Регрессионная модель факторной переменной первого размежевания на думских выборах 1999 г. ($R^2 = 0,75$)

	<i>Beta</i>	<i>t</i>	<i>Sig.</i>
Доля городского населения	0,173	1,989	0,051
Уровень преступности	0,281	4,081	0,000
Доля русских	0,372	4,771	0,000
Размер пенсий	0,212	3,194	0,002
Среднедушевой доход	0,490	3,349	0,001
ВРП на душу населения	-0,305	-2,275	0,026

Наконец, третий фактор (10,5%) обусловлен размежеванием между прагматически настроенными избирателями «Единства» и идеологически мотивированными избирателями КПр, КТРЗСС и «ЯБЛОКА» (диагр. 11). Регрессионный анализ выявил здесь только один сколько-нибудь значимый предиктор – инновационную активность предприятий (табл. 7). Там, где эта активность была выше, избиратели предпочитали голосовать либо за коммунистов, либо за их идеологических оппонентов из СПС; там, где она была низкой, – за «Единство». Таким образом, именно в ходе данного избирательного цикла размежевание по линии «власть–невласть» начало возвращать себе ведущие позиции, а идеологизация голосования резко снизилась, сменившись ценностной и прагматической мотивациями, а то и просто уступками давлению со стороны властных элит.

Диаграмма 10. Второе размежевание на думских выборах 1999 г. (18,99% объясненной вариации)

Таблица 6. Регрессионная модель факторной переменной второго размежевания на думских выборах 1999 г. ($R^2 = 0,24$)

	<i>Beta</i>	<i>t</i>	<i>Sig.</i>
Численность зрителей театров на 1000 человек	-0,351	-3,514	0,001
Уровень преступности	0,335	3,354	0,001

Диаграмма 11. Третье размежевание на думских выборах 1999 г. (10,54% объясненной вариации)

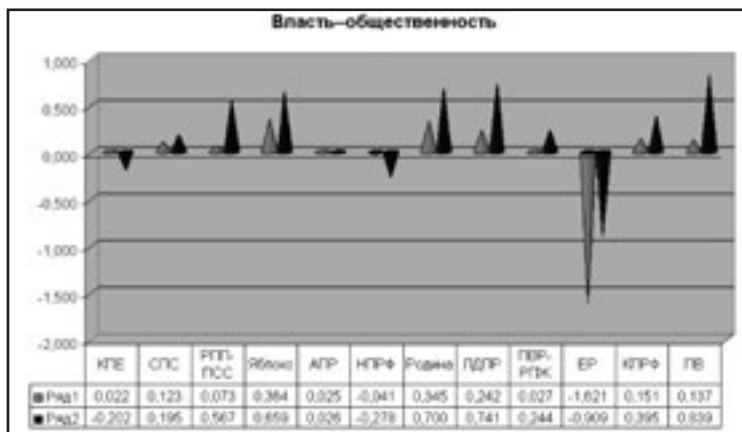

Таблица 7. Регрессионная модель факторной переменной третьего размежевания на думских выборах 1999 г. ($R^2 = 0,08$)

	<i>Beta</i>	<i>t</i>	<i>Sig.</i>
Инновационная активность организаций	-0,286	-2,586	0,012

На думских выборах 2003, 2007 и 2011 гг. «властно-невластное» размежевание уже прочно заняло ведущие позиции (диагр. 12–14). При этом в роли второго фактора каждый раз выступали весьма схожие по своему содержанию размежевания: в 2003 г. – противостояние либералов-рыночников и коммунистов-антирыночников (диагр. 15), в 2007 г. – либералов и социал-протекционистов (диагр. 16), в 2011 г. – «европейцев» (западников) и «самобытников» (социал-патерналистов) (диагр. 17).

Диаграмма 12. Основное размежевание на думских выборах 2003 г. (31,24% объясненной вариации)

КПЕ – Концептуальная партия «Единство»

СПС – Союз правых сил

РПП-ПСС – избирательный блок «Российская партия пенсионеров – Партия социальной справедливости»

ЯБЛОКО – партия «ЯБЛОКО»

АПР – Аграрная партия России

НПРФ – Народная партия РФ

Родина – избирательный блок «Родина – народно-патриотический союз»

ЛДПР – Либерально-демократическая партия России

ПВР-РПЖ – избирательный блок «Партия возрождения России – Российская партия жизни»

ЕР – «Единая Россия»

КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации

ПВ – против всех

Таким образом, хватило всего десятка лет, чтобы после «бурных 90-х» противостояние власти и «невласти» вновь стало главным фактором, определяющим структуру электоральных размежеваний постсоветской России.

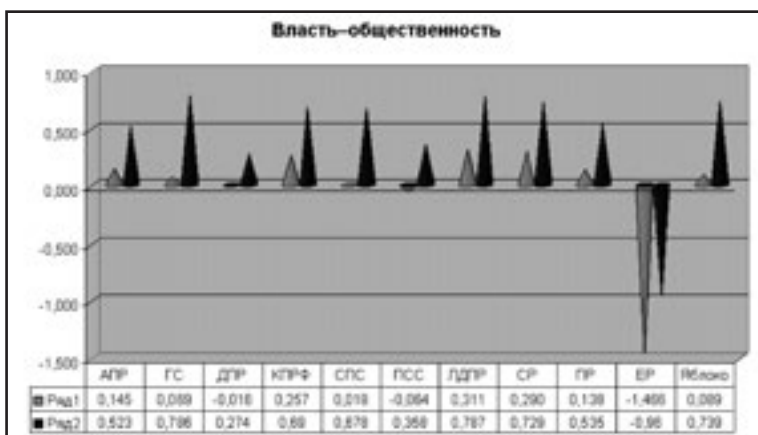
2. ОЧЕРЕДНАЯ СМЕНА ВЕХ – ЧТО ДАЛЬШЕ?

Всплеск протестного движения после 4 декабря 2011 г. показал, что административная экспансия в пространство отечественной публичной политики достигла своего естественного предела, и маятник начал обратный ход. Исходя из имеющегося опыта можно предположить, что размежевание по линии «власть—невласть» трансформируется поначалу в противостояние власти и оппозиции (последняя не только бросает вызов режиму, но и одерживает локальные победы), а затем в полноценное консервативно-либеральное размежевание, подразумевающее не манипуляцию итогами голосования со стороны власть имущих, а победу той или иной стороны в результате осознанного выбора избирателей.

Впрочем, вполне реален и революционный сценарий – смена режима произойдет не через его поражение на выборах, а вследствие полной утраты опоры не только среди населения, но и внутри правящей элиты. Обычно такое случается в результате слияния политического протеста с протестом социальным – как правило, в ситуации резкого снижения жизненного уровня основной массы населения.

И в том и в другом случае проблема противостояния власти и «общественности» будет снята. Вопрос в том, окончательно или временно, не вернется ли оно через какое-то время на прежние позиции.

Диаграмма 13. Основное размежевание на думских выборах 2007 г. (52,98% объясненной вариации)

АПР – Аграрная партия России

ГС – «Гражданская сила»

КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации

СПС – Союз правых сил

ЛДПР – Либерально-демократическая партия России

СР – «Справедливая Россия»

ПР – «Патриоты России»

ЕР – «Единая Россия»

ЯБЛОКО – партия «ЯБЛОКО»

Ответ во многом зависит от того, какое размежевание придет на смену в качестве ведущего и каково будет соотношение сил между сторонами этого нового размежевания.

В прежние времена, когда рушилась политическая монополия, противостояние между властью и «невластью» сменялось размежеванием между сторонниками рынка и демократии, с одной стороны, и эгалитаристами-патерналистами, с другой.

В 1917 г. сторонники демократии набрали на выборах в Учредительное собрание всего 10% (и то если отнести к их числу меньшевиков, отнюдь не являвшихся сторонниками рынка) – отсюда и скорая смерть незрелых парламентских институтов: в глазах подавляющего большинства населения они не имели никакой самостоятельной ценности.

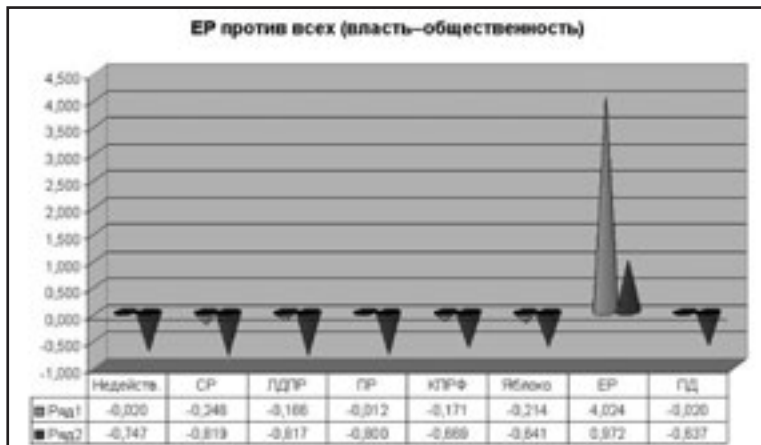
В начале 1990-х баланс сил сложился в пользу демократов-рыночников. На президентских выборах 1991 г. за пару Б.Ельцин–А.Руцкой проголосовало 57,3% избирателей. Однако далеко не все из них симпатизировали одновременно и рынку, и демократии; начавшиеся же в 1992 г. экономические реформы привели к быстрому сокращению данного сегмента электората. Тем не менее на выборах 1993 г. число тех, кто поддержал реформистские объединения, всё еще превышало число тех, кто голосовал за их открытых оппонентов: 27,5% у «Выбора России», «ЯБЛОКА» и РДДР (с учетом ПРЕС эта цифра достигает 34%) против 20,5% у КПРФ и АПР. Правда, результаты выборов по одномандатным округам несколько скорректировали эту пропорцию: в Госдуме первого созыва реформисты контролировали менее трети мест, тогда как их оппоненты (с учетом ЛДПР) – более 40%.

На выборах 1995 г. расстановка сил изменилась в пользу эгалитаристов-патерналистов: за либералов в сумме проголосовало немногим более 15%, за их «красных» оппонентов (КПРФ, АПР и КТРЗСС) – более 30%.

В 1999 г. противостояние демократов-рыночников и эгалитаристов-патерналистов было разбавлено экспансией в публичную политику разного рода «партий власти» («Единство», ОВР, НДР), получивших в сумме около 38% голосов – против 10,14% у НДР в 1995 г. Изменения, впрочем, пока не были кардинальными: 14,5% у СПС и «ЯБЛОКА» против 27,7% у их идеологических противников (КПРФ, КТРЗСС, «Сталинский блок», Движение в поддержку армии).

В 2003 г. соотношение сил либералов-рыночников и социал-протекционистов выглядело уже как 9,3% против 16,25%, в 2007 г. – 3,6% против 14,75% (с учетом ЛДПР и «Справедливой России» последняя цифра возрастает до 30,6%). В 2011 г. «западникам» в лице «Правого дела» и «ЯБЛОКА» с их 4% противостояли «самобытники» из КПРФ и ЛДПР с 30,9% (со «Справедливой Россией» и «Патриотами России» – даже 45%).

Диаграмма 14. Основное размежевание на думских выборах 2011 г. (59,35% объясненной вариации)

Недейств. – недействительные бюллетени

СР – «Справедливая Россия»

ЛДПР – Либерально-демократическая партия России

ПР – «Патриоты России»

КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации

ЯБЛОКО – партия «ЯБЛОКО»

ЕР – «Единая Россия»

ПД – «Правое дело»

Диаграмма 15. Второе размежевание на думских выборах 2003 г. (14,19% объясненной вариации)

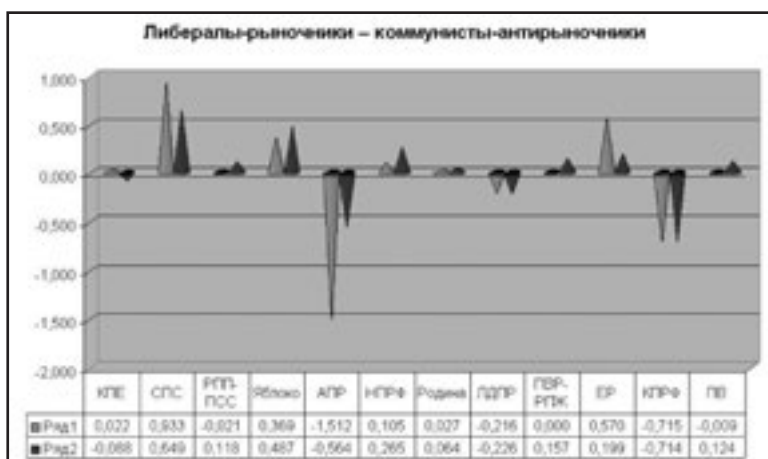

Диаграмма 16. Второе размежевание на думских выборах 2007 г. (13,88% объясненной вариации)

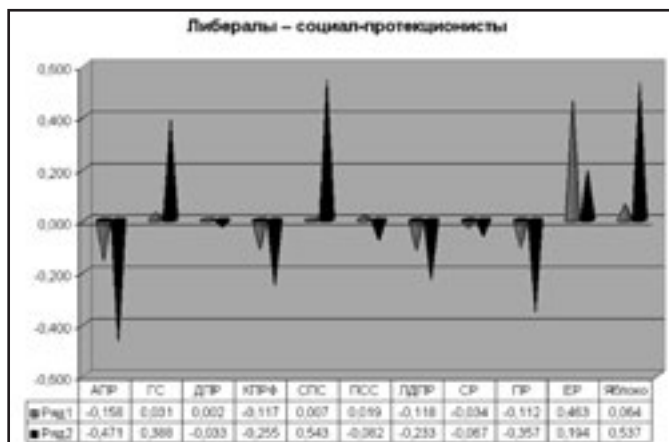
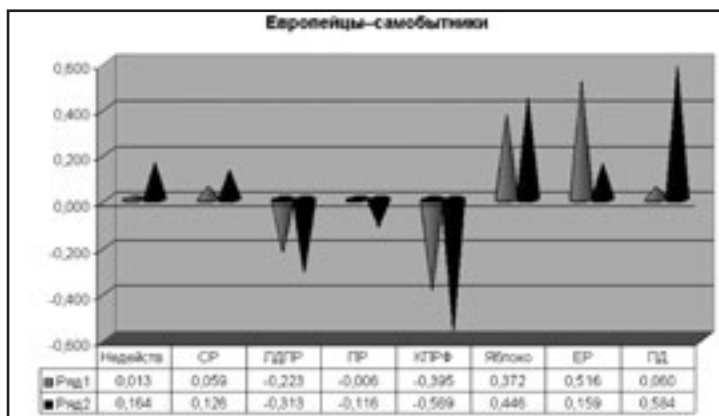

Диаграмма 17. Второе размежевание на думских выборах 2011 г. (13,03% объясненной вариации)

Короче говоря, соотношение сил быстро и верно приближалось к пропорциям 1917 г. И неудивительно – в самом противостоянии эгалитаристов-патерналистов и демократов-рыночников изначально содержится монопольно-конкурентное размежевание, которое в условиях кардинального преобладания первых над вторыми приводит к установлению авторитарного режима той или иной степени жесткости, а следовательно, и к доминированию в структуре электоральных размежеваний противостояния власти и «невласти».

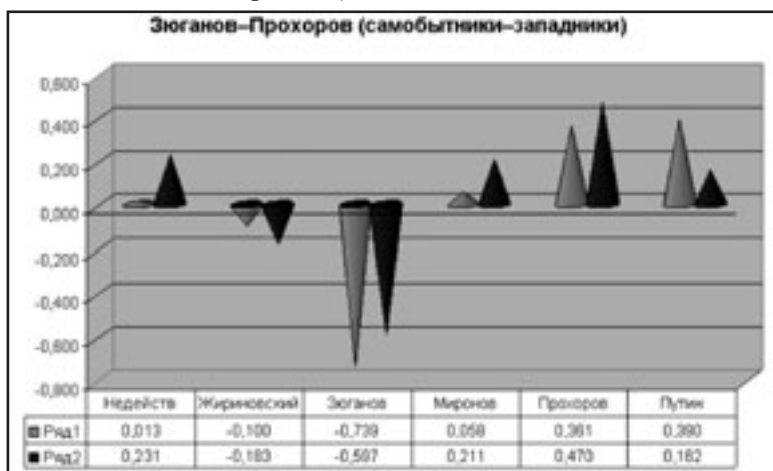
Эгалитаристы-патерналисты уже в силу своей природы нетерпимы к конкуренции и устраняют ее немедленно, как только предоставляется такая возмож-

ность, – в 1917-м большевики так и поступили. Но и демократы-рыночники 1990-х, теряя электоральные позиции, не устояли перед соблазном использовать методы, близкие к авторитарным, сделав ставку на лидера, который умел говорить с эгалитаристски-патерналистски настроенными массами на понятном им языке. Пока таким лидером был Б.Ельцин, эта ставка в какой-то мере себя оправдывала. Но с приходом к власти В.Путина выяснилось, что правитель, умеющий изъясняться таким языком, видит свою главную цель в своей несменяемости.

Диаграмма 18. Основное размежевание на президентских выборах 2012 г. (71,94% объясненной вариации)

Диаграмма 19. Второе размежевание на президентских выборах 2012 г. (12,24% объясненной вариации)

На думских выборах 2011 г. соотношение сил было, на первый взгляд, категорически не в пользу демократов-рыночников. Однако при более пристальном рассмотрении их положение выглядит не столь безнадежным. Не следует сбрасывать со счетов то обстоятельство, что многие из проголосовавших за «Справедливую Россию» отнюдь не разделяли эгалитарстско-патерналистских воззрений. Недаром партия заняла совершенно нейтральную позицию в размежевании «западников» и «самобытников» – даже скорее с легким креном в сторону первых (диагр. 17). В ходе избирательной кампании «эсеры» откровенно конфронтировали с «партией власти», что, судя по всему, и обеспечило им существенный прирост голосов по сравнению с выборами-2007.

Кроме того, слабый результат «Правого дела» не в последнюю очередь объясняется отстранением от руководства партией М.Прохорова, а также недопущением к выборам других либеральных игроков – в частности, Партии народной справедливости «За Россию без произвола и коррупции». Основной же вклад в размежевание со стороны либералов – в соответствии со значениями соответствующего коэффициента – внесли сторонники не ПД и «ЯБЛОКА», а «Единой России» (диагр. 17). Можно предположить, что в случае элиминации «властно-невластного» размежевания многие избиратели «Единой России» поддержат отнюдь не эгалитаристов-патерналистов, а их оппонентов.

Итоги президентских выборов 2012 г. еще более благоприятны для либералов-рыночников. Первый фактор здесь также отражает размежевание между властью и «невластью» – В.Путин противостоит всем остальным кандидатам (диагр. 18). Второй фактор – противостояние между «западниками» и «самобытниками»: главным оппонентом лидера КПрФ Г.Зюганова является «олигарх-модернизатор» М.Прохоров (диагр. 19). Однако данное размежевание имело в этот раз более отчетливую идеологическую составляющую: фактически это противостояние коммунистов-государственников и либералов-рыночников. При этом преимущество Г.Зюганова над М.Прохоровым уже не столь велико – всего лишь в два раза (17,18% против 7,98%). Кроме того, согласно коэффициенту вклада в размежевание, сторонники В.Путина внесли в это противостояние даже больше, чем сторонники М.Прохорова. Следовательно, в случае смены режима значительная их часть будет склонна поддерживать скорее либералов, нежели «самобытников».

Так что ответ на вопрос, кто из участников противостояния «демократы-рыночники vs эгалитаристы-патерналисты» окажется в преимущественном положении, отнюдь не однозначен. Возможно, непосредственно после смены режима эгалитаристы-патерналисты и в самом деле возьмут верх, и России не избежать левого правительства. Однако полученная обществом за последнее десятилетие антиавторитарная прививка вряд ли позволит левым захватить властную монополию. Кроме того, в условиях более-менее нормальной политической конкуренции позиции находящихся у власти социалистов будут скорее ослабевать, чем укрепляться (хотя это вовсе не гарантирует роста популярности либералов).

При этом еще раз подчеркнем: баланс сил в либерально-патерналистском противостоянии во многом будет зависеть от того, каким именно образом произойдет смена режима.

Как уже говорилось, возможны два сценария: эволюционный и революционный. Первый основан на возрастании повседневной политической активности граждан (прежде всего среднего класса), второй – на ситуативном, но очень мощном по последствиям наложении политического протеста на протест социальный.

Регрессионный анализ выявил в качестве наиболее важных предикторов для либерально-коммунистического размежевания на президентских выборах 2012 г. такие характеристики, как численность жителей субъекта Федерации (а значит, наличие в нем крупных городов), число персональных компьютеров на 100 домохозяйств, число малых предприятий на 10 тыс. человек и величина прожиточного минимума. Чем эти показатели выше, тем с большей готовностью избиратели голосовали за рыночный путь развития страны. И наоборот, такие характеристики, как доля живущих на пенсию и объем услуг связи на одного жителя, положительно связаны с голосованием за эгалитаристски-патерналистский сценарий (табл. 8). С первым показателем всё ясно: от пожилого (или нетрудоспособного) человека, не имеющего другого дохода, кроме пенсии, трудно ожидать энтузиазма по отношению к призывам раскрепостить частную инициативу и предпринимательскую активность. А что касается объема услуг связи, то здесь, судя по всему, сказывается степень приобщенности к городской цивилизации. Ведь именно в провинции население больше пользуется услугами почты, телеграфа и междугородного телефона: в крупных городах эти каналы давно уже потеснены мобильной связью и интернетом.

Таблица 8. Регрессионная модель факторной переменной второго размежевания на президентских выборах 2012 г. ($R^2 = 0,51$)

	<i>Beta</i>	<i>t</i>	<i>Sig.</i>
Численность населения	0,584	4,580	0,000
Число персональных компьютеров на 100 домохозяйств	0,155	1,335	0,186
Доля живущих на пенсию	-0,363	-3,939	0,000
Число малых предприятий на 10 тыс. человек	0,389	3,597	0,001
Объем услуг связи на 1 жителя	-0,553	-3,237	0,002
Прожиточный минимум	0,332	2,334	0,022

Если экстраполировать на будущее наблюдаемые тенденции, можно предположить, что рост числа компьютеров у населения и экспансия мобильной связи усилят позиции демократов-рыночников, а увеличение доли пенсионеров и отсутствие успехов в развитии малого бизнеса и повышении прожиточного минимума сработают на эгалитаристов-патерналистов.

Из этого следует, что «революционно-катастрофический» сценарий, при котором нынешний режим рухнет в результате резкого ухудшения социально-экономической ситуации, усилит эгалитаристов-патерналистов, повысив вероятность последующего возвращения к авторитаризму. И наоборот, если режим будет смещен вследствие роста политической активности среднего класса, возрастают и шансы, что «властно-невластное» размежевание навсегда утратит лидирующие позиции в электоральном пространстве.

Толпыгина О.А.

ДИНАМИКА ПРОБЛЕМНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ В ПАРТИЙНОЙ РИТОРИКЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ КАМПАНИЙ 2007, 2011 гг.

Политические партии являются одним из главных «производителей смыслов» в обществе; собственно, в этом заключается их основная функция с точки зрения нормативного демократического идеала – партии артикулируют социальные интересы и трансформируют их в политические платформы, выдвигая социально значимые цели (идеи), формируя политическую повестку дня и влияя таким образом на политический курс. Безусловно, данный подход и в демократических системах является идеалтипической схемой. Однако высокая степень конкурентности режима и институциональные характеристики, благоприятствующие плюрализму и идеологическому многообразию, стимулируют идеологическое творчество партий.

В России в течение двадцатилетней эволюции партийной системы статусные позиции партий в обществе и политической сфере претерпели значительные изменения. Трансформировалась также идеологическая функция партий. До 2000-х гг., в более конкурентной и плюралистичной среде, партийные идеи и идеологии обладали достаточно высокой степенью вариативности и разнообразия. В 2000-х гг. движение политического режима в сторону «партийного авторитаризма» существенно повлияло на характер партийной системы и статус партий: их количество сократилось, оформилось доминирование «партии власти», возможности оппозиции были институционально ограничены. Снижение конкурентности и плюрализма, зависимость от власти сузили спектр предлагаемых партиями идей. В этой ситуации партии в значительной мере переориентировали свои идеологии под запросы «статусного агента», выступая средством легитимации власти и обеспечения лояльности существующему режиму, а у оппозиционных партий еще более сократились возможности трансляции своих идей.

Однако социальная потребность в альтернативных идеологических версиях, не сводимых к официальным предложениям, сохранилась, а в период шестого электорального цикла резко актуализировалась, о чем свидетельствовали повышение уровня политизированности электората в течение избирательной кампании 2011 г. и рост протестного потенциала, который после парламентских выборов вылился в многочисленные и массовые акции протеста. У политических партий появилась возможность транслировать социально значимые идеи и предлагать курс, отличный от версии властной элиты. Каким образом

партии воспользовались этой возможностью? Для ответа на данный вопрос нам кажется продуктивным сравнить специфику партийных идеологий на моменты парламентских выборов 2007 и 2011 гг. В период избирательных кампаний наиболее полно раскрываются характерные черты партийного спектра, так как обострение политической конкуренции требует отчетливой артикуляции партийных идеологических комплексов. Избирательные кампании 2007 и 2011 гг., с одной стороны, обладают безусловным идеологическим сходством, поскольку их функционирование определялось общими институциональными и режимными рамками, с другой стороны, они протекали в различающемся актуальном социально-политическом контексте. В отличие от кампании 2011 г., на выборах 2007 г. уровень политического участия и активности общества был вполне умеренным и воплощался в конвенциональных формах, а политический протест выражался социальной группой, чей масштаб и общественное влияние не вызывали беспокойства у власти.

Предметом нашего анализа является динамика избирательной риторики современных российских политических партий в течение двух последних парламентских избирательных кампаний – как отражение реакции партий на изменившиеся общественные запросы. Для исследования мы выбрали парламентские партии – «Единую Россию», КПРФ, ЛДПР, «Справедливую Россию», – а также партии, утратившие представительство в парламенте, но остающиеся значимыми участниками политического процесса, – «ЯБЛОКО», СПС (2007)/«Правое дело» (2011)¹.

Теоретико-методологическим основанием нашего исследования выступает теория проблемных измерений², которая рассматривает политическую конкуренцию и партийный идеологический спектр с точки зрения проблемных комплексов, артикулируемых различными политическими акторами (политическими партиями в том числе). Традиционно в рамках теории проблемных измерений выделяются семь основных проблемных зон, сопровождающих политическую эволюцию современных государств: социально-экономическая, религиозная, центр–периферия, город–село, поддержка власти, внешнеполитическая и постматериализм. Однако в рамках нашего анализа в традиционный перечень проблемных измерений мы, вслед за исследовательницами современного российского партийного спектра С.Оатс³ и Е.Поповой⁴, включили

¹Хотя «ЯБЛОКО» и СПС («Правое дело») по итогам выборов 2007 и 2011 гг. не получили парламентского представительства, в обеих кампаниях они являлись активными участниками предвыборных дебатов.

²Концепцию проблемных измерений развивали такие авторы, как А.Лейпхарт (Lijphart A. Dimensions of Ideology in European party systems // The Western European party system / Ed. by P. Mair. – Oxford: Oxford univ. press, 1990. P. 132–162), Дж.Сартори (Sartori G. Parties and party systems: A framework for analysis. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1976. P. 45–61), М.Тейлор, М.Лавер (Taylor M., Laver M. Government coalitions in Western Europe. – European journal of political research (Oxford), 1973. Vol. 1, № 3. P. 17–23) и др.

³Oates S. Party platforms: Towards definition of the Russian politic spectrum // Party politics in Post-communist Russia / Ed. by Lowenhardt J. – L.: Frank cass, 1998. P. 76–97.

⁴Попова Е.В. Программные стратегии и модели электорального соревнования на думских и президентских выборах 1995–2004 годов // Третий электоральный цикл в России, 2003–2004 годы. Коллективная монография / Под ред. В.Я.Гельмана. – СПб: ЕУ СПб, 2007. С. 156–195; Попова Е.В. Предвыборная риторика партий и кандидатов в России: парламентские и президентские выборы, 1995–2008 // Материалы V всероссийского конгресса политологов. – М.: РАПН, 2009. С. 67–82.

восьмое измерение – партийная самоидентификация – в силу его высокой значимости для предвыборной риторики.

Термин «предвыборная риторика» мы понимаем в традиции теории рационального выбора, заложенной В.Райкером, – как «выбор партиями декларируемых в предвыборных программах проблем и способов их артикуляции»⁵. Однако если в данной традиции понятие предвыборной риторики включает только партийные манифесты (программы, проекты и т.д.), то мы дополнили его также различными формами предвыборной агитации: плакаты, слоганы, лозунги, аудиоматериалы предвыборных роликов, проспекты, материалы сайтов изучаемых партий и партийная пресса периода выборов.

Для обобщенного наименования именно программных партийных текстов мы используем термин «программная риторика», агитационные материалы определяем как «агитационная риторика».

Изучение партийной программной риторики в современной России не пользуется большой популярностью и часто воспринимается с большим недоверием как научным сообществом, так и политическими аналитиками – политическими технологами, политологами-практиками, СМИ, специализирующимися в сфере политики, и т.д. Основными аргументами против целесообразности такого изучения выступают, во-первых, скепсис в отношении обстоятельств создания программных документов⁶, а во-вторых, простой довод – «их никто не читает».

При всех существующих претензиях к партийным программам, надо отметить, что они выполняют важную роль в межпартийном соревновании. Прежде всего, программы партий являются первичным средством партийной самоидентификации и самопрезентации, через программные тексты партии определяют свою идентичность, обозначая свои позиции по ключевым проблемным зонам и отношению к существующей власти, артикулируя основные идеологические основания своей деятельности. Как пишет Е.Попова, «партийные документы – это основной манифест, который является “лицом” партии...», отличает ее от конкурентов и от других участников политического процесса»⁷. Таким образом, программы выступают в качестве опознавательного знака, некоего лейбла организации и в определенной степени являются «стратегическим ресурсом партии»⁸. Как отмечает О.Малинова, оценивая «идеологическую ценность» партийных программ, «идеология партии может рассматриваться не только как совокупность целей и задач, вытекающих из не-

⁵Riker W. The art of political manipulation. – New Haven: Yale univ. press, 1986; Heresthetic and rhetoric in the Spatial Model // Enelow J., Hinich M. (eds.) Advances in the Spatial Theory of voting. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1990; Agenda formation. – Ann Arbor, MI: Univ. of Michigan press, 1993; The strategy of rhetoric: Comparing of the American Constitution. – New Haven: Yale univ. press, 1996.

⁶Имеется в виду во многом «случайное» происхождение программных документов – тексты пишутся на заказ приглашенными людьми, замысел и концепция не обсуждаются, иногда тексты создаются постфактум, после возникновения самой партии, как было, например, с «Единством».

⁷Попова Е.В. Программные стратегии и модели электорального соревнования...

⁸Там же. С. 158.

кой системы ценностей и принципов (каковой она является по форме), но и как схема самопрезентации, призванная позиционировать данное объединение по отношению к другим политическим акторам и обеспечить его потенциальных сторонников маркерами, облегчающими их идентификацию (что более точно отражает ее основную функцию)»⁹. Поэтому изучение программ представляет особый интерес в плане анализа не столько явно декларируемых положений, сколько интенций, содержащихся в тексте.

Далее, программы, вне зависимости от условий их создания и авторства, неизбежно отражают проблемные зоны периода их создания и таким образом частично определяют круг тем, вокруг которых организуется партийное соревнование. Партии предлагают разные интерпретации злободневной проблематики и в этом случае важен сам факт актуализации предлагаемых версий в общественно-политическом дискурсе.

Наконец, эти документы являются материалом для сравнительного анализа позиций партий по значимым вопросам как в диахронической, так и в синхронической перспективе. Именно этот аспект имели в виду П.Пеннингс и Х.Кеман, когда отмечали, что «электоральные манифесты – это важный и надежный ресурс данных. Они не только обеспечивают связную и регулярную документацию о партийных предпочтениях..., но также представляют огромный массив материалов, которые обеспечивают информацию о развитии партий, политики, идеологии, стратегического подхода к решению проблем, участию и т.д.»¹⁰.

Сравнение программной риторики с предвыборными агитационными материалами обладает, на наш взгляд, большим исследовательским потенциалом и предоставляет широкие познавательные возможности. Анализ программной риторики позволяет определить удельный вес артикулируемых партиями проблемных зон и выявить таким образом наиболее важные из них; кроме того, в партийных программах раскрываются механизмы репрезентации проблемных измерений, а ретроспективный анализ манифестов позволяет судить об их временной динамике. В агитационных предвыборных текстах в большей степени, нежели в программной риторике, раскрываются знаковые или ключевые темы, которые являются фирменным знаком партии, – другими словами, агитационная риторика позволяет определить круг актуальных именно для данной партии проблемных категорий, отделить их от тех, которые выступают обязательным атрибутом предвыборной кампании и которые по разным причинам нельзя не озвучить.

В рамках настоящего исследования мы, во-первых, проанализировали

⁹Малинова О.Ю. Программа как средство психологической самопрезентации политических партий: сравнительный анализ программ «Единства»/«Отечества»/«Единой России»/«Справедливой России» // Политические партии в избирательном процессе: российские и зарубежные сравнения. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. С. 98.

¹⁰Pennings P., Keman H. Towards a new methodology of estimating party policy positions. – Amsterdam: Vrije universiteit Amsterdam, 2002.

удельный вес проблемных измерений в программной риторике современных российских политических партий, а также его динамику в документах 2003, 2007 и 2011 гг.¹¹; а во-вторых, изучили удельный вес проблемных измерений в партийной агитационной риторике электоральных циклов 2007 и 2011 гг. Сопоставление полученных данных в сочетании с качественным анализом содержания проблемных измерений позволило сделать выводы о тенденциях и направленности изменений партийного спектра.

Методом исследования выступал качественный контент-анализ.

Контент-анализ, при всех его видимых недостатках – формализме, невнимании к контекстуальным аспектам документа, был выбран на том основании, что он позволяет, во-первых, выделить количественное соотношение изучаемых проблемных измерений в партийной предвыборной риторике, во-вторых, выявить вектор изменений в презентации проблемных измерений, а в-третьих, наглядно представить результаты исследования – в виде графиков, схем и таблиц. Таким образом, контент-анализ облегчает задачи сравнительного анализа. Кроме того, мы использовали качественную версию контент-анализа, которая позволяет не только оперировать количественными показателями (объемами данных), но и исследовать смысловое наполнение единиц анализа.

В рамках ключевых проблемных измерений мы выделили субкатегории – проблемные сферы, представляющие собой детализацию проблемных измерений. Так, например, в социально-экономическом измерении выделены субкатегории «экономическая сфера» и «социальная сфера»; в проблемном измерении «центр–периферия» – «государственное строительство» (институты эффективного, с точки зрения партий, государственного управления), «центр–регионы» (объем и характер распределения полномочий между федеральным центром и регионами), «культурно–этническая проблематика» (вопросы культурной интеграции общества, взаимодействия национальных культур и т.д.), «национально–цивилизационная самоидентификация» (основы национальной идентичности политики); в измерении «поддержка власти» – «отношение к настоящему режиму» и «демократия–авторитаризм» (тип политического режима, рассматриваемый партией как оптимальный для государства) и т.д.¹²

Как и в большинстве исследований, использующих контент-анализ для

¹¹Анализ современной предвыборной риторики в партийных программах 2003 г. (несмотря на то что «состав игроков» в 2003 г. был несколько иным – партия «Справедливая Россия» еще не существовала, а у ее основной предшественницы, партии «Родина», была иная идеологическая направленность) позволяет составить общее представление о динамике партийного спектра между IV и V–VI электоральными циклами, выделив тенденцию соотношения проблемных измерений в документах, а также вектор эволюции профиля проблемных измерений. Мы взяли именно 2003 г., так как это были первые парламентские выборы, состоявшиеся в период президентства В.Путина и ознаменовавшиеся, как уже было отмечено, существенными изменениями российской политической системы по сравнению с предыдущим этапом.

¹²Те предложения, которые было невозможно идентифицировать в рамках проблемных измерений и проблемных сфер, мы определяли как неcodируемые. К ним мы отнесли, во-первых, неопределенные или формальные предложения, лозунги, которые практически неотличимы у партий разной идеологической направленности (например, «Наша главная цель – построить свободную, сильную и гуманную Россию» [Предвыборная программа СПС, 2007]; «Социальная демократия и гуманизм – это наш, российский путь к справедливому и солидарному обществу» [Предвыборная программа СР, 2011]); во-вторых, экспрессивные фразы (например,

изучения партийной риторики, в качестве кодируемой единицы выступало предложение¹³.

1. УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ПРОБЛЕМНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ В ПРЕДВЫБОРНОЙ РИТОРИКЕ ПАРТИЙ 2003, 2007 И 2011 гг.¹⁴

Удельный вес проблемных измерений в программах 2003, 2007 и 2011 гг. мы обобщили в рейтинг, который позволяет наглядно представить средние данные по партиям, а также их динамику (табл. 1).

Таблица 1. Рейтинг проблемных измерений в предвыборных программах современных российских политических партий 2003, 2007 и 2011 гг.

	<i>Проблемное измерение</i>	<i>Среднее значение по партиям (%)*</i>		
		<i>2011 г.</i>	<i>2007 г.</i>	<i>2003 г.</i>
1.	Социально-экономическое	46,8	44,6	32,3
2.	Центр-периферия	24,3	17,8	19,7
3.	Самидентификация	11,4	11,2	15,6
4.	Поддержка власти	6,6	8,1	10,1
5.	Внешнеполитическое	3,7	4,3	5,0
6.	Город-село	2,9	3,7	2,3
7.	Постматериализм	2,1	1,4	2,1
8.	Религиозное	0,1	0,5	0,2

Как видно из табл. 1, иерархия проблемных измерений в предвыборных программах российских партий за последние три электоральных периода практически не изменилась. Проблемное измерение, которому в программах уделяется самое большое внимание, – социально-экономическое, причем

«Самое дорогое у человека – жизнь. Она дается один раз. И каждый хочет прожить ее в мире и достатке, с достоинством, с чувством уверенности в будущем детей и внуков» [Предвыборная программа КПРФ, 2011]) и риторические восклицания («Какой выбор вы сделаете? Кому доверите власть и высокую ответственность управления страной в последующие 4 года? Нанесете ли своим выбором новый удар по стране, по вашей семье? Или, наоборот, постараетесь им помочь?» [Предвыборная программа ЛДПР, 2007]), а в-третьих, фрагменты документов, содержащие рефлексию по поводу прошлого и будущего политик, образ идеального состояния политической системы и общества в целом (например, размышления СПС об укорененности либеральной и консервативно-охранительной традиций в российской политической культуре: «В нашей политической истории были и периоды сверхцентрализации, вплоть до деспотии, были и времена полной децентрализации и регионального самоуправления, в том числе и представительного» [Предвыборная программа СПС, 2007]).

¹³Предложение в данном случае понимается как «вербальное выражение одной политической идеи или проблемы» (Volkens A., Hearn D. Content-analysis of party programs // Comparative perspective: Handbook and coding instructions. – Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für sozialforschung, 1990. P. 132). Многосоставные предложения, как потенциально содержащие несколько тематических блоков, разбивались на простые («квази-предложения»). Далее определялась принадлежность каждого предложения к тому или иному проблемному измерению. Если предложение не удавалось идентифицировать, то оно не кодировалось. Затем подсчитывалось процентное соотношение предложений по каждому проблемному измерению к объему всего текста, что позволило абстрагироваться от масштаба анализируемых текстов.

¹⁴Данные всех таблиц и диаграмм в настоящем исследовании представляют собой средние арифметические значения, стандартные отклонения не превышают 3,0–3,3.

наблюдается явное усиление этого блока к 2011 г.: ему посвящено в среднем до половины объема программных текстов. Также увеличивается объем измерения «центр–периферия», которому в 2011 г. в среднем отводится до четверти текстов. В отношении других измерений колебания незначительны и составляют от 1 до 4%.

Далее мы детализировали полученные результаты, выстроив рейтинг проблемных сфер (табл. 2). Те измерения, в которых не выделялись подкатегории (внешнеполитическое, постматериализм и др.), мы также включили в рейтинг, теперь уже в качестве проблемных сфер, их исключение из анализа исказило бы итоговые результаты.

Таблица 2. Рейтинг проблемных сфер в предвыборных программах современных российских политических партий 2003, 2007 и 2011 гг.

Проблемная сфера	Среднее значение по партиям (%)		
	2011 г.	2007 г.	2003 г.
Социальная	29,0	28,3	18,7
Экономическая	17,8	16,3	13,6
Государственное строительство	13,7	10,7	10,5
Самидентификация	11,4	11,2	15,6
Авторитаризм–демократия	4,6	4,3	7,5
Культурно–этническая	4,5	1,2	3,2
Внешнеполитическая	3,7	4,3	5,0
Центр–регионы	3,1	1,8	3,1
Национально–цивилизационная самидентификация	3,0	4,1	2,9
Город–село	2,9	3,7	2,3
Отношение к существующему режиму	2,0	3,8	2,6
Постматериализм	2,1	1,4	2,1
Религиозная	0,1	0,5	0,2

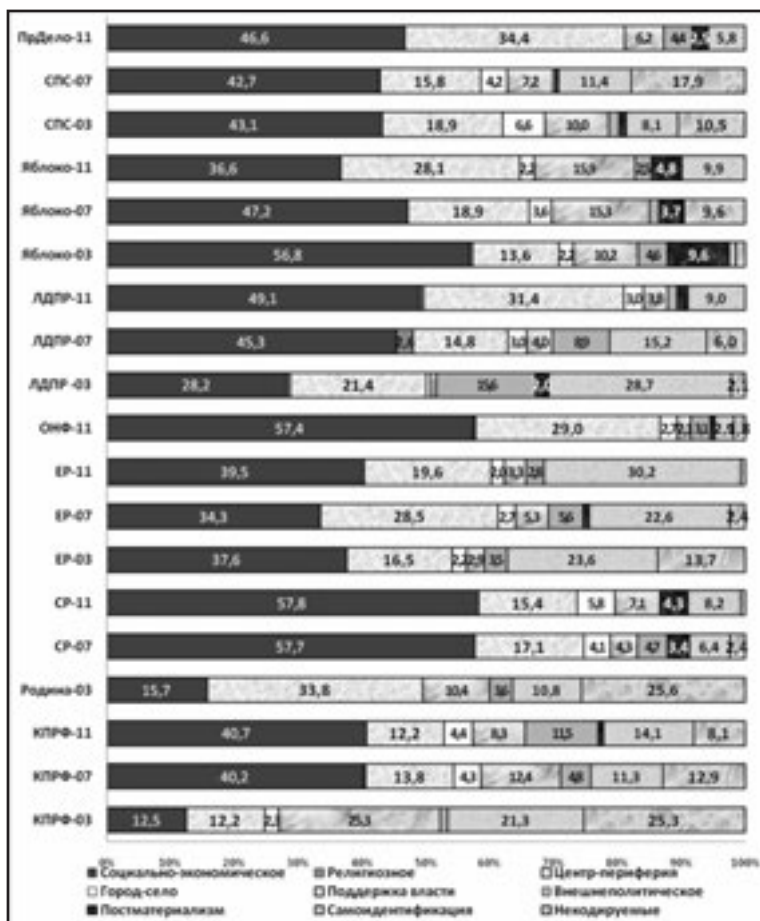
В иерархии проблемных зон изменения проблемных профилей проявляются уже более наглядно. Так, например, полученные данные демонстрируют доминирование социальной проблематики над экономической в рамках социально–экономического измерения, причем с 2003 г. ее объем в программах партий увеличился на 10%. Объем экономической проблематики тоже увеличился, но не так значительно. На третье место в рейтинге 2011 г. вышла тема госстроительства (т.е. состояния и качества функционирования властных институтов), а объем партийной самоидентификации несколько сократился в сравнении с 2003 и 2007 гг. Проблемные зоны, не вошедшие в четверку лидирующих, отстают от них значительно. Проблемы, обычно освещаемые в наименьшей степени, – это, во-первых, сельское хозяйство¹⁵; во-вторых, от-

¹⁵Это измерение традиционно в большей степени представлено в программной риторике СП (5,8% в программе 2011 г.) и КПРФ (4,4%, 2011), однако в самом большом объеме (за весь период 2001–2011 гг.) оно

ношение к существующему режиму (причем к 2011 г. происходит некоторое снижение доли данной проблемы в программах партий); в-третьих, постматериальное измерение, и в-четвертых, религиозная проблематика.

Следующим шагом исследования стал анализ профиля проблемных измерений и его динамики с 2003 по 2011 г. по каждой партии (диагр. 1).

Диаграмма 1. Удельный вес проблемных измерений в предвыборных программах современных российских политических партий 2003, 2007, 2011 гг.¹⁶

было презентовано в программе ЕР 2009 г. – 7,9% (программный документ ЕР «Россия: сохраним и приумножим»). В этом документе обосновывался инициированный партией национальный проект – государственная программа развития сельского хозяйства на период 2008–2012 гг., однако для ЕР этот всплеск интереса носил конъюнктурный характер и больше не повторялся.

¹⁶В диаграмме не указаны данные, объем которых не превышает 2%.

Социально-экономический блок, доминирующий в программных документах 2011 г. у всех партий, в наибольшем объеме (около 60%) представлен в программе «Справедливой России», что неудивительно, учитывая постулируемую социал-демократическую направленность ее идеологии, а также в программе ОНФ – заявленная тактическая направленность документа, а также «народное» происхождение фронта требуют концентрации на самой актуальной для россиян проблематике. У других партий данный блок представлен также в значительном объеме и занимает от четверти (ЕР, КПРФ, ЛДПР, «ЯБЛОКО») до половины текста программы (ЛДПР, «Правое дело»).

Как уже отмечалось, данное измерение неизменно демонстрировало свою актуальность в течение последних десяти лет (и ранее, о чем свидетельствуют исследования Е.Поповой и С.Оатс). В программах практически всех партий (кроме «ЯБЛОКА») удельный вес социально-экономического проблемного измерения с течением времени увеличивался. Партия «ЯБЛОКО» по сравнению с 2007 г. сократила долю социально-экономического измерения на 10% (с 47,2 до 36,6%), однако на те же 10% увеличился объем измерения «центр–периферия», но об этом мы скажем ниже.

Измерение «центр–периферия» у большинства партий (кроме ЕР и КПРФ¹⁷) находится на втором месте, что свидетельствует о его высокой значимости. Из четырех субкатегорий данного измерения (государственное строительство, центр–регионы, культурно-этническая проблематика, национально-цивилизационная самоидентификация) большинство партий наиболее полно раскрывают проблематику государственного строительства (т.е. состояния и качества функционирования властных институтов). Причем у либеральных партий («ЯБЛОКО», «Правое дело», СПС в 2007 г.) доминирование этой тематики особенно заметно, остальным проблемным зонам уделяется гораздо меньше внимания (например, у «ЯБЛОКА» из 28,1% текста, посвященного измерению «центр–периферия», 20,1% отведено государственному строительству, у «Правого дела» соответственно из 34,4 – 29,3%).

Анализ динамики данного измерения с 2003 г. показывает, что в программной риторике «Справедливой России» его объем неуклонно сокращался – это свидетельствует об отходе партии от идеологической позиции нацистроителя, на которую претендовала предшественница СР, партия «Родина». У «Единой России» изменения незначительны, однако наблюдается интересная эволюция:

¹⁷У ЕР и КПРФ в программах 2011 г. на втором месте по объему текста находится партийная самоидентификация, однако у КПРФ различия между партийной самоидентификацией (14,1%), центр-периферийным (12,2%) и внешнеполитическим (11,5%) измерениями несущественны, в силу чего их интерпретация не представляется актуальной. У ЕР партийной самоидентификации отводится почти треть текста программы (30,2%), однако данный факт выглядит закономерным в свете «перераспределения функций» между программами ЕР и ОНФ – у последнего идентификации уделено только 3% текста. С другой стороны, контекст предвыборной кампании 2011 г., как уже отмечалось, значительно отличался от выборов 2007 г. повышением протестного потенциала в обществе и усилением критических настроений в отношении «партии власти». В этих условиях ЕР использовала различные средства для повышения своего авторитета, одним из которых было усиление самоидентификационной составляющей предвыборной риторики.

с 2003 по 2007 г. в программе ЕР постепенно сокращался объем тематики госстроительства и увеличивался – национальной самоидентификации. Достигнув пика в предвыборной программе 2007 г., тенденция пошла на спад: в программе 2011 г. тема госстроительства вновь усилилась, а национальной самоидентификации – ослабела¹⁸. В программах 2011 г. у ЛДПР и «ЯБЛОКА» по сравнению с 2007 г. существенно увеличился масштаб измерения «центр–периферия», причем у ЛДПР, в отличие от других партий, в части культурно-этнической проблематики¹⁹, а у «ЯБЛОКА» – государственного строительства²⁰.

В отношении других проблемных измерений единая для всех партий тенденция отсутствует.

Измерение «поддержка власти» в программах 2011 г. у большинства партий, как правило, не занимает много места (хотя и стоит на четвертой позиции в рейтинге проблемных измерений), его объем варьируется от 8,3 (КПРФ) до 2,1% (ОНФ). Только у «ЯБЛОКА» оно представлено в значительном объеме

¹⁸Объяснение, на наш взгляд, заключается в следующем. К 2007 г. ситуация в стране характеризовалась в целом как экономически и политически стабильная, а укрепление позиций властного центра привело к повышению статуса России во внешнеполитической среде. Как следствие, уровень социального и национального самочувствия людей возрос, риторика национальной самоидентификации (сконцентрированная в популистском лозунге «Россия встала с колен») становится популярной в общественном дискурсе. Данные тенденции накануне выборов нашли закономерное отражение в программной риторике «партии власти», которая позиционировала себя в качестве субъекта позитивных изменений. В предвыборной программе ЕР 2007 г., озаглавленной «План Путина», большое внимание уделялось теме «конкурентных преимуществ России», «прорыва» страны к статусу «мирового политического и экономического центра», а также впервые выдвинута идея строительства «гражданской нации» в России. В текстах 2003 и 2006 гг. этой теме уделялось гораздо меньше внимания.

¹⁹К 2011 г. в обществе усилились националистические настроения, данный факт зафиксировали социологические исследования, например ФОМ, «Левада-центра» и др. Так, по результатам опросов ФОМ, проводившихся в ноябре 2011 г., лозунг «Россия для русских» поддерживают 44% опрошенных, а призыв «Хватит кормить Кавказ» – 49% (Слова и славяне. – Опрос ФОМ, 2011 (<http://fom.ru/obshchestvo/10257>)). Данные «Левада-центра» свидетельствуют, что к концу 2010 г. (дата последних исследований) среди опрошенных до 20% возросло количество отмечавших, что они «часто» и «довольно часто» «чувствуют в настоящее время враждебность к людям других национальностей», тогда как в предыдущие годы (с 2002 по 2009-й) число таких ответов не превышало 13% (Чувствуете ли Вы в настоящее время враждебность со стороны людей других национальностей. – Левада-центр, 2011 (<http://www.levada.ru/archive/mezhnatsionnye-otnosheniya/chuvstvuet-lyuy-v-nastoyashchee-vremya-vrazhdebnost-so-storonny>)). Яркими индикаторами изменения общественного мнения в этой сфере послужили массовые выступления на Манежной площади в декабре 2010 г., а также активизация в этот период деятельности националистических движений, в т.ч. «Русского марша». Этнокультурная тематика в 2011 г. также получила дополнительный стимул со стороны официального политического дискурса, в котором национальный вопрос и проблематика межэтнических отношений были легализованы и приобрели статус актуальных. Президент Д.Медведев выступил с речью, посвященной национальным проблемам, на форуме «Современное государство в эпоху социального многообразия» в Ярославле. Премьер В.Путин поднял ту же тему на встрече со студентами в августе 2011 г. Как отмечает М.Шевчук, «произошло изменение властной позиции по национальному вопросу, тогда как ранее он трактовался как результат провокаций» (Шевчук М. Медведев поставил «русский вопрос» в рамки. – ДР: Деловой Петербург, 2011 (http://www.dp.ru/a/2011/09/08/Medvedev_postavil_russki)). На усиление актуальности этнокультурной проблематики в большей степени отреагировали, как и ожидалось, ЛДПР, а также КПРФ и СР. У ЛДПР увеличился текстовый объем предвыборной риторики, посвященной этому проблемному измерению, у КПРФ и СР объемы текста не увеличились, но произошла акцентуация «русского вопроса». Так, например, КПРФ выступила с инициативой восстановления статьи «национальность» в паспорте (правда, лишь для тех, кто пожелает обозначить свое этническое происхождение. См., например: Выступление Г.Зюганова на телеканале «Россия-1» в программе «Вести в субботу» 31.10.2011 (<http://tvrnews.ru/blog/195/25896.html>)), а лидер СР С.Миронов опубликовал статью, полностью посвященную этнокультурной проблематике, где подробно изложил позиции партии (Миронов С. В национальном вопросе нужна справедливость. – КМ.ру, 2011 (<http://www.km.ru/v-rossii/2011/10/11/sotsialnye-problemy-v-rossii/v-natsionalnom-voprose-tozhe-nuzhna-spravedlivost>)).

²⁰В предвыборной кампании 2011 г. «ЯБЛОКО» позиционировало себя как единственную партию, которая,

(15,9%) и находится на втором по упоминаемости месте (причем в программной риторике «ЯБЛОКА», в отличие от других партий, объем данного измерения после 2000 г. неуклонно увеличивался). Из двух проблемных зон данного измерения (отношение к существующему режиму и «авторитаризм–демократия») доминирующим у большинства партий – в течение всех рассматриваемых электоральных циклов – является тема «авторитаризм–демократия» (т.е. представление об оптимальном политическом устройстве государства).

Следует упомянуть еще об одной интересной трансформации 2011 г. – по сравнению с 2007 г. у КПРФ в два раза увеличился текстовый объем, занимаемый внешнеполитическим измерением (с 4,8 до 11,5%)²¹.

Данные, представленные в диагр. 1, демонстрируют отличие программ 2003 г. и 2007, 2011 гг.: если проблемные профили программ 2007 и 2011 гг. имеют определенное сходство, то в программах 2003 г. нет единообразной иерархии ключевых проблемных измерений – так, у партии «Родина» на первом месте измерение «центр–периферия», а у КПРФ – «поддержка власти». На втором месте у КПРФ, ЕР и ЛДПР самоидентификация, у «Родины» – социально-экономическое измерение, а у СПС и «ЯБЛОКА» – «центр–периферия». Объем даже доминирующих проблемных измерений варьируется значительно, чем в программах 2007 и 2011 гг. (например, диапазон социально-экономического измерения колеблется от 56,8% у «ЯБЛОКА» до 12,2% у КПРФ). Таким образом, можно сделать вывод, что профиль проблемных измерений, представленный в партийной программной риторике на выборах 2003 г., многообразнее и сложнее, чем на выборах 2007 и 2011 гг.

2. УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ПРОБЛЕМНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ В АГИТАЦИОННОЙ РИТОРИКЕ ПАРТИЙ 2011, 2007 г.

Материалом для анализа агитационной риторики послужили как публикации в печатных СМИ, так и видеоматериалы (предвыборные и агитационные партийные ролики, видеозаписи предвыборных дебатов)²². Рассматривались печатные материалы за три месяца – с начала сентября по декабрь 2007 и 2011 гг., видеоматериалы – за один месяц, ноябрь²³.

В качестве анализируемых печатных материалов использовалась партий-

---

во-первых, предлагает альтернативу в безальтернативной среде, а во-вторых, выдвигает «конкретную программу действий». В контексте актуализации темы безальтернативности в преддверии президентских выборов 2012 г. переориентация программной риторики «Яблока» на сферу государственного строительства выглядит обоснованной: так как неконкурентные институты являются препятствием для модернизации страны, то партия предлагает «конкретные пути и способы» реформирования государственных структур.

²¹Объясняется это, на наш взгляд, особенностями внешнеполитического контекста в предвыборный период, характеризующегося, в интерпретации КПРФ, расширением военной экспансии США (в т.ч. операция НАТО в Ливии) и, соответственно, сокращением внешнеполитического влияния России. В программе 2011 г. в числе пяти основных вызовов, стоящих перед современной Россией, названы «утрата обороноспособности и потеря ключевых союзников» [Предвыборная программа КПРФ, 2011].

²²Мы не включили в данное исследование анализ партийных предвыборных дебатов, так как темы дебатов или определяются предварительно, или модерируются ведущим; соответственно, текстовые (временные) масштабы презентации проблемных измерений в дебатах не являются показательными для целей нашей работы.

²³Определение временного периода связано с официальным началом предвыборной кампании и предвыборной агитации, регламентируемых избирательным законодательством (указами президента РФ от 2 сентя-

ная пресса²⁴, выступления лидеров (а также лиц, имеющих высокий статус в партийной иерархии) на предвыборных партийных съездах, на различных массовых акциях, перед избирателями, интервью различным изданиям. При этом для анализа отбирались те выступления (интервью), которые были опубликованы на партийных сайтах, – мы предположили, что материалы, помещаемые на сайты, проходят селекцию с точки зрения важности для партии. Как выяснилось, публикации в партийной прессе и тексты выступлений лидеров, размещенные на сайте, во многом дублируют друг друга: во-первых, в партийной прессе перепечатываются выступления лидеров; во-вторых, выпуски часто строятся вокруг выступлений лидеров, более подробно раскрывая обозначенные лидером темы; в-третьих, круг обсуждаемых проблем идентичен и в выступлениях, и в прессе. Кроме того, выступления лидеров также тематически единообразны – т.е. выстраиваются вокруг одной тематической модели. Все это позволило обобщить результаты контент-анализа партийных печатных материалов в средние показатели²⁵ (вывести среднее арифметическое) – см. табл. 3 и 4.

При анализе данных, представленных в табл. 3 и 4, обнаруживаются интересные тенденции, которые характерны для всех партий в течение пятой, так и шестой думских избирательных кампаний:

1) в агитационной риторике сокращаются объемы текста, посвященного, во-первых, социально-экономическому измерению (у всех партий этот блок уменьшился в несколько раз), а во-вторых, измерению «центр–периферия»;

2) значительно увеличиваются масштабы измерения «поддержка власти» (причем именно в плане отношения к существующему режиму) и блок самоидентификации.

В предвыборных роликах всех партий в силу специфики самого жанра безусловно доминирует тема партийной самоидентификации (в плане как самопрезентации, так и демонстрации отношения к другим партиям), которая выступала обрамлением, контекстом для артикуляции проблемных сфер, принципиальных для той или иной партии. Однако разные партии выбирали для самоидентификации разные способы и средства.

Ролики КППРФ в обоих электоральных циклах построены, с одной стороны, вокруг темы социального неравенства, трактуемого в логике классового конфликта, а с другой, вокруг программных положений партии²⁶. Концепту-

---

бря 2007 г. № 1144 и от 29 августа 2011 г. № 1124 «О назначении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации нового созыва», Федеральным законом от 18 мая 2005 года № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Ст. 56. «Агитационный период»).

²⁴Периодические печатные издания есть у КППРФ – газеты «Правда» (проанализированы №№ 96–133 за 2007 г. и 94–135 за 2011 г.) и «Советская Россия» (№№ 120–162 за 2007 г. и 97–135 за 2011 г.), у ЛДПР – газета «ЛДПР» (выпуски от 1.09.2007, 1.10.2007, 29.10.2007, 22.11.2007 и №№ 10–12 за 2011 г.) и журнал «За русский народ» (№№ 3–4 за 2007 г. и 3–4 за 2011 г.); у СПС – газета «Правое дело» (№№ 13–15 за 2007 г.).

²⁵Вся совокупность указанных текстов была сведена в один массив (тексты, которые дублируют рассмотренные, исключались из анализа).

²⁶Например, Г.Зюганов в одном из роликов объясняет, как партия понимает национализацию.

Таблица 3. Удельный вес проблемных измерений в программной и агитационной избирательной кампании – 2007 г. (в % к общему объему документов)*

Измерения	КПРФ-пр	КПРФ-агит	СР-пр	СР-агит	ЕР-п
1. Социально-экономическое	40,2	23,3	57,7	34,5	34,3
<i>1.1. Экономическое</i>	17,9	9,2	7,5	11,1	14,9
<i>1.2. Социальное</i>	22,2	14,1	50,2	23,4	19,3
2. Религиозное	0,4	-	-	0,2	-
3. Центр–периферия	13,8	9,8	17,1	10,1	28,5
<i>3.1. Государственное строительство</i>	7,1	-	11,1	3,1	8,2
<i>3.2. Центр–регионы</i>	2,3	-	-	0,6	3,9
<i>3.3. Культурно-этническое</i>	0,8	-	4,7	0,5	-
<i>3.4. Национально-цивилизационная самоидентификация</i>	3,5	9,8	1,3	6,0	16,4
4. Город–село	4,3	3,8	4,1	2,2	2,7
5. Поддержка власти	12,4	23,4	4,3	16,6	5,3
<i>5.1. Отношение к режиму</i>	7,4	15,2	1,2	9,7	0,8
<i>5.2. Авторитаризм–демократия</i>	4,9	8,2	3,1	6,9	4,5
6. Внешнеполитическое	4,8	1,1	4,7	3,6	5,6
7. Постматериализм	-	-	3,4	-	1,0
8. Самоидентификация	11,3	39,7	6,4	32,8	22,6
Некодируемые	12,9	-	2,4	-	2,4

*Сокращения: «пр» – программная риторика, «агит» – агитационная риторика.

альной основой самоидентификации КПРФ в роликах как 2007, так и 2011 г. является понятие «большинство», чьи интересы партия представляет: «Вместе мы – большинство, и у нас есть право на свою власть», «Большинство должно побеждать!», «Власть – большинству, Россию – народу» (2011). Основаниями для определения, кто есть «большинство», выступают классовые критерии. В

ой риторике КПРФ, СР, ЕР, ЛДПР, «Яблока» и СПС в пятой парламентской

ЕР-пр	ЕР-агит	ЛДПР-пр	ЛДПР-агит	Яблоко-пр	Яблоко-агит	СПС-пр	СПС-агит
34,3	9,6	45,3	18,9	47,2	5,2	42,7	8,5
14,9	6,9	14,6	12,1	22,8	4,5	19,9	2,0
19,3	2,7	30,7	6,8	24,4	0,7	22,8	6,4
-	-	2,6	1,1	-	0,9	0,1	9,8
28,5	17,3	14,8	11,2	18,9	1,5	15,8	0,6
8,2	9,7	9,0	2,3	16,9	1,0	11,6	0,3
3,9	2,0	2,6	0,8	-	-	1,8	-
-	0,2	1,2	3,4	0,6	-	-	0,3
16,4	5,3	2,0	4,7	1,4	0,4	-	-
2,7	0,4	3,0	6,8	3,6	-	4,2	0,2
5,3	29,3	4,0	9,3	15,3	20,8	7,2	26,9
0,8	24,3	0,8	6,3	6,5	18,4	5,9	17,6
4,5	5,0	3,3	3,0	8,8	2,4	1,3	9,3
5,6	0,5	8,9	2,9	1,5	1,9	0,5	5,6
1,0	-	-	0,4	3,7	3,4	0,3	-
22,6	37,1	15,2	46,0	0,2	44,5	11,4	18,6
2,4	5,8	6,0	3,6	9,6	21,8	17,9	29,9

роликах 2007 г. «большинству» противопоставлялись «кто-то» («Кто-то соревнуется в богатстве и роскоши, а большинство умеет ценить достаток, кто-то считает своим достоянием целого народа, а большинство хочет быть хозяином на своей земле»). В 2011 г. мотив классового антагонизма несколько ослабевает, однако отчетливо проявляется тема коррупции, которой партия посвятила отдельный ролик («Пирамида коррупции. Уничтожим зло, твой голос – сильнее пули!»).

Таблица 4. Удельный вес проблемных измерений в программой и агитационной ри шестой парламентской избирательной кампании – 2011 г. (в % к общему объему до

Измерения	КПРФ-пр	КПРФ-агит	СР-пр	СР-агит	ЕР-пр	Е
1. Социально-экономическое	40,7	22,4	57,8	33,9	39,5	
<i>1.1. Экономическое</i>	19,0	11,8	12,6	16,0	12,2	
<i>1.2. Социальное</i>	21,7	10,6	45,2	17,9	27,3	
2. Религиозное	-	-	-	-	-	
3. Центр–периферия	12,2	8,2	15,4	8,6	19,6	
<i>3.1. Гос. строительство</i>	4,0	-	8,1	2,9	12,5	
<i>3.2. Центр–регионы</i>	-	-	-	0,6	4,4	
<i>3.3. Культурно-этническое</i>	4,2	-	2,5	0,5	1,4	
<i>3.4. Нац.-цивилизационная самоидентификация</i>	4,0	8,2	4,8	4,6	1,3	
4. Город–село	4,4	3,1	5,8	3,8	2,0	
5. Поддержка власти	8,3	20,1	7,1	18,1	3,3	
<i>5.1. Отношение к режиму</i>	3,1	15,1	3,6	12,7	0,3	
<i>5.2. Авторитаризм– демократия</i>	5,1	5,0	3,4	5,4	3,0	
6. Внешнеполитическое	11,5	6,3	-	2,8	2,8	
7. Постматериализм	0,8	-	4,3	-	-	
8. Самоидентификация	14,1	40,0	30,2	32,8	2,9	
Некодируемые	8,1	-	0,7	-	1,8	

Если в предвыборных роликах отношение к существующей власти у КПРФ проявляется косвенно, то в лозунгах и слоганах содержится ее непосредственная оценка: «Пора менять власть!», «Хватит терпеть! Действуй! Время менять власть!», «4 декабря начнем историю с красной строки!», «Новые люди – новый курс – новая жизнь!» (2011).

В отличие от роликов КПРФ, ролики «Справедливой России» в предвыборных кампаниях трансформировались весьма существенно – и содержательно, и в плане изобразительной формы. Ролики 2007 г. освещали исключительно социальную проблематику («Повернем ЖК к человеку лицом!», «Человеку

ой риторике КПРФ, СР, ЕР, ЛДПР, «ЯБЛОКА» и СПС
му документов)

пр	ЕР-агит	ЛДПР-пр	ЛДПР-агит	Яблоко-пр	Яблоко-агит	ПрДело-пр	ПрДело-агит
5	12,5	49,1	21,7	36,6	7,2	46,6	12,4
2	4,2	20,3	17,8	15,3	5,0	20,5	4,3
3	8,3	28,8	4,9	21,3	2,2	26,1	8,1
	-	0,6	0,3	-	-	-	-
5	12,1	31,4	23,3	28,1	13,7	34,4	31,2
5	6,4	10,8	2,1	20,1	11,2	29,3	28,7
	3,2	2,6	0,8	2,4	-	1,0	1,0
	1,4	14,9	16,1	3,5	-	2,2	0,7
	1,1	3,1	4,3	2,0	2,5	2,0	0,8
	0,8	3,0	2,8	2,2	2,2	-	-
	27,6	3,8	10,7	15,9	23,3	6,2	26,6
	25,6	1,9	10,2	0,4	22,5	1,7	18,5
	2,0	1,8	0,5	15,4	1,8	4,5	8,1
	2,8	1,6	1,1	2,5	2,1	4,4	3,9
	-	1,6	-	4,8	3,3	2,5	2,1
	41,4	9,9	36,9	9,8	41,1	5,8	21,4
	2,8	-	3,2	-	7,1	-	2,5

труда – достойную старость!», «Уберем жулье от жилья!»), а партийная самоидентификация строилась на мотиве справедливости и заботы о людях («2007, с заботой о людях!», «В интересах народа!», «Вернуть справедливость в нашу жизнь!»), при этом справедливость понималась как социальная категория (сокращение разрыва доходов полярных социальных групп, социальный патернализм). Стилистика роликов была выдержана в спокойных и позитивных тонах, а социальная действительность трактовалась в них как стабильная. В 2011 г. ситуация радикально изменилась: социальная обстановка стала презентоваться в совершенно иной эмоциональной плоскости

– как драматичная, иногда безысходная²⁷ («Измучили народ, измучили! Ну сколько можно терпеть! Хватит!»). Впервые в риторике СР появился мотив вины власти и образ виновных: это и абстрактные «они» («Они отняли – мы вернем!»), и не менее абстрактные «жулье», «воры» и «чиновники» («Жулье и воры грабят безнаказанно народ», «Во властных коридорах совести давно заткнули рот», «Чиновники, попробуйте прожить на мою пенсию!»), и вполне конкретная ЕР²⁸. Несмотря на такую неопределенную дефиницию виновных, понятие справедливости в роликах СР 2011 г. приобрело политическое звучание, а состояние социальной сферы стало тесно увязываться с политической системой. Целевая аудитория роликов также поменялась – это уже не объекты патернализма, как в 2007 г., но активная действующая сила («Пора менять эпоху! Голос Справедливости отдай!», «Голос нашей совести призывает нас действовать!»). Лозунги и слоганы СР дополняют и продолжают обозначенные в роликах тематические тенденции («За Россию без жуликов и воров!», «Коррупция – государственная измена», «Коррупция – раковая опухоль России», «Жилищно-коммунальные грабители! Хватит доить народ!»), однако в лозунгах политическая составляющая проявляется отчетливее, чем в роликах (и еще более интенсивно, чем в роликах и слоганах 2007 г.), в них, по сути, предлагается изменить режимные характеристики власти («Назначенный губернатор служит начальству, избранный – народу!», «Избранному судье больше веры!»).

Главным приемом, который использовала «Единая Россия» в предвыборной кампании 2007 г., явилось сопоставление настоящего и прошлого, причем «прошлое» – это первое постсоветское десятилетие, а в качестве точки отсчета «настоящего» явно подразумевался приход к власти В.Путина. У ЕР в 2007 г. большой блок роликов был посвящен персоналиям²⁹, их «жизненные истории» помещались в широкий социально-политический контекст: 90-е годы интерпретировались как период хаоса и неопределенности, тогда как современная ситуация подавалась как торжество стабильности («Уверенности в завтрашнем дне не было. Я не хочу, чтобы вернулись 90-е годы», «Жизнь изменилась к лучшему, нашей стране есть чем гордиться», «Люди работают, дети ходят в школу, жизнь идет. Ощущение стабильности, я им очень дорожу», «Сейчас люди не выживают, а жить начали»). Субъектами изменений выступают В.Путин, который предстает как культурный (почти былинный) герой («С приходом Путина всё изменилось. Страна стала страной-победителем», «Человек, который подарил уверенность в завтрашнем дне»), и возглавляемая

²⁷Например, ролик о пенсионерке, которой не хватает денег на молоко, или пациенте больницы, у которого за неуплату отключают аппарат искусственного дыхания.

²⁸Как, например, в ролике, получившем в интернете название «Дед», который был запрещен к показу ВГТРК 24.11.2011.

²⁹С одной стороны, это были «простые люди» (доярка, пенсионер, школьная учительница, пекарь, косметолог), с другой – «нотабли» (известные общественные и политические деятели – Н.Михалков, Ф.Бондарчук, С.Шойгу, Ю.Лужков, А.Тулеев и др. или партийные функционеры – депутаты от партии).

им ЕР. Тот же самый прием был использован и на выборах 2011 г., в роликах поменялось только одно – имя в бюллетене, появляющемся в последних кадрах, и в партийном слогане: «За Дмитрия Медведева, за “Единую Россию”»³⁰. Таким образом, в роликах ЕР тема самоидентификации переплетена с отношением к существующему режиму, партия отождествляет себя с властью. Слоганы и лозунги ЕР полностью отражают концепцию стабильности и созидания, сформулированную в роликах («Сохраняем. Развиваем. Создаем. Работаем. Строим», «Для жизни, для людей»).

Ролики ЛДПР 2007 и 2011 гг., с одной стороны, тематически единообразны (социальная проблематика, госстроительство и проблема коррупции, мировой статус России), с другой – в 2011 г. темы артикулированы гораздо острее, агрессивнее (как в содержательном, так и изобразительном аспекте). В 2011 г. в роликах ЛДПР, как и у СР, появляется мотив неоправдавшихся ожиданий («Хватит это терпеть!»), а спектр виновных (врагов) расширяется – если в роликах 2007 г. водораздел между «мы» и «они» проходит исключительно в классовой плоскости («они» – те, «кто сладко спит, вкусно ест, позорит нашу страну и измывается над нами!», «Почему им всё, а нам ничего?», «Откуда у них деньги? Они их не заработали, они их украли! Они просто захапали всё, что сделано вашими руками!»), то в 2011 г. к «ним» отнесены представители государства – чиновники разных уровней («Вы им платите – они вам хамят, они вас обманывают»). Национальная тематика в агитационной риторике ЛДПР активно обозначала себя не столько в роликах³¹, сколько в других форматах – в печатных и интернет-публикациях и в слоганах³².

Ролики либеральных партий («ЯБЛОКО» и СПС) в кампании 2007 г. также были построены вокруг отношения к режиму, причем обе партии достаточно жестко обозначали свое негативное отношение к существующей власти. Однако имелось одно принципиальное отличие: если СПС выстроил свою тактику только на подчеркивании негативных свойств власти («В России установился режим личной власти», «В стране сформировался культ личности»), не пред-

³⁰Анализируя данную преемственность, А.Архангельский в своей передаче «Против течения» отмечал: «Бросается в глаза приглушенная, чрезмерно умеренная стилистика роликов “Единой России”, как будто у «партии власти» всё так же хорошо, как было в 2007-м». По мнению аналитика, цель повторного использования визуального и композиционного инструментария в роликах ЕР заключается в том, «чтобы не спугнуть пассивного избирателя, голосующего по инерции». См.: Архангельский А. Предвыборные ролики-2011 – «письма счастья» для пассивных избирателей. – РИА ТВ (http://ria.ru/tv_authors/20111129/501533499.html#riatv/501533499).

³¹Хотя в кампании 2011 г. ЛДПР использовала предвыборный ролик, озаглавленный «Будут русские – будет и Россия!» и начинавшийся со слов: «Наша родина – Россия, 80% русские».

³²В этом смысле показательно сравнение заголовков газеты ЛДПР пятого и шестого электорального циклов. Если в 2007 г. только один заголовок из пяти (газета выходит раз в месяц) был посвящен «русскому вопросу» («Хорошо русским – хорошо всем!», 01.09.2007), то в 2011 г. – три из пяти («Есть ли у русских завтра?», 25.10.2011; «За Россию! За русских!», 26.09.2011; «Русские, хватит молчать!», 26.09.2011). Также очень характерны используемые партией лозунги и слоганы. В 2007 г. только один выражал этнокультурную тему («Мы за русских. Мы за бедных»), причем в сочетании с социальной проблематикой; в 2011 г. такие слоганы преобладали («ЛДПР за русских!», «Русские, жестче взгляд! Русские, равнение на ЛДПР!», «Есть ли у русских завтра?», «Хорошо русским – хорошо всем! Плохо русским – плохо всем! Всё для русских, ничего против русских!», «Воспрянь, Россия! Русские, вперед!», «Будьте русскими – добивайтесь невозможного!», «Защити русских везде!», «Иван, запахни душу!», «С Богом, Ваня. Пора начинать!», «Вместе с русским народом!»).

ставляя позитивной программы, то «ЯБЛОКО» предлагало как политические изменения (проблематика госстроительства), так и социально-экономические («Сделаем институты прозрачными», «Снизим уровень коррупции», «Повысим уровень жизни»). В 2011 г. ролики «ЯБЛОКА» тематически также изменились мало, а в композиционном отношении повторяли доминирующий формат 2007 г.: главным действующим лицом ролика выступал духовный лидер партии Г.Явлинский³³. Однако если в 2007 г. принципиальной темой был контроль над властью («Власть под контроль граждан!»), то в 2011 г. ключевым пунктом стала безальтернативность российской политической системы и растущая социальная потребность в изменении status quo («Россия требует перемен!»). При этом партия позиционировала себя в качестве единственного субъекта возможных трансформаций («Мы настойчиво предлагаем глубокие изменения в политике и экономике»).

Идеологический преемник СПС в 2011 г., партия «Правое дело», видимо, не надеясь не только на победу, но и на сколько-нибудь значимый результат, сделала несколько роликов, стилистически и тематически неоднородных, в которых отсутствовала единая логическая структура и оформленная проблемно-идеологическая композиция³⁴. Данная идейная и тематическая неопределенность свидетельствует о том, что в 2011 г. партия не нашла «своего» круга проблем и оригинального способа их подачи, которые могли бы сделать партию узнаваемой, а ее имидж брендовым³⁵.

* * *

Таким образом, в динамике партийной предвыборной риторики на парламентских выборах 2007 и 2011 гг. выделяется ряд очевидных тенденций.

Наиболее актуальными проблемными зонами, если судить по частоте обращений к ним и объему посвященного им текста, являются социально-экономическая, государственное строительство, а также отношение к власти, причем в течение последних трех электоральных циклов актуальность этих блоков неизменно возрастала от кампании к кампании.

Жанры партийной предвыборной риторики тематически специализированы: в предвыборных программах партии сосредотачиваются на социальной и экономической проблематике, проблемном измерении «центр – периферия»,

³³Надо отметить, что в 2011 г. сократилось количество как самих роликов «Яблока», так и их сценариев: если в 2007 г. в роликах раскрывались самые разные темы (от «женщины России» до «собственности граждан России»), то в 2011 г. акцент делался только на одной теме – отношении к власти.

³⁴Один из роликов «Правого дела» (чаще всего транслировавшийся по ТВ) явно апеллирует к «драматической» избирательной кампании 2011 г. («Мы останемся здесь!»), в другом акцентуация социальных проблем современной России доводится до уровня катастрофизма (в духе ЛДПР), причем партия презентует себя как «спасителя» («Сомневаешься, что так будет? Правильно сомневаешься. Мы не допустим!»), что звучало не очень убедительно в свете ее крайне низкого рейтинга. В некоторых роликах подчеркивается идеологическая программа партии («Личность, семья, страна, собственность!»; «Не будь пешкой, измени свою жизнь!»).

³⁵Слоганы «Яблока» и «Правого дела» немногочисленны и в основном используются в роликах («Яблоко» – «Россия требует перемен! Мы вернем вам надежду!»; «Правое дело»: «Каждый правый имеет право!», «Прокричу свое будущее»), поэтому не требуют дополнительного анализа.

а также партийной самоидентификации. Свое отношение к режиму партии предпочитают артикулировать в более «массовых» форматах: в партийной прессе, выступлениях и интервью лидеров, предвыборных роликах, дебатах, слоганах и лозунгах. Кроме того, в роликах, слоганах и лозунгах отражались темы, наиболее актуальные и «болезненные» для социально-политической ситуации текущего избирательного цикла. Так, в 2011 г. именно в предвыборных видеороликах, т.е. медиа-формате, имеющем самую большую аудиторию, партии акцентировали социальные проблемы, а также тему коррупции (ролики КПрФ, СР и ЛДПР, посвященные коррупции, малоотличимы друг от друга), которая в шестом электоральном цикле выступала, вместе с социальной проблематикой, в качестве ключевой.

В 2011 г. усилились радикализм оценок и «градус» демонстрируемого протестного потенциала у партий, относящих себя к левому флангу идеологического спектра (у СР в большей степени, у КПрФ в меньшей), а также у примкнувшей к ним ЛДПР: многие их ролики и лозунги артикулировали тему «Кто виноват?» (в обострении социально-политической ситуации, в коррупции и пр.). Для СР, несмотря на неопределенность и аморфность образов «врагов», прием обвинения явился смелой новацией. Об усилении протестных настроений в период предвыборной кампании 2011 г. говорит и тот факт, что четыре партии из шести (кроме ЕР и «Правого дела»), придерживающиеся разных идеологических воззрений, использовали один и тот же слоган – «Хватит это терпеть!».

Тем не менее можно констатировать, что, несмотря на отмечаемую динамику партийного спектра, идеологические профили как проблемных измерений, так и проблемных зон в партийной риторике с 2003 г. демонстрируют тенденцию к выравниванию: партии артикулируют – хотя и с различными оценками – одни и те же проблемные поля. В целом можно сделать вывод, что в периоды пятой и шестой избирательных кампаний продолжалось сближение позиций партий, а основные смысловые концепты остались прежними. В условиях изменившейся среды, характеризующейся увеличением запроса на идеологическое творчество, партии, по сути, не предложили новых идей, новых версий реальности, новых символов³⁶. Как правило, они лишь переосмыслили и переинтерпретировали идеи, предлагаемые властью и ЕР. Как отмечает О.Малинова, «работа на смысловом поле, предложенном властью, оказалась не слишком эффективной: у оппозиционных сил не оказалось организационных и интеллектуальных ресурсов, чтобы структурировать пространство

³⁶К сожалению, формат статьи не позволяет более подробно остановиться на качественных характеристиках предлагаемых партиями идеологических концептов, однако заметим, что идеологической новацией можно считать, пожалуй, только идею «учредительного собрания», выдвинутую «Яблоком» в качестве исторического символа, способного обозначить линию преемственности прошлого, настоящего и будущего, а также послужить механизмом интеграции и согласования социальных интересов в современной России (Явлинский Г. Ложь и легитимность. Программная статья. – Новая газета, № 16, 15.02.2012 (<http://www.novayagazeta.ru/politics/51033.html>)). Однако данная идея не вызвала общественного резонанса и популярной не стала.

идеологической конкуренции...»³⁷. В этой ситуации сложно предполагать, когда и как партии (прежде всего парламентские) смогут адаптироваться к меняющимся условиям и переориентироваться на «нестатусного потребителя» идей. Видимо, это зависит как от средовых характеристик, нарастания или спада общественной инициативы (аналитики прогнозируют и то и другое), потенциального изменения режимных качеств, так и от способности самих партий к генерированию новых идей.

---

³⁷Малинова О.Ю. Идеи модернизации в политическом дискурсе России. – Политическая наука, 2012, № 2. С. 58.

Quecke N.

CHANGE IN THE FUNCTIONS OF POST-SOVIET PARTIES: THE DEVELOPMENT OF RULING PARTIES IN RUSSIA AND KAZAKHSTAN

It is often assumed that democratic institutions under authoritarian regimes enhance the legitimacy of the regime vis-à-vis its own population and the international environment¹. However, previous research has shown that formal institutions are more than mere democratic ‘window-dressing’.² Instead, these institutions, such as legislatures, elections and parties, fulfil important functions for the stability of the regime. According to quantitative studies, party regimes survive longer than other authoritarian regimes (2.1)³. Consequently, the following questions arise: What are the functions of parties in ensuring stability of the regime? This paper distinguishes between the functions concerning the elite (2.2) and the wider population (2.3)⁴.

1. THEORETICAL FRAMEWORK: PARTIES UNDER AUTHORITARIAN SYSTEMS

1.1. Survival Rates of Party Regimes

The seminal work by Barbara Geddes⁵ distinguishes three types of authoritarian regimes – party, military, personalist regimes – asking how and why the authoritarian regimes democratize. She finds that the military regimes exist in the average 9 years, personalist regimes – 15 years, and single-party regimes – 23 years. Brownlee⁶ uses the same data and supplements it. He arrives to the conclusion that elections do

¹A version of this paper was also presented at the 7th Changing Europe Summer School “Central Eastern Europe and the CIS between post-socialist path-dependence, Europeanization and globalization.”

²J. Gandhi and Przeworski, A. Cooperation, cooptation, and rebellion under dictatorship. – *Economics & Politics*, 2006. Vol. 18, No. 1. P. 1–26.

³Brownlee, J. Ruling Parties and Durable Authoritarianism. – Working paper, Center on Democracy, Development, and the Rule of Law at the Stanford Institute on International Studies, 2004; J. Gandhi and Przeworski, A. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats. – *Comparative Political Studies*, 2007. Vol. 40, No. 11. P. 1279–1301; Geddes, B. What do we know about Democratization after Twenty Years? – *Annual Review of Political Science*, 1999. Vol. 2. P. 115–144; A. Hadenius and Teorell, J. Pathways from Authoritarianism. – *Journal of Democracy*, 2007. Vol. 18, No. 1. P. 143–157; Magaloni, B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule. – *Comparative Political Studies*, 2008. Vol. 41, No. 4–5. P. 715–741.

⁴As this PhD project is still in the stage of conception, this paper concentrates on the theoretical framework about functions of parties under authoritarian regimes and potential application of this theory to the Russian and Kazakhstani parties. It touches on the theory on party change only briefly and does not provide definite results as the empirical data still has to be compiled.

⁵Geddes, B. What do we know about Democratization after Twenty Years?.. P. 115–144.

⁶Brownlee, J. Ruling Parties and Durable Authoritarianism... P. 2–5; Brownlee, J. Authoritarianism in an Age of Democratization. – Cambridge, 2007. P. 25–32; Brownlee, J. Bound to Rule: Party Institutions and Regime Trajectories in Malaysia and the Philippines. – *Journal of East Asian Studies*, 2008. Vol. 8, No. 1. P. 90–96.

not have any positive influence on the survival rate of the authoritarian regimes, but parties have. Admittedly, Blaydes⁷ objects to these findings by pointing out that almost not a single party regime exists which does not conduct elections. Additionally, Smith⁸ modifies the data excluding the most long-living party regimes – the Soviet Union and Mexico – and does not identify any statistically significant difference in the survival rates of the regime types.

These objections suggest questions about the differences within the group of party regimes. The most obvious differentiation exists between single-party and dominant-party regimes. Hadenius/Teorell⁹ distinguish between military regimes, monarchies and electoral regimes. The group of electoral regimes consists of non-party regimes (all parties are illegal), single-party regimes (all parties except one are illegal) and limited multi-party regimes. Dominant party regimes are a subtype of limited multi-party regimes and are defined by two-thirds majority in the parliament for the strongest party. Although monarchies have the best survival rate of all authoritarian regimes, single-party regimes are at the second place. However, with regard to the post-Soviet context it is more interesting that dominant party regimes survive significantly longer than other limited multi-party regimes.

For the region of the former Soviet Union, the findings of Geddes¹⁰ more recent study are of special relevance. She investigates the regimes the ruling elites of which were not organized as a party before accession to power. If such a ruling elite establishes a new party or takes over an existing party, the regime exists in the average three times longer than other regimes. The rulers founding new parties are twice as long in the office as their counterparts who abstain from establishing a party.

The results of the quantitative studies are somewhat ambiguous and contradictory. However, it is possible to sum up the results as follows: Party regimes are considered to be more stable than personalist and military regimes. If one subdivides party regimes into single-party and dominant party regimes and includes monarchies as a type, single-party regimes are the most stable, followed by monarchies and dominant party regimes. If multi-party elections take place, a dominant party has a stabilizing effect. This is also true for the regimes where the party was founded only after the accession to power.

1.2. Functions of parties for elite unity

Based on these results, the following questions arise: Why do regimes with a dominant party exist longer? What are the functions of parties for stability of the authoritarian regimes? The research about formal institutions in authoritarian

⁷Blaydes, L. *Authoritarian Elections and Elite Management: Theory and Evidence from Egypt*. Paper prepared for delivery at the Princeton University Conference on Dictatorships, 2008.

⁸Smith, B. *Life of the Party. The Origins of Regime Breakdown and Persistence under Single-Party Rule*. – *World Politics*, 2005. Vol. 57. P. 421–451.

⁹A.Hadenius and Teorell, J. *Pathways from Authoritarianism...* P. 143–157.

¹⁰Geddes, B. *Party creation as an autocratic survival strategy*. Presented at Conference: Dictatorships: Their Governance and Social Consequences, Princeton, 2008.

regimes offers different answers to these questions. It is possible to divide the list of possible functions of authoritarian parties into two groups: those related to the elite and those related to the population as a whole.

— *“During periods of crisis, the crucial task of party institutions is to provide a credible guarantee to in-groups that their long-term interests will be best served by remaining loyal to the regime.”*¹¹

The unity of the elite is essential for the survival of authoritarian regimes¹². authoritarian parties are one possible device to build this unity. How can a ruler appear credible to the elite in order to co-opt them, e.g. for example, to include them into the circle of the ruling elite? This question – often referred to as “commitment problem” – stands in the centre of Magaloni’s analysis of parties in authoritarian regimes.¹³ The ruler faces the problem of giving a credible promise to support the elite in order to get loyalty and cooperation from them in exchange. Such institutions as courts and parliaments are not possible guarantees as these are legally or in fact appointed by the ruler and will usually act in his interest. By using parties, the rulers have a chance to approach the elite credibly and co-opt them.

Boix/Svolik point out that unlimited rule is an exception nowadays. Authoritarian rulers rule not only by violence and selective benefits. Instead, they need support from the elite and establish some power-sharing with the elite groups. The loyal elite as well as the ruler fear that a group within the elite could self-organize in order to overthrow the ruler. Therefore, an institution is necessary which ensures mutual exchange of information and confirmation that all parts adhere to the agreement. Boix/Svolik see parties as an essential part of the institutional setting which can solve this commitment problem.¹⁴

A particularly critical moment for the stability of authoritarian regimes is the question of succession for the head of state.¹⁵ As at presidential elections the incumbents have crucial advantage, it is quite rarely that they find it difficult to win the elections. Presidential elections are problematic only if the incumbent does not run for office again. Although the incumbent together with the ruling elite usually appoints a successor, these elections pose a serious danger for the regime. The elite may be not sure about whether the successor will continue to support them and whether he is strong enough to win the election with high margins. In this case,

¹¹Smith, B. Life of the Party. The Origins of Regime Breakdown and Persistence under Single-Party Rule... P. 431.

¹²Baturo, A. Presidential Succession and Democratic Transitions. – Inst. Int. Integr. Stud.Work. Pap. #209, 2007; Brownlee, J. Ruling Parties and Durable Authoritarianism...; Geddes, B. Authoritarian Breakdown. Working Paper, UCLA Center for Comparative and Global Research, 2004; Tullock, G. Autocracy. – Dordrecht, 1987. P. 9.

¹³Magaloni, B. Voting for autocracy. Hegemonic party survival and its demise in Mexico. – New York, 2006; Magaloni, B. Comparative Autocracy. Prepared for delivery at the conference “Research Frontiers in Comparative Politics”. – Duke University, 2007; Magaloni, B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule... P. 715–741.

¹⁴C.Boix and Svolik, M. Non-tyrannical Autocracies. Paper presented in the UCLA Comparative Politics Workshop, 2007; C.Boix and Svolik, M. The Foundations of Limited Authoritarian Government: Institutions and Power-sharing in Dictatorships. Prepared for delivery at the Princeton University Conference on Dictatorships, 2008.

¹⁵Baturo, A. Presidential Succession and Democratic Transitions...; Hale, H.E. Party Development in a Federal System // The Dynamics of Russian Politics: Putin's reform of Federal-Regional Relations / Reddaway, Peter (ed.). – Lanham, 2005; Tullock, G. Autocracy...

it may be more advantageous for the elite members to put forward an alternative candidate or run against a candidate who is considered weak.

Baturo proves that the existence of a dominant party decreases the danger of a collapse of the regime because of a presidential election without the incumbent running. The dominant party reduces the uncertainty of the elite, because it increases the credibility of the successor. Thus, the parties fulfil a function which hereditary succession has in other systems the elite members can expect continuity in distribution of offices. Therefore, their incentive to oppose the regime decreases.¹⁶ The rulers in personalist regimes often eliminate potential successors out of fear of potential competitors. Therefore, succession crises frequently occur in these systems after the death of the ruler. This is one reason why personalist regimes are less stable than party regimes.¹⁷

— „[...] *dictatorial political parties and elections work more to counteract intra-elite threats than to deal with outside threats. Dictatorial political parties [...] play a central role as monopolists of jobs, the only avenue for the aspiring elite to acquire power, rents and privileges.*”¹⁸

In accordance with Magaloni, the distribution of offices through the party is the only way for the ruler and the elite to solve the commitment problem. However, simple distribution of offices by the ruler to the party members is not sufficient as the ruler can take the office away at any time. Therefore, it is necessary that the party organization controls the access to government and administration offices and state resources. Thus, the ruler yields the right to decide on allocation of jobs to the organization. At the same time he guarantees the elite members, who invest in the development of the party, offices within the party or state agencies. However, this agreement is only credible if the elite expects that the party exists permanently and the investment will be the only way to access the top offices. If this is the case, the elite has sufficient incentives to join the party and to invest time and money in the development. Thus, the party enables long-term power-sharing, which would not be possible without the party or a comparable organization.¹⁹

Magaloni also points out that top office holders in a party regime can have reasonable hope to get promoted by the ruler. Particularly, she holds that the institutionalization of rules for the succession in the top office raises hope for the elite to become the successor of the incumbent one day.²⁰ Geddes objects that this mechanism applies only to the Mexican case, on which Magaloni's research focuses. The Mexican case is extraordinary: as the frequent changes of the head of state is exceptional for authoritarian regimes and the Mexican PRI is more independent from the ruler in distributing offices than other authoritarian parties.²¹ Magaloni

¹⁶Magaloni, B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule... P. 725.

¹⁷Geddes, B. What do we know about Democratization after Twenty Years?.. P. 115–144.

¹⁸Magaloni, B. Comparative Autocracy...

¹⁹Magaloni, B. Voting for autocracy...; Magaloni, B.: Comparative Autocracy...; Magaloni, B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule... P. 715–741.

²⁰Magaloni, B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule... P. 724.

²¹Geddes, B. Party creation as an autocratic survival strategy... P. 5.

responds that other party regimes, for example the socialist systems, also handle the succession problem.

Nevertheless, the difference of perception is as follows: Either the change of the head of state is a critical point for the stability of the regime which can be diminished by a party as Baturo stresses it; or the frequent rotation in the highest office is an additional factor for stabilization as in the Mexican case. Consequently, Magaloni's explanation seems plausible for the Mexican case, but not for the other cases. She cannot explain why the hope to become the head of state could give the elite members an incentive to stay loyal to the ruler, if the change of the head of state is not frequent. Why should someone wait to become the next head of state, if a change at the top only occurs when the ruler dies?

Magaloni/Kricheli distinguish between different concepts for the co-optation of elite members by parties: Does the ruler co-opt the elite through economic benefits, policy concessions or government and administration positions.²² Magaloni stresses that only the office as a co-opting instrument can solve the commitment problem.²³ However, this does not mean that economic transfers and policy are unimportant. The elite aim for the positions where they can extract economic resources and influence policy. The accession to policy making is first of all desirable, because it can be used to generate rents, e.g. the elite can influence the policy in order to benefit from it financially. Magaloni herself stresses how important the expectation of rents is for the elite and therefore, the elite members aim for those positions which generate high rents.²⁴

Geddes' critique shows that the differences between the authoritarian systems with dominant parties are significant. It is possible to divide the dominant parties into two different types: those which solve the commitment problem between the ruler and the elite, and those which co-opt the elite on a short-term basis. The first ones were founded to decrease uncertainty and the second ones maintain the uncertainty or even increase it.²⁵

Additionally, I propose to distinguish the functions of parties with regard to the elite in the authoritarian political systems in two other aspects (see Figure 1): Does the party mainly use economic resources, offices or policy concessions to co-opt the elite? What specific group the party intends to include into the spheres of power? The first distinction – does the party solve the commitment problem or not – can be drawn accurately. The other two distinctions are not exclusive: One party can use all three instruments for co-optation and target different elite groups at the same time. Please note that this scheme is only a preliminary framework to track down different functions of the authoritarian parties.

---

²²B. Magaloni and Kricheli, R. Political Order and One-Party Rule. – Annual Review of Political Science, 2010. Vol. 13. P. 123–143.

²³Magaloni, B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule... P. 717.

²⁴Magaloni, B. Comparative Autocracy... P. 20.

²⁵Geddes, B. Party creation as an autocratic survival strategy... P. 6.

Elite		
Solving Commitment Problems	Short-term Co-optation	
Economic Resources	Office	Policy
Different Groups of the Elite		

Figure 1: Functions of the Authoritarian Parties in Relation to the Elite

1.3 Functions of parties with regard to the population

The functions with regard to the population, which the authoritarian parties fulfil, seem to be less complex and can be divided into three categories: mobilization of voters during elections, co-opting (potential) functionaries of the parties and providing to the elite important information about the regime support.

Population		
Elections	Functionaries	Information → Elite

Figure 2: Functions of Authoritarian Parties in Relation to the Population

The support of the ruler by the population becomes visible at the elections. In this respect, the parties are first a means to mobilize the population in favour of the incumbent or the chosen successor. Second, at national or regional parliamentary elections the majorities in favour of the regime become visible only because of the existence of a ruling party. By building up a so-called punishment regime the ruler gives the population incentives to support the ruling party at the elections, even if the people have other preferences: The government supports municipalities with loyal populations and, by withholding economic resources, punishes municipalities with “bad” election results. Through this punishment regime, the population of a given municipality is interested in voting for the ruling party and ensuring its victory in this electoral district.²⁶

The rulers do not distribute material advantages discretionary to the population. Instead, they build their rule on a clearly defined group which can also be united by shared identity. This group under a party regime consists of the party members. This favouritism is advantageous for the ruler, because in times of economic recession the ruler can reduce the expenses. As the party members at this time are still in a better position compared with the rest of the population and they can expect to get more advantages in the future, they stay loyal to the ruler.²⁷

²⁶A. Diaz-Cayeros, B. Magaloni and Weingast, B.R. Tragic Brilliance: Equilibrium Hegemony and Democratization in Mexico. Working Paper, Hoover Institute, 2003; Magaloni, B. Voting for autocracy... P. 19–24.

²⁷B. Bueno de Mesquita, A. Smith, R.M. Siverson and Morrow J.D. The Logic of Political Survival. – Cambridge, 2003; R. Kricheli and Livne, Y. Mass Revolutions vs. Elite Coups. Presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association, Toronto, 2010. P. 21.

If party membership is necessary already at the lowest level of the hierarchy to get a job in the administration or in state or quasi-state corporations, a broad group of the population has a strong incentive to become party members. The organizational structure of the party provides additional jobs. The party membership is a precondition for these jobs. Consequently, if the regime faces a crisis, the party can at least mobilize those citizens, directly financially dependent on the party, in support of the ruler. In this way, the parties in each case perform a stabilizing function for the regime through its employees and other dependents.²⁸

Regular elections cause frequent rotations in offices also at the lower and middle levels of the hierarchy. Dedicated and active party members may be sure to get promoted to a higher position. This provides incentives not only for joining the party, but also to become and stay active in preventing anti-regime protests or mobilizing voters for the party. By conducting elections the ruler can decide non-discretionary about promoting party members. The success in mobilizing voters can be seen as a sign of loyalty and influence. This is the reason why the elections are decisive for promotion of party members.²⁹

— „*The pillar of hegemonic-party regime is its monopoly of mass support, which in turn allows the regime to deter elite divisions and to manipulate institutions by unilaterally controlling constitutional change.*”³⁰

By mobilizing support for the regime the party has an important informational function for the elite and thus contributes to the elite unity. Through the threat of mass mobilization in support of the ruler upheavals can be prevented. Geddes develops this argument on the basis of the military regimes which prevent coups d'état by founding a party. These parties can credibly promise to mobilize the population in support of the ruler, which makes a successful coup less likely. In my opinion, this mechanism applies also to other regimes: the parties can be an instrument for prevention of “colour revolutions.” They were caused by challengers from the inner elite, who mobilized the population to support the incumbent. If the incumbent can credibly assure ability to mobilize the majority of the population, the potential challenger is warned off.³¹

The project is also based on the research on the party change in Western Europe.³² Two ideas from this research are central for my project: First, the parties change because the environment (society and institutions) changes and the parties have to adapt to these changes.³³ Second, the functions parties fulfil are deeply

²⁸Geddes, B. Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes? Revised version of a paper prepared for presentation at the annual meeting of the American Political Science Association, Washington DC, 2006. P. 4.

²⁹Blaydes, L. Authoritarian Elections and Elite Management...; C.Boix and Svobik, M. Non-tyrannical Autocracies...; Magaloni, B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule... P. 725.

³⁰Magaloni, B. Voting for autocracy... P. 15.

³¹Geddes, B. Party creation as an autocratic survival strategy...

³²R.S.Katz and Mair, P. Parties, Interest Groups and Cartels: A Comment. – Party Politics, 2012. Vol. 18, No.1. P. 107–111.

³³R.S.Katz and Mair, P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy. The Emergence of the Cartel Party. – Party Politics, 1995. Vol. 1, No. 1. P. 5–28; R.S.Katz and Mair, P. Parties, Interest Groups and Cartels: A Comment...; Koole, R.A. Cadre, Catch-All or Cartel? A Comment on the Notion of the Cartel Party. – Party Politics, 1996. Vol. 2, No. 4. P. 507–523; Panebianco, A. Political Parties. Organization and Power. – Cambridge, 1988.

connected with their organizational structure. The parties change because they have to fulfil different functions, and their organizational structure enables them to do it.³⁴

2. FUNCTIONS OF PARTIES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND KAZAKHSTAN

As gathering of the data for this project has not been conducted yet, the following provides some preliminary hypotheses about the functions and development of the ruling parties in the Russian Federation and Kazakhstan.

- Some authors compare United Russia with the Mexican PRI and argue that the party was founded to solve the commitment problems³⁵. However, I oppose that view as the party does not have the necessary autonomy and the rotation in important positions does not take place on a regular basis.³⁶ Additionally, the great majority of the highest officials in the Russian state are not members of the party. This is even more true for the less institutionalized Nur Otan and other parties in both countries.

- “United Russia is not a programmatic party, but a mechanism for extracting rents and distributing patronage.”³⁷ United Russia and Nur Otan are formalized clientelistic networks. Nevertheless, the relationship between the formal and informal elements in the two political systems is different.³⁸ The formal institutionalization in the Russian Federation is more advanced than in Kazakhstan. According to the concept of neopatrimonialism, this does not mean that the informal elements have lost influence. Earlier party projects in both countries were also initiated to support the informal institution of a clientelistic network. However, these projects were not so successful.

- In both countries, the mobilization of voters for the elections is an important function of the ruling parties – of United Russia and Nur Otan as well as of the parties in the 1990s. This is more relevant in the Russian Federation as the political system was quite competitive in the 1990s. This made it necessary for Putin to found a party first of all to achieve good results at the parliamentary election in 1999. There is some indication of punishment regimes in Russia and Kazakhstan. However, until now there is no systematic evidence about this punishment and how it exactly works. The development of United Russia over

³⁴Von Beyme, K. Party Leadership and Change in Party Systems: Towards a Postmodern Party State? – Government and Opposition, 1996. Vol. 31, No. 2. P. 135-159.

³⁵R.Smyth, A.Lowry and Wilkening, B. Engineering Victory: Institutional Reform, Informal Institutions, and the Formation of a Hegemonic Party Regime in the Russian Federation. – Post-Soviet Affairs, 2007. Vol. 23, No. 2. P. 118–137.

³⁶Gelman, V. Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy. – Europe-Asia Studies, 2008. Vol. 60, No. 6. P. 913–930.

³⁷Remington, Th. Patronage and the Party of Power: President-Parliament Relations Under Vladimir Putin. – Europe-Asia Studies, 2008. Vol. 60, No. 6. P. 984.

³⁸As the interplay between formal and informal institutions is central to describe the different dynamics of party politics in the Russian Federation and Kazakhstan, the concept of neopatrimonialism is central for this project. See:

the last two years also indicates how important this function is: Because the party has lost its potential in fulfilling this function, the support from Putin decreases.

- In both countries this mobilization of voters is important to secure the elite loyalty.
- United Russia and Nur Otan have tried to build up a group of party employees and bureaucrats who are dependent on the party. Until now, Nur Otan has seemed to be more successful.
- One important function of United Russia – as well as of Nur Otan, to a smaller degree – is organizing the support for the administration in the parliament. This function has not been mentioned by the theory about parties under the authoritarian regimes.
- In both countries, the ruling elite founded more than one party, not only to „play democracy“, but also to co-opt different groups of society.

CONCLUSIONS

The theories about institutions in the authoritarian systems offer a new insight into the role of the ruling parties in the Russian Federation and Kazakhstan. They provide insights into the different functions these parties fulfil – how they secure loyalty of the elite and of the population in order to contribute to the stability of the regimes. However, as this research is still at its beginning, it omits two important points: 1) It does not offer a typology for different types of the authoritarian parties, assuming that these parties are all the same or at least very similar. 2) It does not explain or even describe the dynamics of the party change in authoritarian systems assuming that these parties are the product of one strategist and stay more or less the same. These two gaps become obvious when one looks at the development of the ruling parties in the Russian Federation and Kazakhstan: The ruling parties in these countries significantly differ and they change over time. Therefore, a closer look into these parties promises to contribute to the theory of parties in the authoritarian countries.

M.Brattton and van de Walle, N. Democratic Experiments in Africa. Regime Transitions in Comparative Perspective. – Cambridge, 1997; G. Erdmann and Engel, U. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept. – Commonwealth and Comparative Politics, 2007. Vol. 45, No. 1. P. 95–119.

Кармазина Л.И.

КАЗАХСТАН ПОСЛЕ ВЫБОРОВ: СОХРАНЕНИЕ СТАТУС-КВО

Прошедшие в Казахстане в январе 2012 г. парламентские выборы завершили очередной электоральный цикл. В целом его результаты были изначально предсказуемыми.

Аналитики единодушно прогнозировали победу действующего президента РК Н.А. Назарбаева на президентских выборах (апрель 2011 г.) и возглавляемой им Народно-демократической партии «Нур Отан» на выборах в Мажилис – нижнюю палату казахстанского парламента. Более того, было совершенно ясно, что обе победы станут абсолютными. И для такой уверенности имелись все основания.

Во-первых, система власти в республике базируется на широких полномочиях президента, двадцатилетнем правлении Н.А. Назарбаева и его статусе Лидера нации. Президентизм определяет работу всех органов власти, обеспечивая безоговорочное одобрение и проведение в жизнь всех решений главы государства.

Рейтинг президента достаточно стабилен; в его основе – последовательно выстраиваемый политический курс, успех которого обусловлен не только своевременной реакцией на внутривнутриполитические проблемы и внешнеполитические риски, но и «игрой на опережение». На уровень поддержки главы государства не повлиял даже мировой экономический кризис, затронувший в том числе и Казахстан.

Второй фактор – прочные позиции Народно-демократической партии «Нур Отан». Поскольку ее создание (2006) явилось инициативой самого Н.А. Назарбаева, на этот проект работала вся властная вертикаль. И хотя своей электоральной поддержкой партия во многом обязана именно президенту, что, кстати, она сама всячески подчеркивает, следует отметить наличие у «Нур Отана» разветвленной оргструктуры, позволяющей партии оставаться в центре внимания не только в электоральный период. Иными словами, она превратилась в добротный инструмент власти, дополнительный канал влияния казахстанской элиты на общество. Даже с учетом того, что 28% электората республики можно отнести к протестному, по популярности в обществе «Нур Отан» значительно опережает все остальные казахстанские партии.

В заботе об имидже партии власть использует весь ресурсный арсенал – особенно в периоды избирательных кампаний. В такой ситуации прочие партии могут соперничать с «Нур Отаном» лишь настолько, насколько это допускает она сама, а точнее, власть. Поэтому в партийной системе страны

сегодня нет партии, которая могла бы составить полноценную конкуренцию народным демократам.

Третья причина, в силу которой победа «нуротановцев» была предрешена, включает ряд факторов психологического характера.

Прежде всего, существование партии «Нур Отан» вполне согласуется с номадической традицией, предполагающей ориентацию на вождей и их окружение. Правящая партия воспринимается как именно такое окружение, тем более что за последние годы в ее рядах оказалась вся властная элита Казахстана, включая первых лиц государства.

Кроме того, наличие единственной сильной партии исторически близко старшему и даже среднему поколениям, которые составляют сегодня основную часть работающих граждан, и потому воспринимается ими как элемент естественного порядка вещей. Младшее поколение, хотя и не знает советского прошлого, также находится под сильным влиянием власти и ее партии.

Культивирование в общественном сознании представления о потребности страны в такой политической силе, как «Нур Отан», привело к тому, что среднестатистический казахстанец особенно не раздумывает, за какую партию ему голосовать на выборах. Эту психологическую особенность – боязнь избирателей потерять свои голоса, проголосовав за заведомо непроходную партию, – отмечал французский партолог Морис Дюверже, особо выделяя ее среди факторов, закрепляющих в обществе бипартизм. Отсюда проистекает «естественная тенденция передать их [голоса] не самому худшему из соперников, с тем чтобы предотвратить успех наиболее нежелательного»¹. Однако если в условиях двухпартийной системы у граждан есть минимальный выбор, то при однопартийной монополии избиратели предпочитают не тратить время и силы на изучение возможностей конкурирующих организаций. Поэтому порождаемый биполярной конкуренцией психологический эффект при моноцентризме достигает своего максимального влияния.

Все эти факторы, а также высокий проходной барьер на парламентских выборах (7%) обеспечили действующему главе государства Н.А. Назарбаеву на апрельских выборах 2011 г. 95,5% голосов уже в первом туре, а его партии «Нур Отан» на январских выборах 2012 г. – 80,99%.

Таким образом, политический расклад, имевший место в Казахстане в 2007–2011 гг., сохранился в главных чертах.

Изменение состояло лишь в том, что в парламент прошли еще две политические силы – Демократическая партия Казахстана «Ак жол» и Коммунистическая народная партия. Но это тоже было прогнозируемо, поскольку полная монополизация Мажилиса «Нур Отаном», сложившаяся по итогам выборов 2007 г., не устраивала верховную власть: эта ситуация расценивалась оппозицией, экспертами, международным сообществом как отход от целей

¹Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический проект; Королёв: Парадигма, 2005. С. 277-278.

демократизации и подвергалась критике. Для предотвращения ее повторения была даже принята правовая норма, предписывающая формировать парламент с участием не менее двух партий.

Понимая необходимость партизации законодательного органа, казахстанские власти в то же время просчитывали возможный состав парламентских партий и, разумеется, максимально контролировали процесс формирования парламента. В частности, в общество был сделан посыл о необходимости новой политической силы, которая могла бы достойно конкурировать с правящей партией. Ставка была сделана на партию «Ак жол». В короткое время она при поддержке «Ак Орды» получила необходимую «раскрутку» и прошла в Мажилис. Левый фланг заняла Коммунистическая народная партия Казахстана, которая провела хорошую предвыборную кампанию и сумела набрать необходимое число голосов.

Обращает на себя внимание количественное соотношение депутатских мандатов: «акжоловцам» и народным коммунистам «выделено» столько мест, чтобы даже в сумме они не могли представлять риск для доминирования «Нур Отана» в Мажилисе. Вместе с тем этих мест оказалось достаточно, чтобы партии зарегистрировали свои депутатские фракции.

В целом же подход «Ак Орды» к расширению парламентского партийного разнообразия заключался в выборе реальных политических сил, уже имевших некоторую поддержку электората, постоянно принимавших участие в выборах, но главное – в меньшей степени подверженных «коллизиям внутривластных интриг»². Поэтому от появления в парламенте еще двух партий кардинальных перемен ни в самом законодательном органе, ни в общественных настроениях не произошло.

Сохранение доминирующего положения «Нур Отана» как минимум до следующих выборов снимает остроту вопроса о необходимости второй партии, которая могла бы выступать спарринг-партнером «партии власти». И в истории современного Казахстана это уже не первый подобный случай.

Тема формирования бипартизма в республике периодически возникает в политической повестке дня. Причем актуализирует ее чаще всего сама власть, поскольку опыт государств с двумя основными конкурирующими партиями позволяет характеризовать такой тип партиомы как достаточно демократичный и одновременно наиболее устойчивый. Мультипартийной системе явно не хватает устойчивости, а полупартийной – демократичности.

Однако на протяжении двадцати последних лет возможный переход казахстанской политической системы к двухпартийности оставался лишь в области рассуждений. Но и предпринятая наконец попытка искусственно создать вторую «партию власти» не увенчалась успехом – по крайней мере,

²О дряхлой ОБСЕ и могучей Нур Отан. Интервью с экспертом ИАЦ Александром Костиным. 19 января 2012 г. (<http://www.ia-centr.ru/expert/12500>).

если судить по результатам выборов. Более того, и последующие попытки вряд ли приведут к формированию бипартизма.

Во-первых, в стране действует пропорциональная система выборов в Мажилис. А, как известно, двухпартийность в 80–90% случаев складывается при однотуровой мажоритарной системе. И если бы власти всерьез озаботились введением двухпартийности, то начать следовало бы с изменения электоральной формулы.

Во-вторых, казахстанское общество достаточно инертно в вопросе партстроительства. Доминирование «Нур Отана» препятствует созданию конкурентного партийного пространства.

В стране еще только зарождается цивилизованное отношение к политической оппозиции – как к неперемennom условию развития демократического государства. Сегодня в общественном сознании всё еще преобладает восприятие оппозиции как деструктивного, разрушительного, антиобщественного явления. И такое превратное понимание этого феномена в значительной степени культивируется и самой властью.

Налицо парадоксальная ситуация. Руководство страны декларирует необходимость существования оппозиции как политического игрока, который как минимум разделит законодательно-представительские функции с «Нур Отаном», станет одновременно его оппонентом и партнером. Однако на практике властные структуры применяют «режим наименьшего благоприятствования» к оппозиционным силам, когда считают это необходимым, и максимально сужают их нишу в публичной политике. Власть контролирует политическое пространство, преследует или подкупает оппозиционных лидеров, отказывает неудобным ей политическим партиям в регистрации, устраивает им информационную блокаду и «акции устрашения», манипулирует общественным мнением, перетасовывает даты проведения и фальсифицирует результаты выборов, реализует проекты расколов оппозиции и создания псевдооппозиционных организаций, дирижирует законодательным процессом в своих интересах.

Весьма показательна в этом плане политика, проводившаяся в отношении движения «Демократический выбор Казахстана» (2001–2005) и Республиканской партии «Асар» (2003–2004). Обе гражданские инициативы получили поддержку в обществе, и со временем каждая из партий вполне могла бы занять место второй политической силы. Но именно неподконтрольность структурам власти процессов их зарождения и развития стала причиной вытеснения их с политической арены.

Сменив тему о второй партии и двухпартийности, обсуждавшуюся в предвыборный период, предметом дискуссий после выборов стали вопросы о государственном устройстве Казахстана, в частности о переходе от президентской к парламентско-президентской или даже парламентской форме правления.

Но, думается, серьезно полагать, что это станет реальностью в ближайшем будущем, нет оснований.

Прежде всего, Казахстан, по действующей Конституции, – президентско-парламентская республика уже с 1995 г. Объем полномочий, сосредоточенных в руках президента в 1995–2007 гг., делал ее суперпрезидентской, что де-юре было преодолено конституционной реформой 2007 г. Однако фактически и теперь президент РК обладает широчайшими полномочиями, которые, как уже отмечалось, подкреплены его особым статусом. Поэтому он по-прежнему является наиболее влиятельным политическим актором.

Переход от существующих правил игры к принципиально новым, видимо, станет возможным только со сменой верховной власти. А до того времени в политической системе, несмотря на все нововведения, сохранится статус-кво. В том числе останется неизменным и тип партиомы.

Дальнейшее развитие партийной системы будет зависеть от проекта «Премник». Если таковым станет лидер «Нур Отана», то главенство этой партии может пролонгироваться на неопределенное количество лет. Если преемник будет руководить партией № 2 и займет президентское кресло по результатам свободных выборов, а не по сценарию «Ак Орды», то можно будет говорить о движении к двухпартийности.

Второй вариант менее вероятен, так как сегодня в Казахстане главный электоральный инженер и политтехнолог – это действующая власть.

Основной проект, осуществляемый властью изначально, – управляемая демократия. В рамках этого проекта в общество периодически «забрасываются» потенциальные сценарии развития в целях выяснения их востребованности. Так было с конституционной реформой (2007), с референдумом по продлению полномочий главы государства (2011), партией – спарринг-партнером «Нур Отана» (2011), составом парламента пятого созыва (2011). Теперь вот «обкатывается» идея трансформации в парламентско-президентскую, а затем и в парламентскую республику.

Окончательное же решение властная элита всегда оставляет за собой. И всегда принимает то, которое отвечает ее интересам, даже если оно идет вразрез с ожиданиями казахстанского общества, казахстанских избирателей. Поэтому каковы бы ни были решения казахстанской власти в последние двадцать лет, ни одно из них не изменило статус-кво политической системы.

Белинский А.В.**ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ
И ПРИМЕНИМОСТЬ ИХ ОПЫТА
В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ**

Завершившийся электоральный цикл 2011–12 гг. ознаменовался усилившейся политической активностью граждан. Вместе с тем эта активность проявилась не в увеличении явки избирателей (по сравнению с выборами в V Государственную думу она даже уменьшилась на 3%), а в подъеме протестного движения. Безусловно, это свидетельствует о глубоком недоверии россиян к существующим партиям, что подтверждается и социологическими исследованиями. Одна из причин этого кризиса – отсутствие серьезной работы с электоратом во время избирательных кампаний. Партии либо стремятся опереться на административный ресурс, либо отдают предпочтение устаревшим формам работы с избирателями. Для преодоления отчуждения между политическими партиями и электоратом может быть полезен зарубежный опыт, в частности опыт партийно-политической системы ФРГ, где не раз возникали аналогичные проблемы.

С конца 80-х – начала 90-х гг. в политической системе ФРГ происходили серьезные сдвиги, которые коренным образом изменили традиционный политический ландшафт. Эти изменения проявились не только в возникновении новых партий – «Зеленых» и ПДС (Партия демократического социализма, выступавшая фактически в качестве преемницы правившей в ГДР СЕПП), но и в утрате доверия общества к существующим политическим партиям, в первую очередь к ХДС/ХСС и левоцентристской СДПГ. Если в 1960–1970-х гг. обе партии набирали на выборах в Бундестаг 80–90%, то в 2002 г. ни та ни другая впервые в своей истории не смогли преодолеть отметку в 40%, а в 2009 г. они вместе получили лишь 57% голосов. При этом и демохристиане, и социал-демократы теряли численность и испытывали постоянно возрастающее давление со стороны конкурентов (для ХДС – это «Зеленые» и отчасти СвДП, для СДПГ – «Левые»¹).

Одной из причин кризиса немецких партий послужили многочисленные коррупционные скандалы, сотрясавшие Федеративную республику на про-

¹«Левые» (Die Linke) – партия левосоциалистической ориентации, образованная в июне 2007 г. в результате слияния «Левой партии – Партии демократического социализма», партии «Труд и социальная справедливость – Избирательная альтернатива» и группы вышедших из СДПГ левых активистов.

тяжении 1980–90-х гг. Наибольшую известность получили «афера “Флика”»², «афера Баршеля»³ и скандал вокруг «черных касс» ХДС, в котором оказался замешан бывший канцлер Г.Коль. Всё это отчетливо продемонстрировало, что партии в большинстве своем отражают интересы финансово-промышленных групп, а не проголосовавших за них граждан. «Они жадны до власти и проявляют забывчивость, когда речь идет о выполнении своих обещаний», – так охарактеризовал политические партии президент Рихард фон Вайцзеккер. Согласно проведенному в 2008 г. опросу, лишь 12% немцев были довольны состоянием демократических институтов и 31% – социально-экономическим положением страны.

Однако гораздо большей угрозой властной монополии обеих «народных партий» – ХДС-ХСС и СДПГ – является эрозия их традиционного электората. С середины 1970-х гг. доля рабочих, которые традиционно поддерживали СДПГ, начала неуклонно сокращаться. В первую очередь это было связано с переходом ФРГ к постиндустриальному обществу и переносом производства в страны «третьего мира». С подобной проблемой столкнулись и христианские демократы, поскольку число граждан, придерживавшихся традиционных консервативных ценностей, также уменьшилось, в особенности это касалось молодежи⁴. Следствием стала утрата партиями самоидентификации, размывание их идеологической основы. Как показывают социологические исследования, число «неопределившихся» избирателей составляло в начале 2000-х примерно четверть электората⁵. Таким образом, политические партии ФРГ испытывали кризис доверия и с переменным успехом старались его преодолеть.

Согласно разработанной в 50-е гг. «мичиганской модели», на электоральное поведение граждан оказывают влияние три фактора: партийная идентификация, идеологические установки, оценка лидеров. В условиях кризиса партий и традиционных идеологий многие аналитики видят выход в т.н. персонализации избирательной кампании. Большинство исследователей сходятся в том, что феномен персонализации выборов Германия позаимствовала у Соединенных Штатов, где основная борьба разворачивается между кандидатами на пост президента. Впрочем, степень влияния американских политических реалий на немецкие остается дискуссионной, поскольку ФРГ является парламентской республикой и голосование происходит за политические партии; тем не менее полностью отрицать такое влияние не следует.

Впервые данный феномен проявился уже в 1972 г., когда в ходе выборов в

²Осенью 1983 г. выяснилось, что ряд высокопоставленных чиновников (в т.ч. министр финансов О. фон Ламсдорф) получали крупные суммы денег от концерна «Флик» в обмен на налоговые преференции.

³Премьер-министр Шлезвиг-Гольштейна Уве Баршель (ХДС) в 1987 г. был уличен прессой в том, что организовал слежку за своим конкурентом на выборах, социал-демократом Бьерном Энгхольмом. В итоге Баршель был вынужден оставить свой пост, однако его действия нанесли огромный ущерб авторитету партии.

⁴Ingelhart R. The silent revolution. Charring values and political styles among western public. – Princeton, 1977. P. 121.

⁵Schönherr-Mann H-M. Wie viel Vertrauen verdienen Politiker?//Aus Politik und Zeitgeschichte. B. 15-16/2002. S. 3.

бундестаг социал-демократы выдвинули лозунг «Выбирай Вилли» (В.Брандта) вместо «выбирай СДПГ»⁶. Однако наибольшее распространение персонализация получила в 1990-е и 2000-е гг., особенно в 1998 и 2002 гг., когда обе партии сделали ставку исключительно на своих лидеров. К практическому опыту этих двух кампаний и следует обратиться, чтобы понять суть означенного феномена.

Подготовка к четырнадцатым выборам в Бундестаг (сентябрь 1998 г.), началась с середины 1997 г. Находящаяся в оппозиции Социал-демократическая партия выдвинула кандидатуру премьер-министра Нижней Саксонии Г.Шрёдера; именно он должен был стать ключевой фигурой избирательной кампании. Предвыборный штаб кандидата использовал различные приемы для создания положительного имиджа политика. Во-первых, Шрёдер постоянно сравнивался с британским премьером Тони Блэром и президентом США Биллом Клинтонем. Предполагалось, что это добавляет кандидату СДПГ очков в противостоянии с действующим канцлером. Во-вторых, избирательный штаб и дружественные ему СМИ стремились представить Шрёдера в качестве главного выразителя надежд населения (Hoffnungsträger).

При этом персонализацию выборов не следует понимать лишь как сосредоточение внимания исключительно на личности кандидата (хотя это тоже играет определенную роль). Большинство избирателей в конечном счете беспокоится не столько о том, кто конкретно будет выбран, сколько о том, что может предложить им политик. Таким образом, основная задача кандидата и его избирательного штаба заключается в выборе таких тем для избирательной кампании, которые отвечали бы стремлениям и чаяниям электората. На парламентских выборах 1998 г. Герхард Шрёдер выдвинул привлекательную программу и сумел увязать свой имидж с такими понятиями, как модернизация и социальная справедливость, что позволило ему одержать убедительную победу над действующим канцлером Г.Колем⁷.

Не менее персонализированный характер носили и выборы 2002 г. Г.Шрёдер превратил кампанию в личное противостояние с кандидатом от ХДС/ХСС Э.Штойбером (одним из лозунгов Шрёдера был «Я или он» – Ich oder der). В этом противостоянии Шрёдер одержал уверенную победу благодаря своей жесткой позиции в отношении военной операции в Ираке и грубым просчетам Штойбера (так, во время одного из своих выступлений он потребовал высылки из страны 4 тыс. мусульман, которые подозревались в связях с Аль-Каидой)⁸. Таким образом, персонализация избирательной гонки представляет собой перенос субъектности с партии на кандидата, который в глазах электората олицетворяет определенный подход к решению тех или иных проблем.

⁶Marco Althaus. Kampagne! Neue Strategien für Wahlkampf, PR und Lobbying. – Berlin, 2004. S. 73.

⁷Швертель М. Я выигрываю выборы. – М.: Европа, 2006. С. 41.

⁸Jürgen W. Falter, Oscar W. Gabriel, Bernhard Wefels (Hg.): Wahlen und Wähler. Analysen aus Anlass der Bundestagswahl 2002. – Wiesbaden: VS Verlag, 2005. S. 46

В современной России, как отмечает Д.Ольшанский, невозможно создание массовых партий, построенных по идеологическому принципу⁹. Нельзя также не учитывать то обстоятельство, что личностный фактор всегда имел в России большее значение, чем партийные симпатии или идеология. Поэтому представляется логичным, что на смену традиционным политическим объединениям должны прийти кадровые партии, делающие ставку на своих лидеров и на те вопросы, которые сильнее всего волнуют общество. Безусловно, элементы персонализации присутствуют и в российской политике (наиболее яркие примеры – партия «Родина» Д.Рогозина и избирательные кампании В.В. Путина). Однако в целом приходится констатировать, что многие партии пока продолжают придерживаться устаревшей идеологии, которая не пользуется поддержкой большей части населения, прежде всего молодежи.

Второй важной составляющей современных избирательных кампаний в Германии является медиализация. Подчеркнем, что данное понятие имеет два аспекта. Во-первых, под медиализацией подразумевается активная работа со средствами массовой информации. Особенностью немецких СМИ является их отчетливая политизированность – то есть большинство федеральных и региональных газет и журналов в той или иной степени поддерживают одну из политических партий. Так, например, Frankfurter Allgemeine Zeitung, Die Welt традиционно поддерживают Христианско-демократический союз, еженедельные журналы Focus и Der Spiegel симпатизируют социал-демократам. При этом во время выборов печатные СМИ выступают в качестве своеобразных PR-агентств кандидатов и партий. Это хорошо видно из нижеприведенной таблицы.

Оценка личности кандидата на пост канцлера во время избирательной кампании 1998 г. в средствах массовой информации (количество упоминаний)

	Коль			Шрёдер		
	Личность	Полит. деятельность	Всего	Личность	Полит. деятельность	Всего
Межрегиональные ежедневные газеты	775	630	1405	763	353	918
Восточногерманские региональные газеты	218	185	403	150	97	247
Еженедельники	394	141	527	292	56	348
Всего	1387	948	2335	1205	506	1454

⁹Ольшанский Д. Политический PR. – М., 2003. С. 256.

Причем речь идет не о публикации заказных статей (в Германии это практически невозможно), а именно о тесных контактах с прессой и использовании издания в качестве информационной площадки для презентации собственных идей и установок. Именно так действовал в 1998 г. Герхард Шрёдер, выступая на страницах ведущих СМИ с целью создать себе положительный имидж. Канцлер Гельмут Коль, напротив, избегал общения с прессой, что негативным образом сказалось на его популярности.

Однако гораздо более мощным оружием становятся сегодня современные информационно-коммуникативные технологии (интернет), которые превращаются в неотъемлемую часть нашей повседневной жизни.

По сравнению с традиционными СМИ (газеты, радио, телевидение) они обладают рядом существенных особенностей, которые можно эффективно использовать во время избирательной кампании. В первую очередь это «экстерриториальность». Интернет-сайт доступен пользователю (разумеется, имеющему компьютер) в любой точке страны, в то время как традиционные печатные СМИ (несмотря на многотысячные тиражи) не способны полностью охватить целевую аудиторию. В отличие от печатных изданий интернет позволяет осуществлять масштабные и не слишком дорогостоящие PR-кампании. Во-вторых, к преимуществам глобальной сети относится мультимедийность. Большинство интернет-ресурсов могут размещать аудио-, видео- и текстовую информацию, фотоматериалы, ссылки на другие ресурсы. В-третьих – оперативность: необходимая информация доходит до адресатов буквально мгновенно. В-четвертых, отсутствие цензуры в ее худшем (репрессивном) виде.

В Германии интернет был впервые использован как средство политической борьбы во время избирательной кампании 1998 г. Социал-демократы стали первой политической партией, по достоинству оценившей, а главное использовавшей возможности глобальной сети. Был арендован широкий канал и современное оборудование, позволяющее выдержать мощный поток посетителей – их число накануне выборов превысило 2,5 млн: почти вдвое больше, чем у христианских демократов. На сайте партии были размещены агитационные материалы, биографии лидеров партии (Г.Шрёдера и О.Лафонтена), отчеты о партийных съездах и т.д.¹⁰ Кроме того, был создан интернет-ресурс, позволяющий партии поддерживать интерактивный контакт со своими избирателями.

ХДС, в отличие от своих оппонентов, провел достаточно слабую кампанию в интернете, фактически ограничившись изменением дизайна сайта. Кампания 1998 г. показала, что профессиональный подход может значительно увеличить поддержку электората. Впоследствии все политические партии Германии стали использовать интернет-сайты в качестве средства продвижения своих идей и привлечения сторонников.

¹⁰Кислицына И. Партии в интернете. Коммуникативный анализ сайтов политических партий России, США, Германии. – Ростов-на-Дону, 2011. С. 90.

В этом плане весьма показателен пример партии «Левые». Хотя она официально зарегистрирована и представлена в бундестаге 76 депутатами, в немецком обществе партия считается коммунистической и даже левоэкстремистской, в связи с чем не имеет широкого доступа к традиционным каналам подачи информации. Именно поэтому она и была вынуждена обратиться к интернету. В ходе подготовки к выборам 2009 г. партия серьезно модернизировала свой сайт, превратив его в серьезную информационную площадку. Кроме того, партийное руководство использует возможности социальных сетей и видеохостингов¹¹. Две крупнейшие немецкие партии, ХДС и СДПГ, также стараются не отставать. Так, в 2005 г. социал-демократы создали ряд сайтов, предназначенных для ведения информационной борьбы с ХДС/ХСС и либералами.

Еще одним новшеством избирательных кампаний стали теледебаты между основными кандидатами на пост канцлера – это также можно отнести к заимствованиям из американской практики. Теледебаты, с их прямотой и наглядностью, позволяют избирателям, которые не слишком склонны подробно изучать партийные программы, выбрать кандидатуру по своему вкусу. Политикам же дебаты предоставляют возможность в ходе «очной ставки» продемонстрировать свое превосходство над оппонентом. Однако теледебаты зачастую принимают характер шоу, имеющего мало общего с обсуждением серьезных проблем.

Второй аспект медиазации политики заключается в том, что реальные действия и ситуации всё больше заменяются инсценировкой, конструированием реальности. Так, в 2002 г. Г.Шрёдер, чья политика реформ фактически зашла в тупик, переключил внимание граждан на войну в Ираке и наводнение в Восточной Германии и использовал эти информационные поводы в своей избирательной кампании. Другим примером подобного конструирования являются выборы 2005 г. Накануне избирательной кампании все социологические опросы предсказывали уверенную победу ХДС/ХСС над правящей «красно-зеленой» коалицией. Однако социал-демократы сумели изменить повестку дня и акцентировать внимание избирателей на недостатках программы конкурентов, что позволило сократить разрыв до минимума.

Еще один фактор, влияющий на характер избирательной кампании, – т.н. профессионализация. Как отмечает С.Пригнитц, в условиях деидеологизации и медиазации падает значение традиционного партийного аппарата во время избирательной кампании¹². А на авансцену выходят профессионалы (специалисты по PR, политические консультанты), которые и составляют костяк избирательного штаба. В настоящее же время более распространено

¹¹Eva Schweitzer, Steffen Albrecht. Das Internet im Wahlkampf: Analysen zur Bundestagswahl 2009. – Berlin, 2011. S. 13.

¹²Prignitz S. Von der Parteiendemokratie zur Mediendemokratie: Der Rollenwechsel der politischen Parteien im Zeitalter von Mediendemokratie und Mediokratie. – Köln, 2010. S. 12.

обращение партий к различным консалтинговым и пиар-агентствам (в 2005 г. избирательную кампанию СДПГ вели Agentur Butter и Compact-Team¹³).

Безусловно, все описанные элементы избирательных технологий используются и в ходе выборов в Государственную думу РФ. Однако между избирательными кампаниями в Германии и России имеется ряд существенных различий. Многие российские партии строят свои кампании исключительно на критике оппонентов либо предлагают электорату устаревшие идеологемы, не находящие отклика в обществе. Ошеломляющий успех «Пиратской» партии на выборах в ряде регионов Германии убедительно доказал, что партии, затрагивающие актуальные проблемы, могут уверенно рассчитывать на поддержку. И, пожалуй, самое главное – наблюдается неспособность российских партий наладить контакт с избирателями. Информационные площадки в интернете развиваются, как правило, партии и группы, которые не имеют доступа к традиционным СМИ (радио, телевидение и печать). Хотя практически все партии представлены в интернете (социальные сети, блоги и т.д.), в большинстве своем их информационные площадки являются скорее данью моде, нежели средством продвижения идей и лидеров.

Конечно, нельзя говорить о полном переносе немецкого опыта на российскую почву, поскольку и политическое устройство, и реалии обеих стран существенным образом отличаются друг от друга. Но вместе с тем тот путь, которым идут политики Германии в условиях кризиса традиционных идеологий и партийной системы, может стать ориентиром и для российских партий.

¹³Wahlanalyse 2005. Aus Politik und Zeitgeschichte, 2005, No. 51-52. S. 21.

II. ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЦИКЛ 2011–2012 гг.: ИТОГИ И БЛИЖАЙШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Михалева Г.М.

ПАРТИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: АЛГОРИТМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В период стабилизации режима¹ – примерно с момента окончания первого президентского срока В.Путина (2004) и до начала подготовки избирательного цикла 2011–2012 гг. – были существенно ограничены, как законодательно, так и на практике, возможности деятельности для оппозиционных политических партий и различных форм гражданской активности, включая НКО. Некоторые оппозиционные партии потеряли право участия в выборах и превратились в неформальные образования, часто даже не имеющие юридического статуса общественных организаций; часть НКО просто исчезла.

Но в то же время возникали новые формы гражданской активности, происходила их постепенная политизация. Активизировалось взаимодействие между оппозиционными гражданскими партиями, как формальными, так и неформальными, негосударственными организациями и неформальными гражданскими инициативами.

Для этого периода было характерно смешение политического и неполитического, слабая дифференциация и слабая же структурированность гражданских неформальных движений и, наконец, разрыв между легальностью и легитимностью. Призывы Д.Медведева к «модернизации» и «свободе», которая «лучше, чем несвобода», сопровождалась некоторыми символическими действиями, однако при этом сохранялась тенденция перманентного (хотя и точечного) ужесточения режима². Эти процессы напоминают начальный этап перестройки. Отличие же заключается в направлении вектора политического развития. В от-

¹«Второго цикла советской истории», по определению Кирилла Рогова. См.: Рогов К. Гипотеза третьего цикла. – Pro et contra, № 4–5, 2010. С. 6–22.

²Об этом свидетельствуют изменения в законодательстве под предлогом борьбы с экстремизмом: поправки, расширяющие полномочия ФСБ, ограничения на проведение массовых акций и преследование гражданских активистов.

ношении партий, НКО и активистов, критически настроенных к режиму, власть использовала три тактики: изменение институциональных условий существования, выборочное применение насилия и создание имитационных институтов.

Чтобы сохранить статус и возможности деятельности, общественные организации вынуждены были выбирать между лояльностью власти и поддержкой оппозиции. Неформальные гражданские инициативы, взаимодействуя с неформальными и формальными партиями, быстро радикализировались. И власть, и организации, действующие вне формальных институтов, все чаще прибегали к насилию.

После думских и президентских выборов 2001–2012 гг. ситуация существенно изменилась: в столицах и крупных городах началась массовая протестная мобилизация, сохранявшаяся несколько месяцев подряд. В связи с этим власть отказалась от точечной либерализации и, сменив тактику, осуществила ряд изменений законодательства, имитирующих демократизацию (законы о партиях, выборах в Госдуму и губернаторов), – с одной стороны. С другой – принялась в очередной раз «закручивать гайки»: были ужесточены закон о массовых акциях, об НКО, введены нормы, позволяющие ограничить свободу СМИ и поставить под контроль интернет. Деятельность правозащитных и экологических НКО была законодательно определена как политическая, организации, получающие финансирование из-за рубежа, получили статус иностранных агентов. Кроме того, был взят курс на жесткие репрессии в отношении участников протестного движения – массовые задержания на митингах, обыски у известных оппозиционеров и их дискредитация, составление «списков экстремистов» и пр.

После принятия радикальных поправок к закону о партиях число партий, при сохранении доминирующих игроков, начало стремительно увеличиваться. При этом гражданский протест сохранял непартийный и неформализованный характер. Режим стал терять стабильность, разворачивалась «пружина политического кризиса»³, о чем свидетельствовали рост недоверия к В.В. Путину, Д.А. Медведеву и «Единой России», недостаточность электоральных результатов, обеспечивающих устойчивость режима, непрекращающиеся массовые протесты в Москве, Санкт-Петербурге и крупных городах. В качестве ответа на эти вызовы, в резонанс с которыми вошли внутренние и внешние неблагоприятные факторы, связанные с поражениями, неудачами и катастрофами, власть выбрала демонстрацию силы и отказ от ранее сделанных уступок.

1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО ДО ВЫБОРОВ 2011–2012 ГГ.: ФОРМАЛИЗАЦИЯ ИСКЛЮЧЕНИЯ И УХОД В НЕФОРМАЛЬНОСТЬ

Состояние российского общества в рассматриваемый период, как показали исследования «Левада-центра»⁴, характеризовалось апатией, аполитичностью,

³Рогов К. Границы власти Путина. – Ведомости, 11.07.2012. С. 4.

⁴Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Средний класс as it: мнения и настроения высокодоходной молодежи в России. – Вестник общественного мнения, 2008, № 95(8). С. 27–41.

ориентацией на потребление, отсутствием солидарности и глубоким недоверием ко всем политическим институтам и организациям, за исключением двух политических субъектов – Путина и Медведева. У подавляющего большинства населения сохранялись патерналистские и государственноцентричные представления: государство превышает граждан, но обязано о них заботиться.

Существовавшие до последнего времени формы гражданской активности были каплей в море всеобщей пассивности. Социологические исследования «не различали» точечных протестов, относя их к статистической погрешности.

Однако ростки неформальной гражданской активности всё же не исчезали на протяжении всего периода стабилизации режима. Можно согласиться с Л.Якобсоном и С.Сановичем, что это было скорее нелегкое и противоречивое развитие, чем безнадежный упадок⁵. Более того, с начала финансового кризиса проявления гражданской активности становились всё заметнее.

Одновременно институционализировалось исключение значительной части общества из процесса влияния на властные решения и минимизировались возможности выражения политических требований и даже собственного мнения. Имеется в виду изменение норм законодательства, регулирующих деятельность негосударственных организаций (НГО), закона о партиях и избирательного законодательства. Авторитарный режим стремился в рамках преобразования существующих институтов максимально ограничить любые возможности действия для акторов, не подчиненных правящей группе.

Во-первых, происходило последовательное изменение законодательной базы и имплементация политических практик, усложняющих функционирование НГО и ограничивающих возможности публичных протестов. В 2006 г. был принят закон об общественных организациях, жестко регулирующий их финансирование, ограничивший автономию НГО и поставивший их под государственный контроль⁶. Одновременно была создана Общественная палата (ОП) РФ и региональные общественные палаты, получившие эксклюзивное право быть выразителями интересов гражданского общества⁷. Палате отводилась роль «правильного» гражданского общества и «министерства по делам гражданских организаций», а в случае необходимости она использовалась как контролируемая площадка публичной политики и дополнительный механизм давления на чиновников⁸.

Во-вторых, были приняты законы, усложняющие организацию и прове-

⁵Якобсон Л., Санович С. Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения. – *Общественные науки и современность*, 2009, № 4. С. 21.

⁶Доклад «Первый год применения нового российского законодательства об НГО: проблемы и рекомендации по изменениям» (подготовлен 19 апреля 2007 г.; авторы – Юрий Джибладзе, Центр развития демократии и прав человека; Ольга Гнездилова, Межрегиональная правозащитная группа – Воронеж/Черноземье; Дарья Милославская, Альянс Международного центра некоммерческого права; Наталья Таубина, фонд «Общественный вердикт» (<http://www.nkozakon.ru/monitoring/5>); Taylor D. Low Enforcement an Civil Society in Russia. – *Europe-Asia Studies*, vol. 58, № 2. P. 193–213.

⁷Fein E. *Potjomkinisches Parlament und Papiertiger*. – *Russland Analysen* (Bremen), 2006, № 87. S. 2–4.

⁸Петров Н. Общественная палата: для власти или для общества? – *Pro et contra*, 2006, № 1. С. 51–53.

дение акций протеста – митингов, шествий и пикетов. На практике уведомительный характер превратился в запретительный, для проведения санкционированных акций предлагались места, где они не могли привлечь внимания граждан⁹. Акции, трактуемые властями как несанкционированные, жестоко разгонялись, их участники задерживались.

В-третьих, начался процесс т.н. импортозамещения в ресурсной базе некоммерческих организаций. Угроза утраты позиций заставляла западных спонсоров действовать с оглядкой на власть или же вообще отказываться от работы в России. Усилилось открытое давление на организации-доноры.

Переход к фазе «импортозамещения» означал, с одной стороны, появление располагающих значительными средствами благотворительных организаций российского бизнеса, которому приходилось быть «социально ответственным» в соответствии с требованиями властей. К помощи НКО, в первую очередь на региональном и местном уровне, бизнес побуждало желание улучшить отношения с органами власти – нередко под давлением со стороны последних. При этом чувствительная для власти сфера – защита политических и гражданских прав – практически была исключена из числа объектов спонсирования¹⁰.

С другой стороны, государство начало выделять значительные средства на поддержку «третьего сектора». Политика финансирования при этом была связана со стремлением превратить НКО в союзников по решению социальных проблем. В 2007 г. на поддержку НКО было выделено 50 млн, в 2008 г. – 63 млн долларов¹¹. Общественная палата стала главным оператором распределения средств. Гранты ОП получали лишь «политически близкие» организации (например, «Наши» или «Молодая гвардия Единой России») либо подчеркнуто неполитизированные. К тому же эта общественная подсистема, как и все прочие, была существенно затронута коррупцией¹².

В-четвертых, проводилась активная кампания по дискредитации наиболее влиятельных правозащитных организаций. По старому советскому образцу им инкриминировали продажность Западу и шпионскую деятельность. Наиболее яркий пример – прямое обвинение Московской Хельсинкской группы в шпионаже (весна 2007 г.) и давление на «Голос» (осень 2007 г.). В этой кампании власть активно использовала прокремлевские движения. «Наши» и «Молодая гвардия» занимались, например, преследованием и дискредитацией журналиста А.Подрабиника, выступившего против требований переименования шашлычной «Антисоветская» (осень 2009 г.)¹³, регулярно пытались пресечь

⁹В Москве, например, это была набережная Тараса Шевченко.

¹⁰Полищук Л.И. Бизнесмены и филантропы. – Pro et contra, 2006, № 10.

¹¹Якобсон Л., Санович С. Смена моделей... С. 31.

¹²«Откаты» при получении грантов Общественной палаты составляли, по словам получавших их в 2008 г., треть от суммы гранта (из интервью автора с одной из представительниц женских организаций, получившей в 2008 г. грант Общественной палаты).

¹³См., например, передачу с участием А.Подрабиника на радиостанции «Эхо Москвы» 06.10.2009 (<http://www.echo.msk.ru/programs/razvorot/625544-echo/comments.phtml>).

традиционные несанкционированные акции несистемной оппозиции 31 числа в защиту 31-й статьи Конституции (2009–2010 гг.).

Наконец, участились случаи применения насилия и уголовного преследования в отношении тех, кто боролся с произволом властей, занимался правозащитной деятельностью или писал о ней. Достаточно назвать убийство в Чечне правозащитницы Н.Эстемировой («Мемориал»), адвоката С.Маркелова и журналистки А.Бабуровой¹⁴ в 2009 г. в Москве, избивание профсоюзного активиста завода «Форд» А.Этманова¹⁵, защитников Химкинского леса в 2010–2011 гг.

Правозащитные и экологические организации, функции которых связаны с влиянием на государство по инициативе «снизу», оказались в тяжелом положении. Ранее не рассматриваемая как политическая, их деятельность в авторитарных условиях приобрела политические черты, а сами эти организации также стали оцениваться властью как политические оппоненты¹⁶.

В результате работа значительной части организаций, защищавших гражданские и политические права, была свернута или заморожена, начали рассыпаться выстраиваемые годами сети коммуникаций, голос НГО, независимых от власти, особенно в регионах, стал почти не слышен. В свою очередь, граждане, защищающие свои права, в том числе гражданские и политические, перешли к неинституциональным формам воздействия на власть и взаимодействия друг с другом.

В период президентства Д.Медведева усилилась разновекторность и отчетливо обозначились противоположные тенденции политики власти в отношении групп гражданской активности и оппозиционных НКО.

Так, был создан Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, в который вошли те, кто довольно жестко критиковал власть, в частности Людмила Алексеева (МХГ), Ида Куклина («Солдатские матери»), Ирина Ясина, ранее занимавшая ведущее положение в проекте ЮКОСа «Открытая политика»¹⁷. Рабочая группа этого Совета разрабатывала «смягчающие» поправки к закону об НКО.

Несколько смягчены были также закон о партиях и избирательное законодательство. В ряде случаев власть в той или иной форме реагировала на протесты и требования: после многотысячных митингов был отправлен в отставку калининградский губернатор Г.Боос; остановлено строительство башни «Газпромсити» (т.н. «Газоскреба») в историческом центре Петербурга; приостановлено строительство трассы Москва–Санкт-Петербург через Химкинский лес и проведены общественные слушания по этому вопросу¹⁸; и даже

¹⁴Подробнее об этом см.: Права человека в России. 2010–2012 (<http://www.hro.org/taxonomy/term/234>).

¹⁵Подробнее об этом см.: Дубль два. Председатель профкома завода Ford Алексей Этманов второй раз подвергся нападению. – Каспаров.ru, 14.11.2008, 18:26 (<http://www.kasparov.ru/material.php?id=491D98B35C961>).

¹⁶Правозащитное движение сегодня: проблемы и перспективы. – М.: МХГ, 2005.

¹⁷Совет по правам человека при Президенте РФ. Справка. – Российское агентство правовой и судебной информации, 30.07.2010, 11:01 (<http://rapsinews.ru/publications/20100730/250477107.html>).

¹⁸Слушания были инсценированы и проведены администрацией г. Химки, результат был predetermined.

– в 2010 г., после отставки мэра Москвы Ю.Лужкова, – разрешены два митинга радикально-оппозиционной «Стратегии 31» на Триумфальной площади.

Но в то же самое время представители «тандема» неоднократно высказывали уничижительное мнение об оппозиции, на массовых акциях (в т.ч. разрешенных) активистов продолжали задерживать¹⁹, пропаганда на государственных телеканалах становилась всё агрессивней. Были приняты поправки и новые законы, еще более ограничивающие права и свободы (поправки к закону о ФСБ, закон о полиции и пр.).

2. НОВЫЕ ФОРМЫ НЕФОРМАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАН В ПЕРИОД СТАБИЛИЗАЦИИ РЕЖИМА

Неформальная гражданская активность отличается от работы НГО следующими особенностями:

- граждане осуществляют коллективные протестные действия не имея формальной регистрации и финансирования;
- эти действия разворачиваются вне существующих институциональных форм (т.е. в областях, не регулируемых законодательно, как, например, социальные сети или «сходы» граждан) или вопреки им (сознательно проводимые, не согласованные заранее с властями акции, в т.ч. анонсированные).

Последовательное проведение политики, ущемляющей социальные права граждан, вызвало постепенную активизацию неформальной гражданской активности. Чаще всего эта активность принимала вид несанкционированных, т.е. проводимых вопреки ограничительному законодательству, уличных протестных акций. К 2008 г. они начали приобретать систематический и массовый характер.

В 2007–2008 гг. становится заметной и самоорганизация т.н. инициативников, объединяющихся для взаимопомощи в решении жизненно важных проблем и обмена информацией через социальные сети, а также – в качестве акций солидарности – участвующих в протестах групп из других районов (против уплотнительной застройки, за защиту зеленых насаждений и пр.). Е.Белокурова и Д.Воробьев назвали подобные локальные протесты проблематизацией политических решений, принимаемых или принятых ранее в рамках локальных режимов²⁰, а А.Лехтман – городскими протестами²¹. Некоторые из таких протестов – NIMBY (not in my backyard)²², – начинаясь как локальные, вызывали «эффект домино» и выходили за границы одного населенного пункта или региона и даже охватывали большое число регионов²³.

¹⁹Так, после разрешенного митинга 31 декабря 2010 г. были задержаны Б.Немцов, И.Яшин, Э.Лимонов и другие активисты.

²⁰Белокурова Е., Воробьев Д. Общественное участие на локальном уровне в современной России. – Неприкосновенный запас, 2010, № 2. С. 83–91.

²¹Лехтман А. Городские движения в 2009 году: от локальных акций к общегородским кампаниям. – Институт «Коллективное действие», 28.01.2010, 13:12 (<http://www.ikd.ru/node/12336>).

²²Белокурова Е., Воробьев Д. Общественное участие... С. 89.

²³Примерами могут служить московское Общество синих ведёрок – по борьбе с мигалками на машинах чиновников – или борьба с запретом на ввоз праворульных машин, начатая во Владивостоке движением ТИГР.

Характерно, что наибольшая активность инициативных групп наблюдалась в крупных городах с наиболее высоким уровнем жизни. Это и неудивительно, поскольку такие города – центры модернизации экономики и человеческого капитала²⁴, сосредоточение точек роста и консолидации структур гражданского общества²⁵.

Росло число молодежи, участвовавшей в таких акциях, появлялись молодежные политизированные группы²⁶.

Среди массовых уличных протестов, которые, как уже говорилось, с 2008 г. начали приобретать систематический характер, важное место занимали экологические: против застройки природоохранных зон, вырубки реликтовых лесов, городских парков и скверов, загрязнения озер и рек, незаконного участия чиновников в охоте на редких животных. Словом, конкретные безобразия региональной или местной власти мобилизовали активных граждан²⁷. Накануне избирательного цикла 2011–2012 гг. получили развитие следующие тенденции:

- интенсификация использования блогосферы для самоорганизации и установления горизонтальных связей между различными протестными группами;
- театрализация протестных акций (например, «свадьбы», организованные движением ТИГР во Владивостоке, многочисленные театрализованные акции в Москве);
- распространение коротких зрелищных акций (флэш-мобов), рассчитанных не на вовлечение прохожих, как раньше, а на привлечение внимания СМИ;
- радикализация и политизация требований, первоначально затронувшая лишь небольшое число регионов (Приморье, Калининград, Москва);
- активизация инициативных групп в столицах и городах-миллиониках: борьба с точечной застройкой, уничтожением памятников архитектуры и вырубкой зеленых насаждений, с т.н. народными гаражами, движение обманутых дольщиков и т.д.;
- интенсивное взаимодействие между правозащитными организациями и оппозиционными демократическими организациями;
- регулярное сотрудничество оппозиционных партий и инициативных групп, часть активистов последних начинает собственно политическую деятельность, в т.ч. баллотировавшись на местных и региональных выборах;
- точечные протесты с перекрытием федеральных трасс или угрозами такого рода, вызывающих реакцию «начальства», в том числе – самого высокого («эффект Пикалёва»)²⁸.

²⁴Зубаревич Н.А. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала. – *Общественные науки и современность*, 2010, № 5 С. 5–19.

²⁵Тот самый «креативный класс», который с удивлением увидели на декабрьских протестных акциях, начал выходить на улицы городов значительно раньше.

²⁶Siegert J. Politische Jugendorganisationen und Jugendbewegungen in Russland. – *Russland Analysen* (Bremen), 2005, № 83. S. 2–5.

²⁷Ворожейкина Т. Самозащита как первый шаг к солидарности. – *Pro et contra*, 2008, № 2-3. С. 6–23.

²⁸Правда, перекрытие дорог – забытая старая форма, активно практиковавшаяся в начале 90-х годов.

Анализ неформальной гражданской активности за период 2008–2010 гг. показывает рост числа акций, увеличение их географического охвата и разнообразия форм. Конечно, фиксировать в этом случае можно только открытые, публичные акции; как правило, они были несанкционированными – за исключением согласованных, организаторами которых часто выступали «политические партнеры» неформальных гражданских групп – политические партии, формальные и неформальные²⁹.

Наблюдался очевидный всплеск гражданской активности, не характерной для предшествующих периодов, – касающейся жилищной сферы³⁰, особенно в крупных городах, а в Москве – и вовсе лавинообразный рост. В целом по стране число зафиксированных акций в 2008–2010 гг. было велико (749), но география их была ограничена, и большинство приходилось на Москву. В Московской области активнее всех протестовали обманутые дольщики, в Санкт-Петербурге боролись с уплотнительной застройкой и защищали архитектурный облик города (главной темой оставалось строительство «Газоскреба»), в Имеретинском районе защищали частные дома от сноса при строительстве олимпийских объектов, в Самаре пытались предотвратить точечную застройку. В ряде регионов акции были направлены против роста коммунальных тарифов, на отстаивание прав жильцов общежитий, защиту зеленых насаждений и вообще экологической обстановки.

Среди форм протестов преобладали несанкционированные митинги и т.н. сходы граждан (на самом деле – те же самые митинги). Но имели место и более радикальные меры – голодовки, как правило обманутых дольщиков или выселяемых из жилых помещений граждан, а также перекрытие трасс.

Акции проходили, как правило, в региональных центрах, иногда в крупных городах (например, в Магнитогорске и Бийске), чаще всего в регионах с относительно высоким уровнем жизни. Но в целом участвовавшие акции не являлись значимым политическим фактором и имели, за редким исключением (Московская область), разную направленность, а протестные группы не были связаны между собой.

Наиболее резонансные акции, на которые власти были вынуждены отреагировать:

- многотысячные массовые митинги в Калининграде с требованием отставки губернатора Г.Бооса; в результате он не был в августе 2010 г. включен в президентский список кандидатов на переназначение;

²⁹Был проведен контент-анализ сообщений о протестных акциях на сайте Института «Коллективное действие» (<http://www.ikd.ru>). Анализировались акции, прошедшие в год финансового кризиса (сентябрь 2008 – август 2009) и последующий годичный период. Подробнее см.: Михалева Г.М. Гражданская активность в России до и после кризиса: формы и перспективы. – Мировой кризис и политические изменения. Политическая наука: Ежегодник 2009/ Ассоциация политической науки (под ред. А.И. Соловьева). – М.: РОССПЭН, 2010. С. 57–73; Das politische Potential der Zivilgesellschaft in Russland während der Präsidentschaft von Wladimir Putin und Dmitri Medwedew. – Forschungsstelle Osteuropa (Bremen), Nr. 116, November 2011.

³⁰В этом случае нужно учитывать, что ИКД, видимо, документировал не все акции; так, очевидно, что в Санкт-Петербурге их число было значительно больше. Возможно, это относится и к остальным городам.

- борьба против «Газоскреба» в Санкт-Петербурге, увенчавшаяся прекращением его строительства;
- борьба против вырубки Химкинского леса при строительстве автотрассы Москва–Санкт-Петербург; удалось добиться решения президента Медведева 25 августа 2010 г. о приостановке строительства (однако впоследствии, в конце 2010 г., оно было возобновлено).

В том же ряду и чуть менее нашумевшие события, например: остановка московскими властями сноса домов в дачном поселке «Речник» (зима 2010 г.), выплата существенных компенсаций семьям погибших шахтеров после аварии на шахте в Междуреченске. В таких случаях к требованиям, а в случае с «Речником» – и к акциям присоединялись различные политические силы.

С гражданскими активистами систематически работала партия «ЯБЛОКО», иногда некоторые депутаты «Справедливой России» (Г.Гудков, Д.Гудков, И.Пономарев) и КПРФ и их помощники, а также «Левый фронт» (С.Удальцов). «Справедливая Россия» организовывала собственные акции, в том числе посвященные защите социальных прав граждан в связи с выборами в регионах и центре. КПРФ устраивала тематические «месячники», включающие протестные акции по защите социальных и трудовых прав. При этом только у РОДП «ЯБЛОКО» постоянная работа с гражданским обществом, помощь в организации гражданских инициатив и защита социальных прав граждан были программными политическими задачами, сформулированными в Политической платформе партии еще в 2008 г. на XV съезде³¹.

Резонансные массовые митинги и демонстрации (против башни «Газпромсити», в защиту Химкинского леса) привлекали более широкий круг участников, в том числе – из оппозиционных неформальных партий, как правило предпочитавших политические мероприятия (ПАРНАС, «Солидарность» и др.).

Делая единичные уступки, в целом власти ужесточали правила, почти сводя на нет возможность выражения протеста, это касалось как институциональных рамок, так и полномочий милиции и ОМОНа. Поправки к закону о ФСБ прошли почти незамеченными (если не считать кампанию против них, проведенную правозащитниками и «ЯБЛОКОМ»), как и изменение законодательства, практически запретившее использовать автотранспорт для акций протеста. Последнее было следствием «автомобильных протестов» Общества синих ведёрок и Федерации автолюбителей России (ФАР)³². Действия милиции и приговоры участникам акций становились всё жестче (как, например, насилие в отношении представителей «Стратегии 31»), от штрафов суды перешли к административным арестам, часто – по абсурдным поводам³³.

³¹ Политическая платформа РОДП «ЯБЛОКО». XV съезд РОДП «ЯБЛОКО», 21 июня 2008 г. – Сайт «Яблока» (http://www.yabloko.ru/Press/Docs/2008/0626_platforma.html).

³² В акциях, например в пикетировании на Кутузовском проспекте с лозунгами «Мигалки – позор России!», принимали участие и активисты «Яблока».

³³ Как, например, административный арест представителя «Солидарности» Льва Пономарева или, особенно, – Михаила Шнейдера (за пронос российского флага по Арбату) в августе 2010 г.

Естественно, что чем сильнее давление, тем активнее ответное сопротивление. Учитывая репутационные скандалы, связанные с органами внутренних дел (случаи Д.Евсюкова, расстрелявшего покупателей в магазине, с одной стороны, и, с другой, А. Дымовского и его последователей, раскрывших в своих блогах внутреннюю информацию о многочисленных правонарушениях и коррупции в МВД), и вообще постоянное обсуждение милиции в блогосфере, неудивительно малопредсказуемые и часто неадекватные действия сотрудников милиции в условиях массовых акций.

Начиная с 2010 г. участились случаи насильственных действий и со стороны граждан. Для примера можно назвать разгром антифашистами Химкинской администрации, столкновение протестующих с ОМОНОм при перекрытии железнодорожной ветки в Междуреченске, драки жителей с милицией в Имеретинской долине и т.п.

Помимо локальных требований участники гражданских акций, посвященных жилищным и экологическим проблемам, начиная с 2010 г. всё чаще выдвигают политические лозунги. Так, в очередной раз митингующие в Подмосковье дольщики требуют в мае: «Подмосковье без Громова!» Протестующие против роста тарифов ЖКХ в апреле в Екатеринбурге призывают к отставке мэра. В Иркутске в октябре митингующие держат лозунг «Мэра – за решетку!». Лозунги в сентябре в Клину Московской области: «Воры в администрации», «Главу Клинского района Постриганя – под суд!». Критика обрушивается и на «партию власти»: в Усть-Качке Пермского края в марте: «“Единая Россия” – единая против всех!»; в Архангельске в марте: «Единым фронтом – против “Единой России”».

Из-за цикличности акций и общественных кампаний, что особенно характерно для Москвы и Санкт-Петербурга, сложно определить их точное число, но очевидно увеличение количества их участников. Если в 2008–2009 гг. численность акций достигала нескольких десятков, в лучшем случае – сотен человек, то в 2009–2010 гг. они становятся многосотенными и даже многотысячными, в первую очередь это касается экологических протестов (например, митинги против вырубki Химкинского леса, в защиту Байкала и Имеретинской долины).

3. ИЗМЕНЕНИЕ НОРМ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЗАКОНА О ПАРТИЯХ: СУЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СПЕКТРА И ПОЯВЛЕНИЕ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПАРТИЙ

В период стабилизации режима многие из политических организаций, называвших себя партиями и действовавших как таковые, утратили данный статус, однако сохранили политические цели, превратившись в неформальные партии.

Эти изменения явились следствием принятия пакета законопроектов, обеспечивающих реформу партийного и избирательного законодательства. Кремлевская администрация и бесперебойно голосующее в нужном ключе

парламентское большинство последовательно создавали условия, максимально благоприятные для партии, призванной, по словам замглавы администрации президента, архитектора нынешней российской политической системы В.Суркова, стать доминирующей в политической системе³⁴, и максимально неблагоприятные – для всех остальных³⁵. Иными словами, создавалась полностью подконтрольная власти партийная система.

В декабре 2006 г. были приняты поправки к закону о партиях, сделавшие практически невозможным создание новых партий не под патронажем Кремля³⁶. Фактически к партиям предъявили требования, которым могут соответствовать только государственные учреждения с непрерывно работающим бюрократическим аппаратом.

В результате резко снизилось число зарегистрированных и имеющих право на участие в выборах партий. Выжили, кроме «Единой России» и тех, кому власти назначили определенную функцию (например, дублера или спойлера), лишь обладавшие достаточными ресурсами для подготовки необходимой документации и членской базы. В конце 2006 г. ЦИК официально объявил, что проверку прошли 19 партий, 16 партий признаны не соответствующими требованиям законодательства³⁷; к 2007 г. осталось 14 зарегистрированных партий, к 2008-му – семь.

Принятый одновременно ряд поправок к избирательному законодательству в целом расширял возможности парламентских и ограничивал права непарламентских партий, а также давал очевидные преимущества «Единой России». Кроме того, в 2007 г. думские выборы стали проходить исключительно по пропорциональной системе (ранее – по смешанной, мажоритарно-пропорциональной), а региональные – по смешанной или же (в некоторых регионах) исключительно по пропорциональной (ранее – исключительно по мажоритарной). В 2010 г. та же схема начинает вводиться и на уровне местного самоуправления. При этом парламентские партии регистрировались в качестве участников всех выборов автоматически. А те, кто не имел представительства в Думе, должны были собирать подписи и на основании «недействительности» подписей регулярно не допускались к выборам, что ослабляло их с каждым избирательным циклом.

Вопреки оптимистическим прогнозам руководителей государства, на значимых выборах уровень конкурентности не повышался, а снижался, чему «помогало» массированное использование административного ресурса. Яркий пример – результаты выборов в Мосгордуму в октябре 2009 г.: депутатами

³⁴Сурков потребовал от «Единой России» обеспечить доминирование партии на 15 лет. – Лента.ру, 25.07.2012, 18:49 (<http://lenta.ru/news/2006/02/27/dominate>).

³⁵См. об этом: Гельман В. Трансформация российской партийной системы: монополизация политического рынка//Российские элиты в условиях консолидации власти. – Пермь, 2006. С. 27–47.

³⁶Ст. 5272//СЗРФ, 2004, № 52.

³⁷В России только 19 партий допустят до выборов. – Подробности. 26.10.2006, 12:51 (<http://www.podrobnosti.ua/power/elections/2006/10/26/361333.html>).

стали 32 представителя «Единой России» и всего трое оппозиционных кандидатов (КПРФ). Учитывая высокий уровень политизированности московского населения, можно утверждать, что эти выборы стали одной из первых предпосылок массовых протестов.

Несмотря на декларации о необходимости либерализации системы, в период президентства Медведева были сделаны лишь минимальные шаги для ослабления давления власти на институты гражданского общества, избирательную и партийную систему (снижение требования к численности партий с 50 до 45 тыс. человек, гарантии присутствия в Думе представителя партии, набравшей на выборах более 5%).

Следствием ужесточения партийного и избирательного законодательства и искусственного сокращения числа партий стали:

- радикализация неформальных партий, как либеральных, так и левых, сближение их позиций, вплоть до объединения (совместное участие в акциях 31 числа в защиту 31 ст. Конституции и митингах протеста, создание «Другой России» и «Национальной ассамблеи»);
- ослабление системных оппозиционных партий (КПРФ, «ЯБЛОКО»), последовательное вытеснение их с политического поля путем как административных репрессий, так и уголовных; при этом, чтобы сохранить преференции парламентской партии, КПРФ вынуждена была идти на компромиссы с властью – и в то же время более жестко обозначать свои позиции (апологетика Сталина);
- возникновение феномена псевдооппозиционных партий, позиционирующих себя в качестве оппозиции, но поддерживающих президента и правительство на практике, а часто и в декларациях (ЛДПР, «Справедливая Россия»);
- сохранение и появление искусственных образований, не имеющих четкой программы и идеологии, – либо со спойлерскими функциями («Патриоты России»), либо созданных под лидеров (неудачная попытка ребрендинга «Правого дела» под М.Прохорова весной–летом 2011 г.).

Все попытки создать и зарегистрировать новую оппозиционную партию, предпринимавшиеся до завершения избирательного цикла 2011–12 гг. заканчивались безрезультатно. Не прошедшие проверки Федеральной регистрационной службы действовали после этого разными путями:

1) оспаривание решения ФРС в ЦИКе и судах. Наиболее последовательной в этом отношении была Республиканская партия, на возрождение которой надеялся В.Рыжков, рассчитывавший возглавить демократическую оппозицию. Он дошел до Страсбургского суда по правам человека и добился-таки восстановления регистрации (но – уже после выборов 2011 г.);

2) вступление в партии, сохранившие формальный статус;

3) существование в качестве неформальной партии. Это рассматривалось как промежуточная стадия – практически все они выступали с требованиями официальной регистрации.

В условиях нормального функционирования демократических институтов

все эти оппозиционные группы были бы заняты, пусть и с некоторыми ограничениями, участием в выборах, формулированием политических альтернатив, т.е. выполняли бы партийные функции. В наших условиях они превратились в несистемную оппозицию и сосредоточились на акциях противостояния режиму, зачастую несанкционированных. Особенность всех этих групп – доминирование лидера, малая значимость других членов, практическое отсутствие региональных организаций.

Как в период перестройки, лидеры и их клиентелы находились в постоянном процессе объединений и расколов. Чуть ли не ежегодно возникали новые организации: движения, неформальные партии, коалиции со сходными составами и пересекающимся членством. В этой группе оказались даже относительно умеренные и ранее встроенные во власть персоны (например, В.Рыжков, Б.Немцов или М.Касьянов).

Либерально-демократический фланг несистемной оппозиции представляют: Республиканская партия России (РПР) В.Рыжкова, Российский народно-демократический союз (РНДС) М.Касьянова, Объединенный гражданский фронт (ОГФ) Г.Каспарова, Партия народной свободы (ПАРНАС) В.Рыжкова, М.Касьянова и Б.Немцова, «Демократический выбор» В.Милова.

Левый фланг: ряд не имевших или утративших регистрацию коммунистических партий (РКРП-КПСС³⁸, РКП-КПСС и др.), Авангард красной молодежи (АКМ)³⁹, Левый фронт С.Удальцова⁴⁰, РОТ Фронт В.Тюлькина, «Другая Россия» Э.Лимонова.

Национал-патриотическая часть: «Великая Россия» Д.Рогозина и А.Савельева, Партия националистов А.Белова и Д.Дёмушкина, Российская национально-демократическая партия К.Крылова и В.Тора и ряд малоизвестных групп.

Взаимодействие общественных организаций и формальных/неформальных оппозиционных партий, в первую очередь демократических, осуществлялось в нескольких различных формах:

1) создание широких коалиций, в которые входили не только правозащитные организации, но и партии разной идеологической направленности, формальные и неформальные, и/или известные политики. С 2004 по 2008 г. – примерно в одинаковом составе – последовательно появились «Комитет-2008», «Другая Россия» (политическая часть «Гражданского конгресса»), «Национальная ассамблея». В 2008 г. была создана коалиция, объединившая либерально ориентированные организации, а также небольшую группу, вышедшую из «ЯБЛОКА», и людей, не согласившихся с «переформатированием» СПС в прокремлевское «Правое дело» и перешедших в «Солидарность»⁴¹;

³⁸До апреля 2012 г. – Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов (РКРП-РПК).

³⁹Создан в 1999 г. как молодежное крыло леворадикального движения «Трудовая Россия» В.Анпилова (<http://www.akm1917.org/doc/index.htm>).

⁴⁰Сайт Левого фронта (<http://www.leftfront.ru/48F784C4B937D>).

⁴¹Сайт движения «Солидарность» (<http://www.rusolidarnost.ru>).

2) поиск партиями союзников среди НГО и использование их сетей для организации протестных мероприятий (марши в защиту свободы слова, антифашистские марши, митинги, пикеты) в Москве и регионах;

3) участие партий в протестных акциях гражданских инициатив.

Парламентские партии, называвшие себя оппозиционными, действовали иначе. КПРФ работала с коммунистическими группами и движениями, созданными «сверху» еще в перестроечные и постперестроечные времена («Трудовая Россия», ОФТ), или же – с неформальными левыми партиями, появившимися после запрета КПСС (например, РКРП), «левыми» ветеранскими организациями и профсоюзами. Это касается «месячников» и традиционных массовых демонстраций (например, 7 ноября и 1 мая). «Справедливая Россия» также предпочитала работать, включая организацию уличных акций, со структурами, созданными под нее «сверху» («Российские пенсионеры», «Хартия жизни» и др.). ЛДПР устраивала акции по принципу «опоры на собственные силы», с привлечением близких партии организаций.

Таким образом, реальная заинтересованность во взаимодействии с гражданским обществом в его формализованных (НКО) и неформализованных (гражданские инициативы) проявлениях наблюдается, с разной степенью интенсивности, преимущественно у демократической непарламентской оппозиции. И неслучайно: основой ее базовых, может быть и не всегда четко сформулированных, ценностей, является осознание необходимости развития демократических институтов с целью расширения возможностей гражданского влияния на принятие политических решений.

4. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: АЛГОРИТМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАКАНУНЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЦИКЛА 2011–2012 ГГ.

В 2010 г. власть оказалась в ситуации выбора между двумя рисками: утратить часть рычагов влияния в случае либерализации сферы публичной политики – либо получить нарастающий вал неконтролируемых, возможно насильственных, протестов в случае дальнейшего «закручивания гаек». Вариант либерализации отстаивал ИНСОП, вариант «надо поостроже» – Агентство политических и экономических коммуникаций⁴².

Готовность властей к уступкам, когда они сталкивались с неформальной активностью, обуславливалась следующими факторами:

- нерадикальный характер требований: когда смена власти не являлась основным содержанием протеста (в отличие, например, от требований «Стратегии 31» и «Дня гнева»);
- возможность решить проблему без больших финансовых затрат;
- незаинтересованность в проблеме лиц из ближайшего окружения «тандема»;
- высокий «градус» и продолжительность протеста.

⁴²Об этом см., например: Нужна ли младенцам демократия. – Независимая газета, 27 августа 2010 г. С. 2.

Именно поэтому относительно легко принимались решения по отказу от строительства «народных гаражей»⁴³ и вырубки парков (например, Сиреневого бульвара или Яблоневого леса в Москве) и игнорировались протесты борцов за Химкинский лес или требования освобождения Ходорковского. В целом же власть надеялась успокоить активных граждан небольшими подачками, «купировать» протесты или подавить их силой, чтобы не осложнять предвыборную ситуацию.

4.1. Массовая мобилизация и политизация протестов после думских выборов

Многотысячные митинги «рассерженных горожан» после думских и президентских и выборов 2011–2012 гг., как и массовая мобилизация наблюдателей, образовались не на пустом месте, они были подготовлены нарастанием неформальной гражданской активности в предшествующий период. Большинство аналитиков считало такую мобилизацию невозможной, прогнозы гражданской активизации относились к средне- или долгосрочной перспективе⁴⁴.

«Спусковым крючком» столь существенного изменения общественных настроений послужило объявление о перемене мест в «тандеме», сделанное на съезде «Единой России» 24 сентября 2011 г. Граждане, казалось бы, привыкшие ко всему, возмутились тем, что на этот раз им еще до выборов, даже не сделав вид, что интересуются их мнением, преподнесли решение по ключевым постам в государстве.

Следствием стала массовая мобилизация наблюдателей-волонтеров в столицах и крупных городах – совершенно новое явление для российского политического процесса. (Во всех предыдущих избирательных циклах в наблюдении участвовали помимо специализирующегося на этом НКО «Голос» почти исключительно оплачиваемые наблюдатели от партий.) Только в Москве на участках работало несколько тысяч наблюдателей⁴⁵. Впервые столько людей собственными глазами увидели механизм фальсификаций: «карусели», вбросы, перерисовывание протоколов в ТИК и т.д.

Первая, организованная через социальные сети, массовая акция протеста (5 декабря на Чистых прудах) была жестоко разогнана ОМОНОм, задержано более 300 человек. Это стало дополнительным поводом для возмущения и стимулом для мобилизации. Численность зимних санкционированных акций под общим лозунгом «За честные выборы!» даже по подсчетам полиции превышала 50 тыс. человек – а по данным организаторов была вдвое больше.

Состав участников акций был пестрым, однако выделялась новая группа:

⁴³Снос «ракушек» и строительство гаражей в Москве, предполагающих оплату в сотни тысяч руб. за машиноместо.

⁴⁴См., например: Грин С. Природа неподвижности российского общества. – Pro et contra, 2011, январь–февраль. С. 15–19; Гудков Л. Инерция пассивной адаптации. – Там же. С. 34–40.

⁴⁵Например, в партии «ЯБЛОКО» прошло обучение более 2000 человек в Москве и более 1000 – в Санкт-Петербурге.

образованные благополучные молодые люди, позже названные «рассерженными горожанами». При этом большая часть из них ранее не принимала участия в протестных акциях, не участвовала в работе партий и НКО. Зимой, несмотря на мороз, участие в протестных акциях стало модным среди молодежи – так, по данным опроса «Левада-центра», из участников митинга на проспекте Сахарова 24 декабря 56% были младше 40 и 25% – младше 24 лет. Кроме того, 62% имели высшее образование, 25% были владельцами собственного бизнеса или руководителями, 46% – специалистами⁴⁶.

Отличие этой волны массовых протестов – в отсутствии единого политического вектора; кроме «рассерженных горожан» в них участвовали представители самых разных политических сил⁴⁷: демократы («ЯБЛОКО» и неформальные либерально-демократические партии – ПАРНАС, «Солидарность»), левые неформалы («Левый фронт», антифашисты), националисты⁴⁸, а также правозащитные и экологические НКО и незарегистрированные группы активистов (например, ЛГБТ). В соответствии с этим составом некоторые шествия даже разделились на «специализированные» колонны, соответственно планировался и порядок выступлений.

Системные партии, за исключением «ЯБЛОКА», в протестных акциях не участвовали. Депутаты-«справороссы», входившие в Оргкомитет (Г. и Д.Гудковы, И.Пономарев), погоды не делали.

Политические симпатии участников, согласно опросу «Левада-центра», были таковы: 38% назвали близкими взгляды демократов, 31% – либералов, 23% – коммунистов/социалистов/социал-демократов, 6% – национал-патриотов. Самая крупная группа с партийной идентификацией – голосовавшие за «ЯБЛОКО» (38%); 19% голосовали за КПРФ и 12% – за «Справедливую Россию». Доминирующие мотивации участия – стремление выразить возмущение фальсификацией выборов – 73%, накопившееся недовольство положением дел в стране/политикой властей – 73%, разочарование в обещанной политике модернизации/в Медведеве – 42%. Показательно, что участники больше всего доверяли общественным деятелям, не имеющим отношения к политике, – Парфёнову, Шевчуку и Акунину. Среди политиков, представляющих определенную позицию и организацию, на первом месте был Явлинский (27%), среди лидеров на то время неформальных партий – Рыжков, Немцов, Удальцов (от 8 до 18%). Высоким был уровень доверия к «героям сетей», не имеющим отчетливой позиции и своей организации, – Навальному и Прохорову (соответственно 36 и 15%) и относительно низким – к представителям

⁴⁶Опрос на проспекте Сахарова 4 декабря. – Левада-центр, 26.12.2011 (<http://www.levada.ru/26-12-2011/opros-na-prospekte-sakharova-24-dekabrya>).

⁴⁷С политологической точки зрения категоризация политических взглядов вызывает большие вопросы, однако общее представление о составе участников опрос всё же дает.

⁴⁸Это касается не всех националистических групп, часть из них отказалась участвовать в совместных с либералами мероприятиях, на разных акциях были представлены «Русские» и РОД. См.: Альперович В., Верховский А., Юдина Н. Между Манежной и Болотной: ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2011 году в России. – М.: Сова, февраль 2012. С. 21–24.

парламентской «Справедливой России»: Г.Гудков – 11%, И.Пономарев – 4%; на последнем месте – националисты Белов и Тор, соответственно 3 и 2%⁴⁹.

В пестром составе организаторов акций (Оргкомитета) парадоксальным образом присутствовали и те, кто ранее призывал к бойкоту выборов (например, А.Рыклин и С.Удальцов). Сам Оргкомитет, проводивший свои заседания с трансляцией в интернете, состоял в основном из журналистов и писателей; опытных политиков там было немного. Характерно, что ведущее положение в нем заняли те, кто предлагал самую радикальную стратегию (Удальцов) или был популярен в интернете (Рыжков, Е.Чирикова).

После президентских выборов характер протестных акций изменился (исключением были мирное массовое шествие и митинг 12 июня). И властями, и организаторами сложившаяся ситуация характеризовалась как провокация. Некоторые организаторы высказывали требования «не уходить, поставить палатки, двигаться на Кремль» и пр. (чаще всего – Удальцов). А власти с марта стали задерживать всех, кто что-то нарушил или просто попался под руку. Пика конфликт достиг 6 мая: началось с «сидячей забастовки» участников, протестовавших против ограничения прохода на Болотную площадь и закончилось столкновениями с полицией, избиваниями и задержаниями.

Несмотря репрессии и гонения, протестное движение не обнаруживает тенденции к спаду. Очевидно, что сформировался новый слой граждан, готовых бороться за свои права. Возникли и укоренились и новые стили протеста: «белоленточная» символика, протестный креатив – от плакатов и инсталляций до «кричалок» и хлопанья в такт, и новые формы: «гуляния» по бульварам с писателями и художниками, лагеря протеста (Окунай Абай, Окунай Баррикадную, Окуджаву), «опросы» (в Екатеринбурге в июле 2012 г.), чтение стихов у памятников и т.д.

Сам протест, требования которого за полгода трансформировались от «Нам нужны честные выборы!» (декабрь 2011 г.) до «Путин! Лыжи! Магадан!» (июнь 2012-го), консолидирует участников только в неприятии существующей власти. Что же касается ответов на вопрос, какой должна быть новая власть и что для этого нужно делать, то они, естественно, сильно расходятся. Кроме того, требования объединения оппозиции на данный момент нереализуемы из-за различий в базовых идеологических представлениях у демократов, левых и националистов и подчеркнутой аполитичности самых популярных организаторов протестов.

Массовые акции активизировали деятельность существующих НКО и способствовали созданию новых, специализирующихся на контроле за выборами («Лига избирателей», «Гражданин наблюдатель», Росвыборы), которые выявляли и вовлекали людей в свою работу уже в ходе президентской кампании. Эти организации взаимодействовали с формальными оппозиционными пар-

⁴⁹Опрос на проспекте Сахарова.

тиями (в первую очередь с «ЯБЛОКОМ», структурами М.Прохорова, иногда со «Справедливой Россией») и неформальными (ПАРНАС, «Солидарность»). Очень важна готовность части участников протеста перейти от митинговой активности к конкретной политической работе: наблюдению и участию в муниципальных выборах. С 2012 г. регулярно формируются мобильные группы наблюдателей, обеспечивающие контроль за теми выборами, в которых участвуют альтернативные власти кандидаты с ненулевыми шансами победить, – например, выборы мэров Ярославля и Омска, а также муниципальные выборы в Касимове Рязанской обл., пос. Роза Челябинской обл.

Дальше – больше. Именно участники протеста и наблюдения участвовали в муниципальных выборах в Москве в марте 2012 г., часть от партии «ЯБЛОКО», часть как независимые. О том, сколько из альтернативных властям кандидатов победило на выборах, говорит число участников Форума муниципальных депутатов Москвы, организованного новым НКО – Советом муниципальных депутатов и «ЯБЛОКОМ», – 120 человек. Косвенным свидетельством «муниципального демократического призыва» является и тот факт, что члены «Единой России» участвовали в выборах как независимые кандидаты, не указывая свой партийный статус.

В целом протестная активность конца 2011 – первого полугодия 2012 г. показала, что:

- спящее гражданское общество проснулось⁵⁰, существенно повысился уровень солидарности и доверия;
- несмотря на репрессии со стороны властей, нет оснований ожидать, что уровень протестов существенно снизится⁵¹;
- у значительной части граждан сформировался негативный консенсус в отношении власти;
- партии, как формальные, так и неформальные, не смогли стать ядром кристаллизации нового гражданского протестного движения;
- позитивные политические требования и политическая программа протестов при существующем составе лидеров и участников не может быть четко определена;
- лидеры в ходе протестов играют несравнимо большую роль, нежели организации;
- из состава участников протеста выделилась группа, готовая и имеющая ресурсы для занятия собственно политической деятельностью – наблюдение и участие в выборах, в т.ч. по партийным спискам.

⁵⁰Кстати, о том же свидетельствует и активность волонтеров в благотворительности, например после затопления Крымска или в тушении пожаров в 2010 г.

⁵¹В пользу этого говорит, например, число участников летних локальных протестов 2012 г. в Москве, Петербурге и т.д.

4.2. Власть наносит ответный удар: формализация неформальных институтов и ужесточение режима

Власть, по-видимому, испугалась масштабов протестного движения, и в декабре 2011 г. было решено не использовать силовые меры до президентских выборов. Реакция на новый феномен до весны 2012 г. оставалась разноравленной – либерализация законодательных норм и изменение тактики во взаимодействии с оппозицией сочетались с репрессиями. После думских выборов гражданских активистов и представителей оппозиции начали приглашать на ранее закрытые совещания в органах власти (даже с президентом) и на заседания комитетов и пленарные заседания Думы. Впрочем, уже весной недовольные граждане со своими протестами вновь оказались на улице.

К лету стала очевидна тенденция к ужесточению режима, проявившаяся как в усилившемся давлении на оппозицию, так и в законодательной формализации политической деятельности и гражданской активности.

Ставка была сделана на дискредитацию организаторов и участников протеста – с использованием «старых добрых» способов: обвинений в стремлении развалить государство и работе за деньги Запада. Одновременно предпринимается знакомая по деятельности «Наших» искусственная массовая мобилизация для проведения «путингов» – в поддержку власти, с агрессивными обвинениями в адрес оппозиции. В последний из рассматриваемых периодов активно практиковались неформальные способы дискредитации лидеров протеста – диффамация на телевидении, публикации прослушанных разговоров; всё это дополнялось обысками, задержаниями и судебными процессами⁵².

Появились и новые стратегии, основанные на недовольстве глубинки «сытими москвичами»: организовываются «митинги рабочих» в Нижнем Тагиле и Екатеринбурге, на которых блистает начальник цеха «Уралвагонзавода» И.Холманских, обещающий «приехать с мужиками» и разогнать митинги оппозиции (после выборов он был вознагражден должностью полпреда в Уральском федеральном округе)⁵³.

Православная церковь начиная с 2012 г. организует «антилиберальные православные стояния» – фактически массовые митинги – в поддержку власти, с агрессивной критикой оппозиции. Это свидетельствует о переходе РПЦ от роли идеологической опоры режима к роли самостоятельного политического актора, готового к мобилизации. При этом православные активисты, как показали стычки со сторонниками панк-группы Poussy Riot, совсем не чужаются применять насилие.

Формализуются неформальные правила. С одной стороны, это медведевская «либеральная реформа», с другой – ужесточение законодательства о массовых акциях, НКО и свободе СМИ.

⁵²Одна из креативных реакций участников акций – распространение «билетов» на проезд в автозаке и шутки, что это – самый доступный вид московского транспорта.

⁵³Эксперты: В.Путин не забудет тех, кто поддержал его в трудный период. – Росбизнесконсалтинг, 18.05.2012 (<http://top.rbc.ru/politics/18/05/2012/651059.shtml>).

«Либеральная реформа» изменила условия существования партий, электроальную формулу и даже восстановила выборность губернаторов. При этом, однако, неформальные возможности правящей группы по сохранению доминирования и контроля остались при ней. Можно согласиться с Г.Голосовым: власть стремится создать более эффективную оболочку российскому авторитаризму, а отнюдь не демонтировать его⁵⁴.

Формализация существования сотни партий, большая часть которых неизвестна не только избирателям, но и специалистам, не сможет улучшить состояние демократических институтов⁵⁵. Новые карликовые партии станут, по определению В.Гельмана, «подрывным» институтом⁵⁶, не укрепляющим, а разрушающим партийную систему. Это видно уже по спискам зарегистрированных и подавших заявки на регистрацию партий. Заметим, что многие из них выбрали ничего не говорящие названия или взяли имена «старых» партий из предыдущих избирательных циклов. Так, на 25 июня 2012 г. в Минюст была подана 181 заявка партийных оргкомитетов⁵⁷. В списке можно найти ОВР, СПС, «Свободную Россию», НДР, «Россия, вперед!» и целых две «Родины». Очевидно, что наличие 12 народных, 5 экологических («зеленых»), 18 национально-консервативных и 20 либеральных партий не будет способствовать структурированию партийного спектра. Явно непартийный характер имеют оргкомитеты четырех партий с названием «Против всех», шести – города и горожан, трех – «партий любви». Есть партии автомобилистов, хипстеров, кооператоров, шахтеров, «профессионалов», а также загадочные «Восток», «Утро», Партия умных, Новая партия. О том, что возобновляется производство партий «под ключ» (для продажи на выборах) и спойлерских партий, свидетельствует регистрация неким О.Балакиревым шести оргкомитетов на любой вкус (Левый фронт, «Другая Россия», Партия автомобилистов, Рабочая партия, Партия военных пенсионеров и «Против всех») или регистрация почти «встык» оргкомитетов с похожими названиями – под № 124 значится политическая партия «Родина – Объединенная народная партия» (С.Ковтуна), а под № 128 – Всероссийская политическая партия «Родина» (С.Рылеева).

Надо сказать, что фамилии более-менее известных политиков – лидеров неформальных партий (в т.ч. полузабытых) в этом списке скорее редкость, при этом регистрируют они, как правило, «чужие» партии. Так, С.Удальцов значится среди организаторов Российского объединенного трудового фронта, Д.Дёмушкин – Партии националистов, В.Аксючиц – Народной партии большинства. Исключение – восстанавливающие давным-давно утраченную регистрацию В.Черепков со «Свободой и народовластием» и С.Умалатова с

⁵⁴Голосов Г. Партийная реформа Дмитрия Медведева. – Полит.ру, 21.06.2012, 18:36 (<http://www.polit.ru/article/2012/06/21/ref>).

⁵⁵Подробно об этом см. статью О.Поповой в настоящем сборнике.

⁵⁶Гельман В. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России. – СПб: Европейский университет, 2010.

⁵⁷Сведения о действующих организационных комитетах политических партий по состоянию на 25 июля 2012 г. – Сайт Министерства юстиции РФ, 10.07.2012 (<http://www.minjust.ru/node/2162>).

Социал-демократической партией мира и единства. Остальных «регистрантов» даже к политикам отнести нельзя, и уж точно их имена избирателям неизвестны.

На конец июня было зарегистрировано 23 новых политических партии, в т.ч. со «старыми» названиями – Аграрная партия России, Народная партия России, «Гражданская сила», Российский общенародный союз, Социал-демократическая партия России, Партия пенсионеров. Появилось две «зеленые» партии с почти одинаковыми названиями, две коммунистические, две сетевые, Союз горожан, Партия свободных граждан, партия «За справедливость», Партия социальной защиты, а также таинственная «Умная Россия». Как видим, выбор избирателей не особенно расширился, и лишь немногие из зарегистрированных партий являются полноценными участниками протестов.

В обновленном законе о партиях сохранена необходимость соблюдения бюрократических процедур, включая разнообразные проверки и отчеты, чем создаются обширные возможности для изоляции и маргинализации партий, лидеры которых не пожелают идти на компромиссы с властями на их условиях.

Изменение электоральной формулы – введение 225 региональных округов без «головной» части списка и увеличение избирательных фондов – дает преимущество известным партиям, обладающим ресурсами, то есть опять только парламентским (а может быть, даже не всем). Похожий эффект наблюдался на выборах 1995 г., когда из 43 избирательных объединений 5%-ный барьер преодолели только 4 партии. Там, где ставки наиболее высоки, – выборы губернаторов – власть на реформы просто не решилась, добавив для страховки кроме «президентского фильтра» еще и необходимость сбора подписей муниципальных депутатов. Учитывая, что подавляющее большинство этих депутатов – «единороссы», участие кандидатов от других партий (без санкции сверху) становится почти невозможным.

Летом 2012 г. Госдума приняла серию репрессивных законов, откровенно противоречащих второй главе Конституции: минимизируются возможности любых форм протеста, критики власти и противодействия режиму, ограничивается деятельность НКО и свобода прессы (уголовная ответственность за клевету и цензура в интернете).

Поправки в КоАП явились реакцией на новые формы протеста. Эти нормы не только увеличивают в разы штрафы за нарушение правил проведения уличных акций, но и позволяют квалифицировать как массовую акцию любое скопление людей и возлагают на организаторов ответственность за любой инцидент, включая изменение количества участников. В качестве наказания предусматриваются очень высокие штрафы (до 300 тыс. рублей для организаторов) и принудительные работы.

Широчайшие возможности контроля государства за НКО, обязанными каждые три года отчитываться о своей деятельности и источниках финансирования (эти нормы были приняты в 2006 г.), стали для власти недостаточными.

Поправки обязывают организации, получающие финансирование из-за рубежа, в т.ч. от частных лиц, и участвующие в политической деятельности, иметь официальный статус иностранного агента. Под политической деятельностью понимается «участие в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях». Под это расплывчатое определение целиком подпадает деятельность правозащитных НКО. При этом перед вторым чтением было заявлено, что данные поправки не коснутся ни РПЦ, ни благотворительных организаций, – и тем самым четко обозначена мишень репрессий – именно правозащитные организации, в том числе занимающиеся контролем за выборами. Проверять такие организации будут чаще, закрыть их станет проще, за нарушения предусмотрены не только штрафы, но и реальные сроки. Очевидная цель поправок – превратить активно действующие гражданские организации в изгоев, сделать их работу по защите прав человека, контролю за выборами, защите окружающей среды и т.д. практически невозможной, запугать людей, участвующих в работе НКО.

Наконец, возвращение в УК статьи о клевете и нормы об ответственности владельцев сайтов за информацию, которую размещают пользователи (под предлогом борьбы с детской порнографией, распространением сведений о способах производства наркотиков и призывами к самоубийству), создает условия для ограничения, а при желании – и ликвидации свободы СМИ.

* * *

Вопрос о том, что выберет власть – «закручивание гаек» или демократическую трансформацию, стал еще актуальнее, чем до выборов.

В случае возврата к гегемонистскому моноцентрическому режиму, которому для своего сохранения не обойтись без силовых стратегий, главной потенциальной опасностью являются массовые стихийные протесты с использованием насилия (по североафриканскому сценарию 2011–2012 гг.). Тогда под угрозой окажется не режим, а страна в целом.

Наиболее благоприятный вариант – вторая за последнее двадцатилетие либерализация режима – предполагает возврат к конкурентным выборам, снятие запретов и ограничений гражданской и политической активности, т.е. институционализацию неформальных практик и возврат различных форм гражданской активности в легальное поле. Для правящей группы это означает возможность потерять власть, а может быть, и свободу, для общества в целом – очередную попытку демократической трансформации страны.

Римский В.Л.

ГРАЖДАНСКИЙ ЗАПРОС И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТВЕТ: ОБЩЕСТВО, ПАРТИИ И ВЛАСТЬ ПОСЛЕ БОЛОТНОЙ

В течение нескольких месяцев после 4 декабря 2011 г. – дня очередных выборов депутатов Государственной Думы – в Москве, Санкт-Петербурге и ряде крупных городов проходили массовые акции. Одной из их причин было недовольство граждан действиями власти на парламентских, а затем и на президентских выборах. В некоторых случаях одновременно проводились митинги противоположной направленности – в поддержку власти, как, например, 4 февраля 2012 г. в Москве перед президентскими выборами.

По словам организаторов как протестных, так и проправительственных митингов, участников и тех и других объединял лозунг «За честные выборы!»¹. Фактически он не был политическим, в частности потому, что выражал требование честного и справедливого выявления воли избирателей независимо от политической конъюнктуры. Так что данный лозунг следует расценивать скорее как запрос на изменение социального порядка в стране.

1. СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

В эпоху Просвещения стала подвергаться сомнению обоснованность традиционного социального порядка, основанного на религиозной вере. Сторонники нового социального порядка выступали за рационализацию и секуляризацию общественной жизни, которые более соответствовали принципам развития капиталистических рынков и сопутствующих им социальных отношений. Такой социальный порядок установился в XIX-XX вв. в Великобритании, Франции, США и ряде других западных стран. Можно считать, что с его реализацией воплотились в жизнь идеи и принципы эпохи Просвещения: «Одной из центральных для “Проекта Просвещения” является идея о глубокой внутренней связи между достижением свободы, освобождением человека от гнета внешних (природных и социальных) обстоятельств и выработкой рационального знания, используемого для переустройства мира. Рациональное знание приобретает высокий этический и культурный статус, а рационализация природы и общества рассматривается как необходимое условие гуманизации» (В.Лекторский)².

¹Филимонов М. Митинг на Поклонной укрепляет власть, но не сближает ее с оппозицией. – РИА «Новости», 04.02.2012, 20:18. (http://ria.ru/vybor2012_analysis/20120204/556935811.html).

²Лекторский В.А. Введение//Исторические типы рациональности. – М.: ИФ РАН, 1995. Т.1. С. 3.

В современных странах Западной Европы, в США, Канаде и др. этот новый социальный порядок стал привычным и вполне естественным для большинства их граждан. В этих странах рационализм мышления индивидов стимулирует капиталистический рынок, и именно рациональные и основанные на научных знаниях решения дают его участникам надежду на успех в рыночной конкуренции. Но только надежду, а отнюдь не гарантию высокой прибыли, которую вообще невозможно гарантировать в силу соперничества множества частных интересов. Тем не менее без рационализма в мышлении участники рынка не смогут ни выработать, ни реализовать самостоятельную стратегию, а вынуждены будут подчиняться чужим стратегиям, т.е. способствовать успеху конкурентов, а не своему собственному. «Не рациональность необходима предпосылка для функционирования конкурентного рынка, а сама конкуренция и поддерживающие ее традиции стимулируют рациональность» (Ф.Хайек)³. И конечно, рационализм в рыночном поведении может быть систематически реализован только в условиях свободы принятия решений, а не адаптации последних к ее ограничениям.

По этим причинам для людей, успешных в условиях современных рыночных отношений, весьма значимы ценности рациональности и более-менее полной свободы от общества. Поэтому личные цели и мотивы социальных действий являются для таких индивидов более приоритетными по сравнению с коллективными и общественными. Эти приоритеты, как атрибуты успешного рыночного поведения, естественным образом переносятся и на другие сферы деятельности, не обязательно рыночные. Так в современной западной цивилизации гуманистические принципы свободы и прав человека оказались связанными с рационализмом и научным знанием, а также с индивидуализмом в мотивации социального поведения.

Функционирование российского государственного управления должно быть практически свободно от рыночной мотивации – если судить по нормам законодательства и публичным декларациям должностных лиц. Но в реальности российская власть в не меньшей степени, чем граждане, вовлечена в рыночный процесс, в неформальные и нередко коррупционные отношения с участниками рынков. Поэтому рационализм российской власти в значительной мере направлен на реализацию ее собственных корпоративных интересов и интересов ассоциированного с нею частного бизнеса. Это обстоятельство препятствует выработке и соблюдению общих для всех граждан законодательных норм, а следовательно, обуславливает ущемление прав и свобод широких социальных групп. Власть, ведомая своим рационализмом, нередко принимает ситуационные решения, не заботясь об их возможных последствиях, и даже решения, не вполне соответствующие закону. И наконец, зачастую формируемое согласно властному рационализму законодательство прямо противоречит тому, что называют общественным благом.

³Хайек Ф. Познание, конкуренция и свобода. Антология соч. – СПб.: Пневма, 1999. С. 51.

В периоды выборов эти особенности поведения российской власти неизбежно проявляются публично. Так, на думских и президентских выборах 2011–2012 гг. органы власти всех уровней сплошь и рядом нарушали ради своих интересов как общие принципы честных и свободных выборов, так и действующее избирательное законодательство. Кроме того, предвыборные обещания политиков в основном определялись желанием получить как можно больше голосов, а не стремлением к достижению общественного блага. Подобный рационализм власти (и политиков вообще), разумеется, не может устраивать успешных и экономически благополучных граждан, так как не позволяет решать значимые для них общественные проблемы, в первую очередь – обеспечение свобод личности и возможностей самореализации. Именно такие люди составили большинство участников, например, митинга на проспекте Сахарова в Москве 24 декабря 2011 г.: по результатам опроса, проведенного «Левада-центром», не менее 93% из них охарактеризовали себя как людей среднего достатка, из которых 40% могут покупать некоторые дорогие вещи, но не автомобили, 28% – в т.ч. и автомобили и 5% – способны ни в чем себе не отказывать⁴.

Приоритеты рациональности, свободы и самореализации сделались настолько привычными для таких людей, что полагаются ими обязательными для власти, политиков и других социальных групп. Однако аналогичной обязательности в отношении себя успешные и экономически состоятельные российские граждане не обнаруживают. Напротив, действия власти и «посторонних» социальных групп они воспринимают скорее как препятствующие реализации собственной успешности. Поэтому в среде граждан означенной категории сформировался, хотя и не во всех деталях и не с полным согласием в требованиях, запрос на изменение социального порядка в нашей стране.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТВЕТ НА ГРАЖДАНСКИЙ ЗАПРОС

Российским политикам и государственным деятелям такой гражданский запрос фактически оказался не нужен. Для них важнее было не допустить неподконтрольной им протестной активности, а раз уж она возникла – так или иначе использовать ее в собственных интересах. А эти интересы во многом определяются стремлением добиться власти (или удержать ее) и таким образом являются политическими. Для реализации же своих приоритетных интересов российские политики, как проправительственные, так и оппозиционные, с первых дней после думских выборов старались политизировать гражданский протест. И это им удалось, что стало ясно 4 февраля 2012 г.

В этот день в Москве, где особенно сильны протестные настроения, одно-

⁴«Левада-центр» представил результаты опроса участников митинга на проспекте Сахарова. – Forbes, 26.12.2011 (<http://www.forbes.ru/news/78034-levada-tsentr-predstavil-rezultaty-oprosa-uchastnikov-mitinga-na-prospekte-saharova>).

временно состоялось несколько митингов разной политической направленности. Митинг на Болотной площади организовала политическая оппозиция, причем даже подход его участников к месту проведения было решено осуществлять разными колоннами. Правда, первой из таких колонн была общегражданская, участники которой не смогли или не захотели конкретизировать свою политическую принадлежность и явно сопротивлялись стремлению организаторов шествия и последующего митинга политизировать их протест. Но три другие колонны идентифицировались вполне определенно: русские националисты, сторонники левых сил и сторонники либералов. Выступавшие на митинге призывали «не отдавать 4 марта ни одного голоса кандидату Путину»⁵. Митинг на Поклонной горе в тот же день собрал, по заявлениям его организаторов, как сторонников В.Путина, так и его противников. Но в действительности это был митинг именно в поддержку Путина, не столько как главы правительства, сколько как кандидата на пост президента – большинство выступавших призывали голосовать на предстоящих президентских выборах только за него.

На Пушкинской площади был проведен митинг в поддержку кандидата в президенты от ЛДПР В.Жириновского. Еще один митинг, на проспекте Сахарова, предназначался для тех либералов, которые не хотели по принципиальным соображениям участвовать в массовых акциях вместе с националистами.

Московские митинги 4 февраля показали, что политики способны представить гражданскую активность как активность политическую. И такая подмена в последующие месяцы стала постоянной и обычной как для политиков, так и для граждан. Тем не менее гражданский характер протеста оставался заметным. Участники протестных акций, проходивших после парламентских выборов, помимо требований проведения честных выборов высказывали и запрос на изменение сложившегося социального порядка. Более того, с декабря 2011 г. по июнь 2012-го на протестных митингах тема честных выборов постепенно отходила на второй план, уступая место критике В.Путина. Например, 4 февраля 2012 г. на Болотной площади были такие лозунги: «Мы твои работодатели. Уволен», «Мы не протестуем, мы увольняем», «Свободу рабу на галерах»⁶ – это, конечно, политические требования, выражающие интересы оппозиции, хотя и в несколько карнавальной форме. Но больше было лозунгов, излагавших (в той же карнавальной форме) требования освобождения политзаключенных, повышения уровня благосостояния граждан и др.⁷ Были и лозунги, представлявшие собой своеобразные самоидентификации неполитического типа, объяснявшие, почему их авторы пришли на митинг, чего хотят и каково, по их мнению, правильное устройство общества и политики:

⁵Филимонов М. Митинг на Поклонной укрепляет власть...

⁶Алтугия А. Над лозунгом слезами обольюсь. На митингах протеста можно и без ораторов. Зачем кричать, если всё уже написано. – Независимая газета (приложение «НГ-сценарии»), 26.06.2012 (http://www.ng.ru/scenario/2012-06-26/15_lozung.html).

⁷Там же.

«Мы не оппозиция, мы ваши работодатели», «За митинг заплатил я, а не мне», «Хомяк расправил плечи», «Мы представляем себя», «Мне не платят США. Я сама сюда пришла!!!»⁸.

Примечательно, что лозунги в карнавальном стиле на этом митинге преобладали. Большинство его участников, имеющие высшее образование и достаточно успешные экономически, не стали противопоставлять такому «несерьезному», очень эмоциональному жанру иные⁹, более рациональные. Это еще одно свидетельство того, что участники протестных митингов, как правило, не ощущают себя полноценными субъектами политики и потому не пытаются выразить точно и конкретно свои приоритеты и предпочтения. Направляется вывод, что они оказались под сильным влиянием профессиональных политиков, оппозиционных действующей власти.

Но, несмотря на карнавальность, лозунги протестных митингов вовсе не скрывали своего настоящего смысла – требований изменения социального порядка в стране. Например, на митинге 6 мая 2012 г. в Москве лозунги такой направленности были вполне определенными, например: «Солидарность требует перемен. Перемены требуют солидарности», «Против коммерциализации образования», «Запрещается запрещать!», «Нет грабительской утилизации (старых машин)», «В Воронеже запретили митинг. Поэтому я здесь», «Сегодня штрафы и обыски, завтра – ГУЛАГ»¹⁰.

В ответ на гражданский запрос политики предлагали исключительно политические решения – т.е. указывали, за кого голосовать на предстоящих президентских выборах, а оппозиционные – еще и советовали, кого из высокопоставленных должностных лиц надо отправить в отставку. В этом духе были выдержаны, например, как резолюция митинга 4 февраля 2012 г. на Болотной площади¹¹, так и выступления на нем. Того же типа были и лозунги митинга на Поклонной горе (там никакой резолюции не принималось)¹², разве что они были проправительственными.

Отвечая на запросы граждан, российские политики исходили из логики политического действия, в первую очередь – президентской предвыборной кампании и своей роли в ней. После выборов та же логика определяла для проправительственных политиков безоговорочную поддержку власти, а для оппозиционных – столь же непримиримое противостояние ее решениям. Однако такого рода мотивация политической деятельности не способна ни обеспечить проведение честных выборов, ни существенно изменить социальный порядок, т.е. воплотить самые значимые ожидания участников протестного движения. Ведь предложения, формируемые в рамках логики борьбы за власть

⁸Там же.

⁹Там же.

¹⁰Там же.

¹¹4 февраля. На Болотной площади принята резолюция митинга. – Новая газета, 04.02.2012 (<http://www.novayagazeta.ru/politics/50839.html>).

¹²Закатнова А. Митинг на Поклонной стал самым массовым. В нем приняли участие порядка 138 тысяч человек. – Российская газета, 04.02.2012, 20:30 (<http://www.rg.ru/2012/02/04/poklonnaya-site.html>).

и ее удержание, не касаются ни причин того, что в честность выборов не верит практически всё население страны, ни оснований сложившегося социального порядка, которым недоволено большинство активных граждан.

3. ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ И НЕРЫНОЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

Весьма существенной причиной сложившегося в нашей стране социального порядка является высокая степень фрагментированности российского социума по уровням благосостояния, возможностям достижения успеха, а потому и по приоритетам, интересам, стилям жизни и т.п. Эта фрагментированность настолько велика, что не позволяет даже говорить о социальном единстве. Российское государство, в соответствии с состоянием социума, также не является единым в вопросах выработки приоритетов и стратегий действия. Разные органы власти действуют каждый в своих корпоративных интересах, механизмов согласования которых не имеют в современной России ни политическая система, ни система государственного управления.

Фрагментированность российского социума и разногласия корпоративных властных интересов препятствуют формированию в стране общественного интереса, несмотря на неоднократные попытки сформулировать его в виде национальной идеи, концепции национальной безопасности, продовольственной безопасности и прочих стратегических проектов. Все эти проекты неизменно оставались сферами деятельности социальных элит, не получая поддержки основной массы населения.

Кроме того, власть, занятая реализацией собственных, а не общественных интересов, фактически устранилась от выполнения функций защиты социума от распространения рыночных подходов и оценок на нерыночные ценности, такие как патриотизм, героизм, честность, справедливость. А ведь в развитых странах, например в Германии, Франции, Японии, эта государственная функция является одной из важнейших. Бесконтрольное использование рыночных подходов превращает нерыночные ценности, формировавшиеся столетиями, в малозначимые для регуляции социального поведения индивидов. Причина в том, что, по рыночным критериям, следование этим ценностям не приносит выгод каждому из индивидов в отдельности, а потому большинство из них отказываются руководствоваться нерыночными ценностями в повседневных жизненных ситуациях. Но для нормальной, стабильной жизни социума в целом очень важны именно нерыночные ценности – без них нет ни преемственности и взаимоуважения поколений, ни взаимной поддержки между гражданами, словом, без них невозможно коллективное решение общественных проблем.

Прямым следствием фрагментированности российского социума и столкновения корпоративных интересов различных органов власти является фрагментированность публичной политики – как и социум, эта сфера в современной России вряд ли может считаться единой. А отсутствие единства в

сфере публичной политики приводит к тому, что приверженцы разных политических и социальных взглядов нередко даже не имеют общей терминологии для обсуждения социальных, экономических и политических проблем.

В этих условиях политические партии оказываются не способны вырабатывать и реализовывать общезначимые для российского социума цели и задачи. Естественно поэтому, что большинство российских граждан политическим партиям не доверяет. Так, по результатам опросов общественного мнения, проведенных «Левада-центром» с ноября 2009 г. по июнь 2012-го, политические партии как социальный институт не пользуются доверием у 30–37% и не вполне заслуживают доверия – еще у 39–44% респондентов¹³. В течение последних трех лет колебания в этих ответах в опросах «Левада-центра» очень невелики, что подтверждает низкий уровень доверия населения политическим партиям. Во многом именно из-за этого российские граждане не связывают с деятельностью политических партий возможности решений как своих личных, так и стратегических проблем страны.

Преодолению фрагментированности и российского социума, и сферы публичной политики существенно способствовала бы гражданская активность, если бы она была направлена на развитие гражданского общества. Ведь гражданское общество, понимаемое как деятельность объединений граждан по коллективным решениям приоритетных общественных проблем, предполагает взаимное доверие, солидарность и взаимопомощь в социальном поведении. Для достижения единства публичной сферы необходимо сначала в гражданской активности выработать согласованные оценки стратегий развития страны, а затем перенести это согласие в политическую сферу. Иначе эта сфера так и останется раздираемой корпоративными интересами. Гражданская активность могла бы поддерживать нерыночные ценности, которые, получив государственное признание, стали бы регуляторами политики и государственного управления, что, в свою очередь, способствовало бы проведению честных и справедливых выборов, действиям партий в интересах граждан, а не только в интересах своих лидеров, выработке органами власти совместно с гражданами нового социального порядка в нашей стране.

Но «благодаря» действиям российских политиков такая возможность, начавшая обозначаться на первых протестных митингах в декабре 2011 г., в очередной раз за постсоветский период была упущена. Политики оказались сильнее граждан. С конца 2011 г. доминирование личных и корпоративных интересов в политике усилилось, а возможности изменения социального порядка и решения стратегических проблем страны в интересах активных граждан остались нереализованными.

¹³Институты власти теряют доверие граждан. Пресс-выпуск 26.06.2012. – Сайт «Левада-центра» (<http://www.levada.ru/26-06-2012/instituty-vlasti-teryayut-doverie-grazhdan>).

4. НОВЫЕ ФОРМЫ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ

После президентских выборов нереализованность социальных ожиданий активных граждан привела к новому всплеску протестного движения. Уже 5 марта в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других крупных городах состоялись массовые митинги. Они уже не были такими мирными, как до выборов, полиция нередко применяла силу для разгона протестующих. И протестующие перешли к акциям другого типа: «сидениям» на бульварах, «гуляниям» по проспектам вместе с известными литераторами, актерами и другими деятелями культуры. На этих акциях уже не было выступлений политиков, не было явно выраженных политических требований, но тем не менее они без труда распознавались как протестные и их участниками, и органами власти и по этой причине пресекались полицией. Так, «лежание» на газоне у памятника Абаю на Чистых прудах в Москве было воспринято как протестная акция и самими ее участниками, и местными жителями, и полицией, и другими органами власти. Любопытно, что место этой акции давно облюбовали для ночевки московские бомжи, и никто ни разу не считал это протестом, тем более политическим.

Протесты в форме «лежаний» и «гуляний» малозатратны и по деньгам, и по другим ресурсам, однако они вынуждали органы власти реагировать, заставляли обратить на себя внимание. Если бы такая гражданская активность продолжилась, существующие политические партии, в первую очередь парламентские, потратившие на предвыборные кампании большие объемы финансовых, временных и организационных ресурсов, получили бы сильных конкурентов, гораздо более эффективно добивающихся своих целей в политике. Чтобы этого не произошло, в Госдуму 10 мая 2012 г. был внесен и 5 июня принят законопроект об ужесточении ответственности за нарушения на митингах – путем существенного повышения штрафов. Уже 8 июня этот законопроект был подписан президентом и после опубликования в «Российской газете» (9 июня) вступил в силу¹⁴. Таким образом Дума, а точнее, фракция «Единой России» сделала финансово невыгодным ведение политических кампаний в форме массовых шествий и митингов.

5. «ЛЕЖАНИЕ» СО СМЫСЛОМ, ИЛИ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Гражданское общество имеет возможность формировать и поддерживать в социуме нерыночные ценности: нормы морали и справедливости, равенство прав и свобод, солидарность и доверие граждан друг другу. Система этих

¹⁴Федеральный закон № 65-ФЗ от 8 июня 2012 г. «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”». – База данных «Консультант-плюс» (<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=130936>).

ценностей могла бы определить такой этически-правовой порядок, который поддерживал бы гражданскую активность и вынуждал политиков действовать в общественных интересах, решать не корпоративные, а общегосударственные проблемы, действовать в интересах общественного блага.

Одна из причин слабости российского гражданского общества заключается в том, что гражданские ценности плохо понимаются и потому крайне невнятно артикулируются некоммерческими и общественными организациями. Впрочем, в этом от них не отличаются как участники протестных акций, так и граждане, симпатизирующие им, хотя и не участвующие в таких акциях. В результате российское гражданское общество не в состоянии использовать те ресурсы и средства, в т.ч. протестные акции, которые могли бы стать наиболее действенными инструментами влияния на власть и политиков. «Лежания» и «гуляния» остаются символами протеста для подавляющего большинства граждан, политиков и представителей власти, но смысл этого протеста сами протестующие ни достаточно глубоко осознать, ни объяснить не могут. Выражаемый протест имеет у разных социальных групп очень разные смыслы, что не позволяет объединить гражданскую активность и направить ее на изменение социального порядка. Каждый участник протестных акций или сочувствующий им видит этот порядок по-своему. В гражданской сфере не получается сформировать общие для большинства представления об оптимальном социальном порядке и методах его достижения. Поэтому в современной России целенаправленное воздействие на власть осуществляется только посредством политической активности, которая, как уже говорилось, сама по себе не способна обеспечить общее благо и желательный для большинства граждан социальный порядок.

6. «ПРОЕКТНЫЙ» ХАРАКТЕР РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

В условиях доминирования рыночных ценностей активность и граждан, и политиков направлена почти исключительно на реализацию ситуационных, часто сиюминутных проектов, а не на решение долгосрочных, а потому гораздо более значимых проблем, на воплощение частных и корпоративных, а не общественных интересов, наконец, на получение удовольствий от жизни, а не на достижение общего блага. В современной России нет консенсуса в том, что именно является общим благом, потому что подобный консенсус может сформироваться только в публичных дискуссиях на эту тему – а они не проводятся. В такой ситуации лоббисты корпоративных, а иногда и личных благ довольно успешно выдают их за общие, формируя и поддерживая эти искаженные представления в общественном сознании.

Социологические исследования показывают, что благосостояние большинства российских граждан обеспечивается занятостью на государственных предприятиях либо пособиями и пенсиями от государства. Таким образом, в современной России доминируют ценности патернализма, на которые и

ориентируются в своем электоральном поведении проправительственные политики – это самый верный способ получить поддержку на выборах. Но фактическая политика российского правительства является неолиберальной – в первую очередь она защищает права и свободы крупных собственников и влиятельных должностных лиц, то есть не отвечает интересам большинства населения. С другой стороны, хотя оппозиционные политики декларируют свою приверженность либеральным принципам, они также ориентируются на решение собственных или корпоративных проблем, а не на поиск и осуществление коллективных решений общественных проблем. Ведь и оппозиционные политики зависят от благорасположения власти.

В результате в современной российской ситуации и проправительственные, и оппозиционные политики не в состоянии предложить такое понимание общего блага, которое устроило бы широкие массы населения, а не узкие социальные группы. Поэтому у большинства российских граждан сформировалось убеждение, что на практике общее благо недостижимо, а стало быть, тратить усилия на его обеспечение бессмысленно. По этой причине в нашей стране коллективные решения общественных проблем не являются значимыми ценностями, а это, в свою очередь, ведет к массовой социальной пассивности. Что же касается активных граждан, то они почти всегда вполне рационально стремятся к достижению личного или семейного, в крайнем случае корпоративного, но не общего блага. Таким образом, политический протест активных граждан мотивирован скорее частными, а не общественными интересами. И только иногда, на митингах и шествиях, активные граждане оказываются способны продемонстрировать свое равнодушие и к общественным интересам. Но потом их социальное поведение возвращается к прежней частноориентированной модели. Следовательно, даже для активных российских граждан приверженность общественному благу является во многом декларативной.

Слабость гражданского запроса на формулирование и достижение общего блага, определяемая сильными различиями в ценностях и приоритетах разных социальных групп, позволяет политикам игнорировать общественные интересы. Да и сами эти интересы остаются весьма размытыми. Поэтому не получил достаточно четкого выражения – ни гражданского, ни политического – и запрос на изменение социального порядка в современной России. При этом для гражданских объединений, некоммерческих и общественных организаций фактически закрыт путь в сферу публичной политики, если только они не примкнут к тем или иным партийным проектам. А последние ориентированы на стабилизацию нынешнего социального порядка и ничего в нем менять не хотят – несмотря на недовольство этим порядком активных граждан, на то, что он поддерживает неконкурентоспособность современной России практически во всех отраслях экономики, в социальной сфере и в мировой политике. Сойдет ли наша страна с этого тупикового пути и как это произойдет (если произойдет), пока предсказать невозможно.

Анохина Н.В.

ФАЛЬСИФИКАЦИИ И ОГРАНИЧЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ НА ДУМСКИХ И ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2011–2012 гг.

На думских выборах 2011 г. во всех регионах первое место заняла партия «Единая Россия», получив 49,32% голосов (по регионам – от 29,04 до 99,48%). На президентских выборах победил В.Путин, набрав 63,6% голосов. Г.Зюганов, занявший второе место, сильно отстал от Путина – 17,18% голосов.

Несмотря на заявления председателей избирательных комиссий о том, что выборы «в целом прошли спокойно и без нарушений», истинность официальных результатов и парламентских, и президентских выборов была поставлена под сомнение российскими и зарубежными политиками, социологами, журналистами и наблюдателями. Большинство из них сходились во мнении, что имели место значительные фальсификации.

Если ранее подтасовки были направлены на повышение процента голосов в пользу провластных кандидатов – в целях демонстрации убедительной победы власти, то фальсификации декабря 2011 г. принципиально иные. Их массовость и масштабность ставят под сомнение легитимность избранной власти в целом. Разница между числом реально набранных голосов и оглашенными результатами послужила причиной дискредитации власти в глазах многих избирателей, что повлекло массовые протесты, участники которых возмущались не столько нарушениями и фальсификациями, сколько тем, что законы издают люди, выбранные нелегитимно.

Тема ограничения конкуренции, следствием чего является фактическое недопущение ряда политических сил к выборам (зачастую это происходит на законодательном уровне через повышение проходного барьера, снижение нормы достоверных подписей, увеличение залога и т.д.), – одна из самых обсуждаемых и среди профессиональных политологов, и в обществе в целом.

Еще одним фактором, ограничивающим электоральную конкуренцию, являются нарушения законодательства и различного рода фальсификации, фиксируемые как в ходе избирательной кампании, так и непосредственно в день голосования.

Далее рассмотрены три способа ограничения электоральной конкуренции:

- 1) репрессивные меры на этапе выдвижения и регистрации кандидатов;
- 2) нарушения в ходе избирательной кампании;
- 3) нарушения и фальсификации в день голосования.

1. ОГРАНИЧЕНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА ЭТАПЕ ВЫДВИЖЕНИЯ И РЕГИСТРАЦИИ КАНДИДАТОВ

К основным способам ограничения электоральной конкуренции на данном этапе относятся: сокращение числа политических партий, манипулирование с условиями регистрации кандидатов и партийных списков.

1.1. Сокращение числа политических партий

Принятие в декабре 2004 г. Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях»» привело к резкому сокращению числа зарегистрированных партий и, соответственно, числа партийных списков, участвующих в выборах. Если к концу 2003 г. полную процедуру регистрации прошли 46 партий (23 партии приняли участие в выборах в Госдуму), то к сентябрю 2011 г. их осталось всего семь.

4 декабря 2011 г. в думских выборах приняли участие все семь существующих партий («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Патриоты России», «ЯБЛОКО», «Правое дело»). Это минимальный в истории постсоветской России уровень политической конкуренции на выборах депутатов Госдумы по партийным спискам. Большинство лидеров российской внесистемной оппозиции заявляли о намерении создать свою партию и принять участие в выборах, однако всем им было отказано в регистрации политической партии – по различным причинам: например, из-за несоответствия устава законодательству («Другая Россия»), наличия в членских списках «мертвых душ» (ПАРНАС) и даже из-за названия («Пиратская партия»).

Таким образом, ограничение конкуренции имеет место уже на стадии регистрации партий.

1.2. Условия регистрации кандидатов и партийных списков: подписи и залог

В российское избирательное законодательство постоянно вносятся поправки, усложняющие порядок регистрации кандидатов и партийных списков – для всех партий, кроме парламентских. Одна из таких поправок – сокращение допустимой доли недостоверных и недействительных подписей с 25 до 5%.

Закон об отмене избирательного залога, принятый в 2009 г., придал электоральному процессу новое качество. Только парламентские партии могут выдвигать своих кандидатов без сбора подписей, остальные обязаны собрать 150 тыс. подписей избирателей. Таким образом, в политическом поле фактически остаются лишь четыре партии, представленные в Государственной Думе; для остальных, учитывая ужесточившиеся требования к представляемым подписям, доступ к участию в выборах крайне затруднен.

Поскольку избирательные комиссии, как правило, играют на чьей-либо стороне, то отсеивание нежелательных кандидатов осуществляется еще на

стадии регистрации. Зачастую основная причина «выбраковки» подписей связана не с их фальсификацией, а с неточностями (часто мелкими и несущественными) в данных об избирателях или сборщиках.

Вместе с тем следует признать, что за время, отводимое законом на сбор подписей, невозможно добросовестно собрать подписи в нужном количестве. Так, для регистрации кандидата на президентских выборах 2012 г. необходимо было собрать минимум 2 млн подписей меньше чем за месяц. «Кампания по сбору подписей стартовала после регистрации избирательного счета в ЦИК, т.е. после 24 декабря. Новогодние праздники существенно осложнили условия сбора, вследствие чего необходимые темпы сбора были достигнуты лишь после 10 января. Кроме того, только после 10 января начали работу нотариусы, у которых необходимо было заверять подписи всех лиц, выступавших в качестве сборщиков подписей. До оформления таких нотариальных документов собранные подписи не могли быть представлены в ЦИК и поэтому не принимались в центральных штабах. Последний же срок сдачи подписей в ЦИК был 18 января»¹. Так что все кандидаты в той или иной мере подписи подделывают. Но, как говорится, в одних случаях глаза можно прикрыть, а в других – и приоткрыть. Например, у М.Прохорова подписи прошли проверку, а у Г.Явлинского были забракованы. Еще три кандидата не смогли представить подписи в нужный срок.

2. НАРУШЕНИЯ В ХОДЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Основные нарушения в период избирательной кампании сводятся к следующему: незаконная агитация в СМИ, агитация в «день тишины», подкуп и административное давление на избирателей, агитация под видом публикации социологических данных.

2.1. Незаконная агитация в СМИ

В соответствии с законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» государственные средства массовой информации должны информировать избирателей о ходе избирательной кампании, предоставлять кандидатам и партиям равные условия для пропаганды и агитации.

В реальности СМИ, за деньги или по административной указке, под видом информирования избирателей открыто агитируют за какого-либо кандидата или партию.

Кроме того, по закону агитационный период начинается со дня выдвижения кандидата и завершается за сутки до дня голосования. Один из видов нарушения закона – агитация под видом информирования о событиях, якобы

¹Явлинский Г. О ситуации с подписями. – Живой журнал Г.Явлинского, 29.01.2012, 22:26 (<http://gr-yavlinsky.livejournal.com/36707.html>).

не относящихся к выборам, до начала активной избирательной кампании. Наблюдатели ОБСЕ и ПАСЕ отмечали, что «в период с 5 ноября по 2 декабря большинство телевизионных новостей рассказывали о деятельности официальных лиц государства, с благоприятным отношением к правящей партии. Всё это не обеспечило условий, необходимых для честного соперничества»².

17 ноября 2011 г. КПРФ потребовала наказать лидера списка «Единой России», президента Д.А. Медведева, и лидера ЕР, премьер-министра В.В. Путина за агитацию с использованием служебного положения³. По подсчетам КПРФ, во время президентской кампании В.Путину уделялось почти две трети эфирного времени на ТВ. Г.Зюганов назвал такое положение дел «дурным спектаклем», подчеркнув, что нечестная агитационная кампания делает нелегитимными и сами выборы⁴.

Вариантом незаконной агитации в СМИ является т.н. «черный пиар» и распространение фальсифицированных рекламных материалов (газет, листовок) – якобы от имени того или иного кандидата, но на деле направленных против него. Такое нарушение зафиксировано, например, в Смоленской области во время президентской избирательной кампании. Там был выпущен фальсифицированный номер «Смоленской правды» (орган регионального отделения КПРФ), на первой полосе приводилась программа Г. Зюганова в сокращенном виде, на последующих полосах его соратники по партии более подробно раскрывали тезисы предвыборной программы. Статьи, якобы написанные соратниками Г. Зюганова, в существенных местах были максимально гиперболизированы, высказанные идеи возвращали Россию ко временам однопартийности и сталинской диктатуры; все это явно отвращало от партии⁵.

2.2. Агитация в «день тишины»

В соответствии со ст. 56 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» в день голосования и в предшествующий ему день реклама участников выборов, в том числе оплаченная за счет средств соответствующего избирательного фонда, не допускается. Накануне дня голосования устанавливается т.н. день тишины, когда запрещено распространение агитационных материалов, а проведение любых рекламных и PR-мероприятий является незаконным. Однако многие кандидаты и партии в эти дни, наоборот, активизируют свою деятельность – распространяют рекламные материалы по почтовым ящикам, расклеивают на улицах агитаци-

²Выборы в Государственную Думу 4 декабря 2011. Заявление о предварительных результатах и выводах. – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, 05.12.2011 (<http://www.osce.org/ru/odihr/elections/85874>).

³Господин премьер, не надо нарушать закон! В.Г. Соловьев направил депутатские запросы Генпрокурору и Председателю ЦИК. – Сайт КПРФ, 25.10.2011, 14:29 (http://kprf.ru/rus_law/98134.html).

⁴Коваленко Н. СМИ: судьба «Единой России» под вопросом. – Радио «Голос России», 15.02.2012, 16:01 (<http://rus.ruvr.ru/2012/02/15/66128324.html>).

⁵Нарушения при агитации в Смоленской области. – Честный выбор. Общественный совет, 29.02.2012 (<http://www.chestny-vibor.ru/chronicles/2721>).

онные листовки. Используя административный ресурс, некоторые кандидаты и партии проводят массовые PR-мероприятия.

По данным наблюдателей Общественного совета «Честный выбор», 3 марта 2012 г. были зафиксированы, в частности, показ агитационных роликов по красноярскому телевидению, раздача агитационных материалов в Москве и Саранске, расклейка листовок в Мурманске и др.⁶

2.3. Подкуп или административное давление на избирателей

Наиболее успешно данная технология применяется в небольших городах с низким уровнем жизни. Обычно скупка голосов осуществляется путем заключения договора на распространение агитации; при этом выплачивается аванс. В день выборов «агитатор» должен проголосовать нужным образом, после чего он получает оставшуюся часть денег.

Нередко, однако, обходятся без прямого материального поощрения, осуществляя административное давление на избирателей, в частности запугивая государственных служащих и принуждая голосовать за того или иного кандидата, часто досрочно.

Например, в Рязанской областной клинической больнице были собраны все заведующие отделениями, и начальство дало им указание голосовать за «Единую Россию». 4 декабря было сделано рабочим днем, людей принуждали брать открепительные удостоверения, чтобы голосовать на работе. Ну а тем, что проявлял несогласие, говорили, что если они дорожат работой, то не допустят «необдуманных поступков». Также от медиков потребовали представить список родственников, которые проголосуют за «Единую Россию»⁷.

2.4. Агитация под видом публикации данных социологических исследований

Общеизвестно, что публикация данных социологических исследований способна существенно повлиять на предпочтения избирателей. Распространение социологических данных разрешено законом – при соблюдении определенных правил (необходимо указать организацию, проводящую опрос, размер выборки, метод сбора данных и т.д.). Между тем зачастую за данными опросов кроется агитация за того или иного кандидата: публикуются т.н. рейтинги доверия, электоральные рейтинги, завышающие показатели по «своему» кандидату и занижающие показатели соперникам. Данный феномен получил название формирующей социологии.

С.Миронов так пишет о результатах такой социологии: «Данные социологических исследований накануне выборов порой напоминают не продукт

⁶О нарушениях в «день тишины». – Честный выбор. Общественный совет, 03.03.2012 (<http://www.chestvibor.ru/reports/2778>).

⁷Рязанцев в массовом порядке принуждают голосовать за «Единую Россию». – 7x7. Новости. Мнения. Рязанская область, 02.12.2011 (<http://7x7-journal.ru/item/15871>).

серьезной научной деятельности, а призыв “делай так!” или “не делай никак – всё предрешено!”... Забудьте о данных “формирующей социологии”! В ноябре 2011 г. “формирующая социология” заперла нас в рамки 3-4%, максимум 5%, вынося приговор: “Справедливая Россия” не проходит в Госдуму»⁸.

3. НАРУШЕНИЯ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ НА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ УЧАСТКАХ В ДЕНЬ ГОЛОСОВАНИЯ

Большая часть нарушений происходит непосредственно в день голосования на избирательных участках. Фальсификации совершаются как членами избирательных комиссий, так и представителями кандидатов и партий. Эта категория нарушений приводит к наиболее серьезным искажениям результатов выборов.

В докладе ОБСЕ о выборах в ГД говорится, что основные и наиболее многочисленные нарушения пришлось на этап подсчета голосов. На каждом третьем участке, где присутствовали наблюдатели ОБСЕ, ситуацию можно назвать «плохой или очень плохой». Недостатки в организации работы избирательных участков, процедурные нарушения и отсутствие прозрачности при подсчете сделали возможными вбросы бюллетеней. Во многих случаях в списки не заносились имена избирателей, голосовавших по открепительным удостоверениям, не подсчитывались неиспользованные бюллетени⁹.

3.1. Манипуляции с бюллетенями

Эта категория нарушений включает в себя вброс бюллетеней, их подмену и порчу.

Вброс бюллетеней может осуществляться как людьми, пришедшими на избирательный участок для голосования и кидающими в урну более одного бюллетеня, так и членами участковых комиссий во время подсчета голосов.

В случае сговора членов участковой избирательной комиссии вброс бюллетеней сопровождается подменой одних бюллетеней другими – с «правильным» голосованием.

Избежать явного массового вброса бюллетеней помогает система видеонаблюдения, но эта мера не предотвращает других подтасовок.

Порча бюллетеней – когда в бюллетенях, невыгодных конкретному кандидату, ставятся пометки или дополнительные галочки в графах голосования (в результате бюллетень признается недействительным). Таким образом значительно снижается число голосов, отданных за противника «нужного» кандидата. Наиболее эффективна эта манипуляция при подсчете голосов, так как уже понятно, какие именно бюллетени надо испортить. Порчей бюллетене-

⁸Миронов С.М. Забудьте о данных «формирующей социологии». – Сайт С.М. Миронова, 27.02.2012 (<http://mironov.ru/main/speech/1445>).

⁹Выборы в Государственную Думу 4 декабря 2011. Итоговый отчет Миссии по наблюдению за выборами ОБСЕ/БДИПЧ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. 12.01.2012. С. 22 (<http://www.osce.org/ru/odhr/87023>).

ней обычно занимаются непосредственно члены участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса.

3.2. Манипуляции со списком избирателей

Наиболее известная манипуляция со списком избирателей – это внесение в списки умерших и фиктивных избирателей либо избирателей, стабильно не участвующих в выборах. От имени таких «мертвых душ» заполняются подложные бюллетени, которые затем вбрасываются в избирательные урны. В этих случаях используются технологии, известные под названиями «карусель» и «змейка».

Суть «карусели» заключается в передаче избирателю перед входом на участок уже заполненного бюллетеня, который он должен опустить в урну, а новый, чистый, бюллетень вынести и обменять у организатора «карусели» на деньги или другие материальные ценности (часто – алкогольные напитки). Чистый бюллетень заполняется и отдается очередному избирателю.

«Змейка» может быть организована только с участием членов нескольких избирательных комиссий, поскольку основана на неоднократном голосовании одного избирателя. Организуются «мобильные группы избирателей», чья задача – ездить по городу от участка к участку и голосовать. Каждому такому «избирателю» в паспорт вкладывается некий опознавательный знак для члена комиссии, а сам избиратель получает инструкции, к какому именно члену комиссии нужно подойти. Далее, член комиссии получает паспорт, опознаёт «сотрудника» и выдает бюллетень. Тут возможны варианты. Если в список избирателей заранее внесены «мертвые души», то участника «змейки» вписывают на их место. Но иногда записывают прямо подряд, не смущаясь, что может прийти настоящий избиратель. Для этого способа необходим сговор комиссии, иначе опытные члены ИК могут что-то заметить.

9 декабря 2011 г. в «Новой газете» вышел материал «Я участник фальсификации выборов 2011» (орфография источника сохранена), в котором были приведены отчеты жителей Колпинского района Санкт-Петербурга, многократно голосовавших 4 декабря на выборах депутатов городского Законодательного собрания и Госдумы РФ. Фигуранты списка жаловались, что не получили вознаграждения, которое им обещали за поддержку кандидата в депутаты Заксобрания от «Единой России» А.Салаева. Всего, судя по отчетам, колпинская «карусель» добавила депутату 967 голосов¹⁰.

На федеральных выборах используется метод, известный под названием «хоровод»: во время голосования с участка на участок передвигается группа человек без открепительных удостоверений и просит включить их в списки избирателей как временно пребывающих на территории без регистрации.

¹⁰Новая газета, 09.12.2011 (<http://www.novayagazeta.ru/inquests/49943.html>).

3.3. Голосование по открепительным удостоверениям

Избиратель имеет право взять открепительное удостоверение и проголосовать не по месту жительства в случае своего отъезда в день голосования (ст. 62 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»). На этом также основана одна из технологий фальсификаций. При этом она осуществляется в «легальном» и нелегальном режимах. В первом случае кандидат (партия) организует выезд избирателей из различных округов в тот, какой нужно, и голосование проходит обычным порядком, вполне законно. Незаконный вариант – когда по открепительным удостоверениям голосуют подставные лица. Этот метод тоже требует участия членов избирательной комиссии.

На выборах 2011 г. во многих городах Московской области наблюдался чудовищный дефицит открепительных удостоверений. Жителям отказывали в их выдаче по причине отсутствия бланков. В то же время работники государственных предприятий сообщали, что на работе им «в репрессивной форме» велели взять открепительные и на автобусе возили голосовать в местную школу¹¹.

В Великом Новгороде также был отмечен ажиотажный спрос на открепительные удостоверения – по данным на 2 декабря, было выдано 1800 штук. Городской избирательной комиссии пришлось дополнительно запрашивать еще более 1200 бланков¹².

3.4. Голосование на дому

Практически любой избиратель имеет право проголосовать на дому. Это открывает широкий простор для фальсификаций – например, есть возможность подменить урну. Так, в некоторых регионах на выборах в Госдуму был зафиксирован аномально высокий уровень голосования на дому – например, в Псковской области на выборах в Госдуму на дому проголосовали 15% избирателей.

3.5. Фальсификация протоколов участковых избирательных комиссий

В ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» четко прописан порядок подсчета голосов: участковые избирательные комиссии подсчитывают бюллетени и передают протоколы в вышестоящие комиссии (копии протоколов могут получить наблюдатели), которые суммируют данные и составляют итоговый протокол результатов выборов на территории. Естественно, что протоколы участковых и территориальных комиссий должны содержать одинаковые цифры по участкам.

¹¹Григорьева А. В Жуковском обнаружился дефицит открепительных удостоверений. – Жуковские вести, 02.03.2012, 22:13 (<http://www.zhukvesti.ru/articles/detail/29932>).

¹²Новгородская полиция задержала девушку, скупавшую открепительные удостоверения. – Честный выбор. Общественный совет, 03.12.2011 (<http://www.chest-vibor.ru/chronicles/2121>).

После закрытия участка начинается подсчет голосов и составление протокола, это может занять много времени. Наконец, когда протокол вроде бы готов, наблюдателям выдаются копии с теми цифрами, которые они зафиксировали во время подсчета. Однако оригинал содержит другие показатели. При этом председатель комиссии не ставит печать комиссии и свою подпись на копиях протокола, делая их таким образом нелегитимными. Метод кажется слишком прямолинейным, но он очень эффективен. Особенно хорошо этот метод срабатывает в случае, если комиссия весь день вела себя очень дружелюбно по отношению к наблюдателям, а нарушений на участке не было.

Чаще всего протоколы подделываются на уровне территориальных комиссий, и на следующий день после выборов наблюдатели от оппозиционных партий обнаруживают, что данные в протоколах, которые им выдали на участках, не совпадают с результатами голосования, опубликованными на сайте горизбиркома.

Уже на следующий день после выборов в Государственную Думу первый зампред ЦК КПРФ И.Мельников заявил, что партия подготовит обращение в Верховный суд по поводу нарушений на выборах и фальсификации результатов голосования¹³.

Но наша правовая система такова, что еще никого не осудили за массовые фальсификации, хотя такая статья в законе есть.

Центральная избирательная комиссия РФ признала несостоятельными почти 90% жалоб на нарушения избирательного законодательства в ходе выборов в Государственную Думу. Как сообщается в докладе комиссии, опубликованном 3 февраля, всего в ЦИК поступило 1686 обращений с информацией о нарушениях, и лишь в 195 (11,5%) из них данные подтвердились¹⁴.

* * *

В заключение стоит отметить, что для массовых фальсификаций наиболее «благоприятны» федеральные выборы – здесь результаты подделываются на самом высоком уровне. На выборах в региональные собрания подделать результаты сложнее – там все друг друга знают, следят друг за другом и явная фальсификация так просто не проходит. В то же время чем больше мы говорим о фальсификациях, тем труднее приходится их организаторам. На президентских выборах действовал огромный корпус наблюдателей, который в немалой мере осложнял «работу» фальсификаторов.

Более того, в настоящее время складываются две параллельные системы контроля за выборами. Первая – официальная, которая полностью дискредитирована в глазах избирателей, и вторая – общественная, состоящая из

¹³Иван Мельников о подведении итогов фальсификации выборов в Государственную Думу: Общество этого так не оставит! – Сайт КПРФ, 05.12.2011, 19:58 (<http://kprf.ru/dep/100029.html>).

¹⁴ЦИК признал несостоятельными 90 процентов жалоб на думские выборы. – Лента.ру, 04.02.2012, 00:11:19 (<http://www.lenta.ru/news/2012/02/04/ninety>).

активных избирателей. В ряде случаев им удается отстоять справедливость. Хорошим примером может послужить Владивосток, где в декабре 2011 г. проводились выборы в краевое Законодательное собрание. Наблюдателям от КПРФ удалось установить такой жесткий контроль за комиссиями, что массовые фальсификации не прошли. В итоге в ряде округов КПРФ опередила «Единую Россию». Можно смело предположить, что число желающих противодействовать фальсификациям будет только расти – и избирательные участки превратятся в поля боя. Власть же, вероятнее всего, изменит законодательство в сторону ужесточения правил участия наблюдателей. Выборное законодательство и сам избирательный процесс становятся, таким образом, не просто системой формирования власти, а важнейшим пунктом размежевания власти и общества.

Малинова О.Ю.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В.В. ПУТИНА: ОТ МОБИЛИЗАЦИИ ПОДДЕРЖКИ К МАНИФЕСТАЦИИ СОЛИДАРНОСТИ¹

Выборы – это всегда проверка политической системы на прочность: даже если никто не оспаривает правил игры и фавориты известны заранее, в начале электоральной кампании невозможно знать наверняка, каким станет расклад сил по ее итогам и каким будет новый политический курс. Что не менее существенно, действия участников электоральной гонки способствуют фрагментации общества: чтобы мобилизовать поддержку избирателей, они не только раздают обещания, но и конструируют виртуальные границы между «своими» и «чужими», чем способствуют фиксации сложившихся или наметившихся социальных размежеваний. Таким образом, устойчивость политической системы, вступившей в зону электоральной турбулентности, обусловлена не только легитимностью правил, которая поможет проигравшим смириться с поражением, но и тем, насколько крепки узы солидарности, связывающие политическое сообщество поверх социальных и идеологических барьеров.

На заключительном этапе электорального цикла 2011–2012 гг. обе «подушки безопасности» оказались недостаточно надежны. После выборов в Думу правила игры были поставлены под сомнение массовыми протестными акциями; требование пересмотра декабрьских результатов стало платформой, на которой впервые удалось сплотиться широкой «внесистемной» оппозиции. Вместе с тем обилие нерешенных проблем, связанных с формированием коллективной идентичности в постсоветской России, давало все основания предполагать, что «национальный вопрос» в различных его измерениях станет одной из ключевых тем президентской избирательной кампании, а неудачные шаги на данном направлении чреваты не только потерей голосов, но и ослаблением гражданской солидарности. Хотя результат президентских выборов был в общем-то известен заранее, их последствия для политической системы определялись в жесткой политической борьбе, в том числе – и на символическом поле. Настоящая статья посвящена одному из аспектов этой борьбы – репрезентации коллективной идентичности макрополитического сообщества, стоящего за Российским государством, в предвыборной риторике победившего кандидата – премьер-министра В.Путина, а также «прочтению» этой риторики представителями различных сегментов политического спектра.

¹Сокращенный вариант статьи, публикуемой в журнале «Pro et contra».

Как известно, символическая политика² В.В. Путина в период его первых двух президентских сроков заметно отличалась от политики его предшественника. В условиях конфликтного плюрализма 1990-х гг. российскому политическому классу не удалось справиться с задачей производства смыслов, способных консолидировать макрополитическое сообщество. В 2000-х гг. был взят курс на установление «согласия сверху» путем ограничения плюрализма в «ядре» публичной сферы и одновременно – внедрения своего рода «частичной» идеологии, эклектически сочетающей элементы разных дискурсов. Эта стратегия оказалась относительно успешной с точки зрения замораживания символических конфликтов и консолидации «путинского большинства» вокруг набора аморфных идей, символов и жестов, дававших широкий простор для интерпретаций. Однако она не привела – и вряд ли могла привести – к формированию содержательного общественного консенсуса относительно системы ключевых ценностей, поскольку не предусматривала проработки различий в их трактовках, без чего невозможен критический синтез. Дискурс прокремлевской части политической элиты сосредоточивался вокруг нескольких узловых концептов («сильное государство» (2000), «суверенная демократия» (2005), «модернизация» (2009) и т.п.), которые по-разному использовались разными акторами. В годы президентства Д.А. Медведева наблюдалась некоторая «специализация» в использовании элементов ранее сложившегося набора смыслов и его дальнейшее развитие, однако общая линия на воспроизводство гегемонистского дискурса, эклектически сочетающего идеи, способные импонировать публике, оставалась неизменной. Функционирование власти в режиме «тандема» не предполагало внятной артикуляции различий в определении политического курса.

Условием успешности описанной стратегии является отсутствие серьезной конкуренции со стороны альтернативных систем смыслов. Очевидно, что это условие обеспечивалось не только символическими, но и административными средствами и поддерживалось политической апатией общества. Однако в декабре 2011 – марте 2012 г. благодаря протестному движению ситуация изменилась. Власть была вынуждена частично ослабить цензуру и пообещать политические реформы. И хотя начавшийся общественный подъем обнаружил вопиющий дефицит предложения на идеологическом рынке, сам факт наличия протестного ядра, сплотившегося вокруг «негативной повестки», требовал корректировки прежнего символического курса, нацеленного на демонстрацию «единства».

Правящая элита оказалась перед выбором: либо сосредоточить усилия на адаптации к новым обстоятельствам прежней стратегии «солидарности большинства» в расчете на маргинализацию протестующего меньшинства,

²Под этим термином мы понимаем деятельность политических акторов, направленную на продвижение/ навязывание определенных моделей интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих. Символическая политика опирается как на вербальные, так и невербальные способы означивания; таким образом, она не сводится к идеологической борьбе в традиционном ее понимании.

либо стимулировать раскол в рядах последнего, частично перехватив его лозунги и применив более адресный подход к мобилизации поддержки (что так или иначе требовало артикуляции различий). В первом случае существовала опасность, что в условиях подъема общественной активности технологии, обеспечивающие «единство» за счет игнорирования различий, не сработают – и даже окажутся раздражающим фактором; во втором возникал риск, что действия правящей части элиты расшатают хрупкие узы гражданской солидарности и зафиксируют идентичности, которые могут быть мобилизованы другими игроками.

Следует признать, что кандидату Путину удалось совершить тактический кульбит и не только максимально дистанцироваться от «запятнанной» победой в думской кампании «Единой России», но и достаточно эффективно использовать инструмент публичной коммуникации, прежде игравший в битвах за электорат в лучшем случае второстепенную роль, – печатную прессу. Разумеется, кампания включала ежедневные появления на телеэкране, чему немало способствовала премьерская должность кандидата, встречи с различными адресными аудиториями (причем Народному фронту демонстративно отдавалось предпочтение перед «Единой Россией»), беспрецедентно широкую кампанию в интернете³, а также многотысячные митинги в поддержку Путина. Коммуникативные и административные технологии работали в комплексе. Однако публикация статей, которые появлялись одновременно в печати и интернете и явно были адресованы новому «среднему классу», стала решающим шагом, позволившим Путину захватить инициативу в кампании. Благодаря преимуществам печатного текста, располагающего к анализу, сопоставлению и аргументированной критике, статьи оказывались не просто информационными поводами, но объектами обязательного соотнесения для политической и интеллектуальной элиты. Симметричной реакции со стороны конкурентов не последовало, однако в журналистской и экспертной среде опубликованные тексты получили самый широкий резонанс.

Хотя с точки зрения набора обещаний между ноябрьской программой, подготовленной «Единой Россией»⁴, и опубликованными в январе–феврале статьями⁵ прослеживается определенная преемственность, в том, что касается репрезентации адресата этих обещаний, налицо примечательные различия.

В программе «Единой России» традиционно практически не упоминаются какие-либо «они» – партнеры, конкуренты, противники, выступающие в каче-

³По данным «Ведомостей», общий бюджет кампании Путина в рунете составил \$1,5–2 млн, т.е. примерно столько же, сколько было потрачено на телевизионную кампанию и наружную рекламу соответственно. См.: Бolečкая К., Костенко Н. Бирюкова Л. Путин оценил Интернет. – Ведомости, № 38(3052), 02.03.2012 (http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/276795/putin_ocenil_internet#ixzz1o4cBQt5v).

⁴Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» (на выборах Президента России 4 марта 2012 года). – Ресурс «Владимир Путин 2012» (<http://putin2012.ru/program>).

⁵Путин В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить. – Известия, 16.01.2012 (<http://www.izvestia.ru/news/511884>); Путин В.В. Россия: национальный вопрос. – Независимая газета, 23.01.2012

стве независимых внешних субъектов, с которыми необходимо выстраивать отношения в процессе реализации собственных планов. Местоимение «мы» (авторы программы употребили его 62 раза) обозначает разные множества, между которыми не проводится четкой дифференциации, – партию «Единая Россия», власть, правящую элиту, союз партии и граждан и Россию вообще. В качестве «других», с которыми «нам» приходится взаимодействовать, лишь единожды упоминаются «наши партнеры» на международной арене, «не учитывающие мнение России и ее интересы»; внутри страны какие-либо «другие», отличные от «нас», отсутствуют.

Несколько иначе выглядит репрезентация российского социально-политического ландшафта в статьях Путина. Местоимение «мы» здесь также употребляется – как в широком (власть + граждане, страна), так и в узком (правящая элита) значении. Спектр соответствующих ему существительных несколько шире: не только «Россия», «народ», «общество», «россияне», но и – правда, только в одном из семи текстов – «нация» и «русский народ». Если в программе, подготовленной ЕР, для обозначения тех, с кем приходится иметь дело правящей элите, вариант номинации, предполагающей некоторую субъектность («граждане») неожиданно преобладает над «пассивными» номинациями («население», «люди»), то в статьях Путина соотношение обратное: «люди» и «население» фигурируют заметно чаще. В некоторых фрагментах предпочтение «пассивных» номинаций там, где, по логике контекста, речь должна идти о субъектах – гражданах или народе, особенно бросается в глаза. Характерный пример – объяснение причин неудач демократии в России в начале первой из статей: «Не может быть реальной демократии без того, чтобы политика принималась бы большинством населения... Да, возможно на короткий период увлечь значительную часть общества... образами прекрасного будущего; но если потом люди не увидят себя в этом будущем – они надолго отвернутся и от политики, и от общественных задач» (Известия, 16.01.12). И тот же понятийный ряд – в рассуждении о современном «среднем классе»: «Сегодня наше общество совсем другое, чем в начале 2000-х годов. Многие люди становятся более обеспеченными, более образованными и более требовательными» (Коммерсантъ, 6.02.12). Став более образованными и обеспеченными, люди не превратились в граждан – они лишь сделали более «требовательными» потребителями поставляемых государством услуг.

Более существенные отличия обнаруживаются в подходе к репрезентации

(http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html); Путин В.В. Нам нужна новая экономика. – Ведомости, № 15(3029), 30.01.2012 (http://www.vedomosti.ru/politics/news/1488145/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah?from_ml_es#ixzz1kv9QnPow); Путин В.В. Демократия и качество государства. – Коммерсантъ, № 20/П(4805), 06.02.2012 (<http://www.kommersant.ru/doc/1866753>); Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России. – Комсомольская правда, 13.02.2012 (<http://kp.ru/daily/3759/2807793>); Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России. – Российская газета, 20.02.2012 (<http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>); Путин В.В. Россия и меняющийся мир. – Московские новости, № 225, 27.02.2012 (<http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html>). Далее ссылки даются в тексте указанием на издание и дату.

«других». В статьях Путина появились отсутствовавшие в программе ЕР внутренние «другие» – оппоненты, чьи мнения не совпадают с мнением кандидата в президенты, и политические противники, чьи действия он критикует. Это безответственные оппозиционеры, которые ратуют за «разные формы обновления политического процесса» и передачу власти «лучшим людям», но не знают, что «делать дальше» (Известия, 16.01.12). Это популисты, которые еще недавно «подталкивали нас поскорее потратить то, что приносили нефтяные доходы», а сегодня, в ходе президентской кампании, раздают обещания, «заведомо не надеясь выиграть» (Известия, 16.01.12). Это те, кто повинен в распаде СССР, а также разного рода провокаторы и наши противники, которые «под насквозь фальшивые разговоры о праве русских на самоопределение» хотят «заставить людей своими руками уничтожить собственную Родину». Это внутренние и внешние враги, пытающиеся «взломать русский культурный код». Наконец, это те, кто «паразитирует на теме “национального угнетения русских”» и «одновременно по всякому поводу голосит про “русский фашизм”» (Независимая газета, 23.01.12). Это оппоненты экономического курса власти, которые утверждают, что России не нужна промышленная политика, и советуют «решать экономические проблемы безответственным печатанием денег» (Ведомости, 30.01.12). Это те, кто «унижал армию», а также те, кто полагает, «что возрождение оборонно-промышленного комплекса – это ярмо для экономики, непосильная ноша, которая в свое время разорила СССР» (Российская газета, 20.02.12).

Критика конкурентов и полемика с оппонентами – обычный прием предвыборной коммуникации. Однако он явился отступлением от дискурсивной стратегии, которая ранее преобладала в выступлениях первых лиц и была нацелена на демонстрацию «единства» за счет нивелирования различий.

Нетрудно заметить, что наиболее резкие и обильные выпады против внутренних «других» содержатся в двух первых статьях, в последующих противопоставления такого рода встречаются реже, и «другие» если и упоминаются, то в модальности оппонентов, а не противников⁶. Отказ от артикуляции идеологических различий в пользу демонстрации «солидарности большинства» отчетливо заметен в статье «Демократия и качество государства», опубликованной 6 февраля, после параллельных митингов противников и сторонников Путина 4 февраля, – то есть когда стало ясно, что технология «встречной» мобилизации массовой поддержки работает. В статье, посвященной центральному пункту требований оппозиции – политической реформе, – отсутствуют какие-либо упоминания о внутренних «других» (а также критические замечания в отношении внешних «других» в стиле «суверенной демократии»); оппозиция упоминается лишь однажды, в контексте борьбы с коррупцией,

⁶Единственное исключение – порицание «некоторых деятелей», которые «просто дня не могли прожить без того, чтобы побольнее пнуть и унижить Армию» (Российская газета, 20.02.2012). Однако оно относится к «лихим девяностым».

политическую ответственность за которую ей следует нести совместно с властью (Коммерсантъ, 6.02.12). Нет ни попытки опровергнуть обвинения оппозиции, ни критики ее предложений.

Видимо, убедившись, что с задачей шельмования протестующих справится «группа поддержки», организаторы избирательной кампании приняли решение не педалировать тему внутренних «других» в статьях, публикуемых за подписью Путина. В последующей части печатной «эпопеи» основным объектом критики выступают внешние «другие» (анализ их репрезентации – отдельный сюжет, который в рамках данной статьи будет затронут лишь отчасти). Очевидно, после 4 февраля акцент в риторике кандидата решено было сделать на манифестации «солидарности большинства» и мобилизации поддержки путем адресных обещаний, тогда как открытая артикуляция идеологических различий поручена «группе поддержки».

Концепция выборов как «борьбы с врагами», предполагающая противопоставление «продавшейся Западу интеллигенции» и «простого народа», «плохих столиц» и «хорошей провинции» и т.п., реализовывалась усилиями организаторов митингов и мобилизованных на поддержку Путина интеллектуалов. В печатных текстах самого кандидата подобные противопоставления отсутствовали: хотя проступавшая в статьях картина социальных водоразделов и отражала наличие в российском обществе внутренних конфликтов, об отношении к ним Путина можно было только гадать.

Тем не менее резонно предположить, что в начале кампании Путин и его штаб не исключали возможности ее развития в формате аргументированной полемики с оппонентами (хотя и заочной – не в публичных дебатах, но в заменяющих их статьях). Об этом свидетельствует обращение к сложной теме национального строительства, от развернутых высказываний на которую российские официальные лица до тех пор воздерживались. При наличии в обществе серьезных разногласий практически по всему спектру вопросов, связанных с интерпретацией коллективной идентичности (как она соотносится с определяющей современную политическую картину мира идеей нации, каковы критерии принадлежности к мы-сообществу, как следует выстраивать его преемственность по отношению к прошлому и будущему и т.п.), правящая часть политической элиты стремится формулировать свою позицию максимально расплывчато, чтобы сохранить пространство для маневра. Поэтому публикация специальной статьи по «национальному вопросу», имеющей очевидную полемическую направленность (в этом тексте – наибольшее количество упоминаний о внутренних «других»), сама по себе выглядела как отступление от прежней символической политики. Ввиду болезненности темы это был рискованный шаг, на который, вероятно, решились в расчете внести раскол в ряды протестующих.

Статья о «национальном вопросе» вызвала большое количество откликов и комментариев. За «храбрость» Путина хвалили не только национали-

сты⁷, но и либеральные государственники, интерпретировавшие его программу как попытку «найти равнодействующую между... национализмом больших и малых наций», которую следовало предпринять, даже если она заведомо безуспешна⁸. В каждом из сегментов российского политического спектра эта статья была прочитана на свой лад. Русские националисты горячо приветствовали путинский тезис о «государствообразующем» русском народе. Немедленно последовало предложение зафиксировать данный принцип в Конституции РФ. Спикер парламента Чечни Дукуваха Абдурахманов заявил, что законодательное собрание его республики готово выступить с соответствующей законодательной инициативой, если на то будет одобрение Путина⁹.

Разумеется, идея Путина вызвала энтузиазм далеко не у всех. В Татарстане, например, вспомнили, что еще недавно Москва сопротивлялась закреплению в республиканской Конституции особого статуса татарского народа¹⁰, а в блогах начали обсуждать, не надо ли ввести статус государствообразующего народа в республиках в составе РФ.

Хотя статья в «Независимой газете» явно была нацелена на мобилизацию поддержки национально-патриотически настроенного электората, противников в этом лагере у Путина тоже оказалось немало.

Во-первых, заявленная им программа не удовлетворила наиболее принципиальных «имперцев», которым формула «полиэтнической цивилизации, скрепленной русским культурным ядром» показалась непомерной уступкой идее «гражданской нации».

Во-вторых, на защиту своих позиций бросились раскритикованные Путиным «нацдемы». Примечательно, что именно они выступили в роли ситуативных «западников», оспаривая путинскую интерпретацию опыта Европы в решении «национального вопроса». Они доказывали, что Путин сваливает «с больной головы на здоровую», ополчаясь на европейцев именно тогда, когда те «прозрели» и готовы отказаться от «смертоносной практики» мультикультурализма¹¹.

Наконец, путинская программа была критически встречена в коммунистическом секторе национал-патриотического лагеря, где против главного кандидата повернули его же собственное оружие, изображая его «агентом Запада».

⁷Позицию тех, для кого эта тема была главной, подготовил Д.Рогозин, заявив в ответной статье в «Известиях»: «Путин вывел русский вопрос из подполья». См.: Рогозин Д. Русский ответ Владимиру Путину. – Известия, № 17, 01.02.2012 (<http://izvestia.ru/news/513702>).

⁸Радзиховский Л. Квадратура круга. – Независимая газета, № 9(5495), 25.01.2012 (http://www.ng.ru/ideas/2012-01-25/5_kvadratura.html).

⁹Парламент Чечни предлагает признать русскую нацию государствообразующей. – Русская служба новостей, 23.01.2012 (<http://pda.rusnovosti.ru/interviews/183736>).

¹⁰Сулейманов Р. Государствообразующий статус русских в России: реакция в Татарстане. – Агентство политических новостей, 12.03.2012 (<http://www.apn.ru/publications/article26161.htm>).

¹¹Севастьянов А. Переиначить свою историю? – Литературная газета, № 4(6355), 01.02.2012 (<http://www.lgz.ru/article/18167>).

Если реакция на предложенную Путиным формулу идентичности была столь неоднозначной даже на национально-патриотическом фланге, то что уж говорить о либерально-западническом. Оппоненты Путина из этого лагеря указывали на неадекватность его оценок западных практик и на отступления от единственно возможной в российских условиях модели гражданской нации, на невозможность прямого использования прошлого отечественного опыта национальной политики в современных условиях («ни при царе, ни при коммунистах национальный вопрос так и не был решен») и на опасность заигрываний с русским национализмом. Представители этого фланга тоже предлагали свой взгляд на проблему строительства нации. Как известно, долгое время российские либералы сетовали на то, что формирование гражданской нации в России опирается в отсутствие дееспособного гражданского общества. Новое качество протестной активности, казалось, дает основание надеяться на благоприятную перспективу. Как писал Д.Быков, «рождение реального национализма – формирование полиэтничного, мобильного, думающего гражданского общества – происходит сегодня на площадях и шествиях, и нечего обзывать их “оранжевыми”. То, что мы видим перед собой, – именно нация, в том самом смысле, в каком о ней принято говорить с XVIII века»¹².

Хотя в статье Путина и были расставлены точки над «i» по некоторым спорным вопросам (определение генеалогии современного макрополитического сообщества, осуждение русского этнонационализма), в целом она не столь уж существенно отступала от стратегии мобилизации поддержки, использовавшейся прежде. Предъявленная в ней формула коллективной идентичности явно была рассчитана на завоевание симпатий людей с самыми разными взглядами: в «полиэтнической цивилизации, скрепленной русским культурным ядром», можно усмотреть намеки и на империю, и на нацию-согражданство, и на отдающую «имперскостью» русскую этнонацию. Представляется однако, что на этот раз попытка Путина и его копирайтеров пробраться между Сциллой национализма и Харибдой империализма принесла лишь частичный успех. Заявленную программу по «национальному вопросу» поддержали главным образом приверженцы имперского варианта русского национализма, да и то не все. При этом они высказали немало соображений, которые едва ли повысили репутацию путинских идей и в других сегментах идеологического спектра. Впрочем, учитывая, что имперские настроения весьма распространены среди аморфного «большинства», составляющего нынешний «центр», риск, связанный с публикацией по «национальному вопросу», с электоральной точки зрения, вероятно, себя оправдал.

Тем не менее дискуссия, вызванная путинскими статьями, отчетливо продемонстрировала, сколь глубоко разнятся представления о коллективной

¹²Быков Д. Абсорбируем всех. – Московские новости, № 206, 27.01.2012 (<http://mn.ru/friday/20120127/310442983.html>).

идентичности сообщества, стоящего за Российским государством. Новый бум партийного строительства, который последует за только что принятыми изменениями в законодательстве, неизбежно станет катализатором острых дискуссий по этому и другим вопросам. Реальность, в которой власть могла ограничиваться символической демонстрацией «единства», уходит в прошлое. Готов ли вновь избранный президент к грядущим изменениям на поле символической политики? Удастся ли «новой» политической команде создать условия для конструктивного общественного диалога? К сожалению, характер избирательной кампании Путина не дает повода для однозначно положительного ответа на эти вопросы. Однако очередной политический цикл только начинается, что будет дальше – покажет время.

Шашкова Я.Ю.

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПАРТИЙ В УСЛОВИЯХ СОВМЕЩЕННЫХ ВЫБОРОВ 2011 г. (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)¹

Последняя избирательная кампания по выборам депутатов Государственной Думы ФС РФ и законодательных собраний ряда регионов, в частности Алтайского края, отчетливо выявила основные тренды российского партийно-электорального пространства, а также продемонстрировала состояние партийных организаций на региональном уровне. Если попытаться охарактеризовать ее в двух словах, наиболее подходящими будут – вялость и невыразительность. Российские партии фактически не вели кампаний на региональном уровне, даже не стремясь к активной мобилизации электората в свою поддержку, подменяя выбор избирателя административными кулуарными договоренностями. В то же время практика совмещенных выборов предоставляет ряд интересных сюжетов.

В первую очередь, произошло смещение акцентов в электоральной тактике акторов. Прежде выборы депутатов Госдумы РФ, предшествующие местным выборам, рассматривались как своеобразная проба сил – участвуя в федеральной кампании, кандидаты повышали степень своей узнаваемости, начинали работу с будущим электоратом, актуализировали или корректировали свой имидж или просто набирались опыта избирательной борьбы и получали представление о массовых настроениях и электоральной ситуации – с тем чтобы использовать всё это на последующих выборах в региональные и муниципальные органы власти. Теперь же избирательные кампании федерального и регионального уровня, несмотря на совмещенность, а точнее, благодаря ей, стали изолированными событиями. Их участники (кандидаты от партий) имели не только разные статусы, но и интересы, а также объемы вкладываемых ресурсов. При этом в условиях централизации политического процесса федеральная кампания едва ли не впервые стала приоритетной для региональных партийных организаций.

С другой стороны, региональные законодатели шли на это вполне осо-

¹Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки в рамках федерального государственного задания (проект № 6.3042.2011 г. «Комплексное изучение развития политического и религиозного ландшафта в Южной Сибири в контексте государственной политики России»).

знанно, чтобы удешевить собственные кампании, так как после продления срока полномочий Алтайского краевого Законодательного собрания до 5 лет новый созыв для многих депутатов становился последним в силу возраста.

Но и с учетом новых обстоятельств обращает на себя внимание более позднее, чем обычно, начало избирательной кампании, а следовательно, меньшая ее продолжительность, что связано с окончательной утратой выборами открытости и конкурентности. Агитация уступила место кадровым решениям. Кампании предшествовали интенсивные консультации, в ходе которых соискатели мандатов определяли для себя уровень легислатуры и добивались административных гарантий, заключались компромиссы между федеральными и региональными выдвиженцами; словом, шла латентная, но очень жесткая борьба групп интересов, спонсоров и партфункционеров, обусловленная как сокращением каналов доступа к процессу принятия решений, так и увеличением срока полномочий депутатов Госдумы и Алтайского краевого Законодательного собрания.

Вместе с тем можно констатировать, что партии приняли достаточно активное участие в формировании избирательных списков. На думских выборах наиболее обширным, естественно, оказался список «Единой России» (11 кандидатов). Чуть уступал ему список «Справедливой России» (8 кандидатов). Списки остальных партий (КПРФ, ЛДПР, «Патриотов России» и «Правого дела») включали по 4 кандидата. Только «ЯБЛОКУ» не удалось сформировать отдельные региональные группы: Алтайский край был объединен с Республикой Алтай и Хакасией².

Однако при сравнении партийных списков 2007 и 2011 гг. сразу заметно сокращение последних, что может объясняться несколькими причинами: трезвая оценка партиями своих перспектив, совмещенность кампаний, сужение кадрового ресурса партий. Так, в 2007 г. в списках «Единой России» и «Справедливой России» было по 9 кандидатов, КПРФ – 12, ЛДПР – 6, СПС – 4, «ЯБЛОКА» – 3, а «Патриотов России» – аж 16 кандидатов³.

Кроме того, в партийных списках 2011 г. не оказалось известных, ярких персон, прежде привлекавших внимание избирателей к отдельным партиям и выборам в целом, их место заняли партфункционеры и депутаты Госдумы, региональных и местных легислатур; это также свидетельствует о повышении закрытости российской политики и стабилизации партийной системы. Так, в списках «Единой России» 3 кандидата из 11 являлись депутатами Государственной Думы и 1 – АКЗС. У других парламентских партий это соотношение было обратным: в списках КПРФ значился 1 депутат Госдумы и 2 депутата региональной легислатуры, «Справедливой России» – 1 депутат Госдумы и

²Сведения о кандидатах в депутаты Государственной Думы Российской Федерации шестого созыва по Алтайскому краю (<http://www.altai-terr.izbirkom.ru/WAY/1DF30126-A527-4BFC-A9C1-7C956F7C0367.html>).

³Сведения о кандидатах в депутаты Государственной Думы Российской Федерации пятого созыва по Алтайскому краю (<http://www.altai-terr.izbirkom.ru/WAY/B30C6E96-3571-4159-B081-E1C1719C018E.html>).

4 депутата регионального и местного уровня, у ЛДПР – 1 депутат Госдумы и 1 депутат ЗС.

Следует также отметить «выход из тени» партийных спонсоров. Они заняли первые–третьи строчки в региональных списках всех партий, причем некоторые спонсоры, например руководитель регионального отделения «Справедливой России» А.Терентьев, уже имели статус депутатов Госдумы. С другой стороны, в отличие от 2007 г. бизнес фактически утратил контроль над формированием списков. Усиление централизации избирательных процессов, решающий голос федеральных партструктур при формировании партийных списков обусловили увеличение «входного взноса» для бизнеса в основных партиях, в связи с чем региональный бизнес стал проигрывать крупному федеральному или региональному по локализации, но федеральному по масштабам рынка (например, «Эвалар» в Алтайском крае) и был вынужден довольствоваться менее «проходными» партиями или местами. Кроме того, в условиях совмещенности выборов региональный бизнес переориентировался на АКЗС и в силу доминирующих интересов. Интересно снижение присутствия бизнеса в партсписках ЛДПР, всегда отличавшейся «прагматическим» подходом к выборам.

Соответственно увеличилось в партийных списках на федеральных выборах число «парашютистов». Больше всего их было опять же в списках «Единой России» – на 6 первых местах лишь 2 кандидата были связаны с краем.

В целом наиболее на первый взгляд репрезентативным по социальному составу, но по сути элитарным, естественно, был список «Единой России», включавший губернатора, 3 депутатов Госдумы, 2 спортсменов, работника ГУСХ, бизнесмена, заместителя начальника воинской части и главу сельсовета. Такими же разнородными, отражавшими как стремление охватить различные сегменты электората, так и кадровое состояние партий, оказались списки «Справедливой России» (депутат Госдумы, по 2 представителя бизнеса и партийных аппаратов, руководитель общественной организации, спортсмен, преподаватель и учитель), ЛДПР (депутат Госдумы, помощник депутата, работник коммерческой организации и инженер), «ЯБЛОКА» (работник образования, предприниматель, неработающий, научный работник, референт) и «Правого дела» (бизнесмен, общественник, врач, неработающий). Более социально однородными были списки КПРФ (2 депутата Госдумы и 2 пенсионера) и «Патриотов России» (бизнесмен и 2 временно неработающих)⁴.

Списки же кандидатов в депутаты Законодательного собрания довольно сильно различались по принципам формирования: если у «Единой России» и «Справедливой России» они охватывали определенные сегменты региональной и местной политических элит и даже становились объектом внутрипартийной борьбы, то у КПРФ и ЛДПР составлялись явно по остаточному

⁴Сведения о кандидатах в депутаты Государственной Думы Российской Федерации шестого созыва...

принципу. В итоге общерегиональные части списков КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» полностью или в основном повторяли списки кандидатов в Госдуму, состоявшие из известных депутатов АКЗС, которые не претендовали на федеральные мандаты.

В 2011 г. Алтайский край перешел к пропорциональной системе на региональных выборах с обязательным делением на региональные группы – в основу была положена модель горизонтальных списков, привязанных к одномандатным округам. В этих условиях КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» выбрали вариант регистрации своих кандидатов-одномандатников одновременно и как лидеров списков.

«Единая Россия» же, стремясь увеличить списочные рейтинги за счет депутатов, уже зарекомендовавших себя в одномандатных округах, поставила инкубентов во главе партийных списков, выдвинув по одномандатным округам новые кадры. Последними в основном стали бизнесмены, финансировавшие не только свои избирательные кампании, но и общепартийную. В итоге следствием низкого уровня доверия к партиям и их кандидатам⁵, в соединении с особенностями политической ситуации в стране и крае, стало то, что сохранить мандаты смогли только 45% инкубентов.

Всего же «Единая Россия» выдвинула 34 территориальные группы и 34 одномандатников, «Справедливая Россия» и ЛДПР – по 34 группы и 31 одномандатнику, КПРФ – 34 группы и 32 одномандатников. Кроме того, так и не зарегистрированное «ЯБЛОКО» сформировало 24 территориальные группы, но не выдвинуло не одного кандидата-одномандатника, а «Правое дело», наоборот, выдвинуло 10 кандидатов по одномандатным округам без территориальных групп⁶.

Наиболее же заметно упомянутые вялость и невыразительность партийных избирательных кампаний проявились в агитационно-рекламном направлении, что было связано как с общим упадком в сфере публичной политики, так и с централизацией партийных машин, расширением административного вмешательства в электоральный процесс, а также с убежденностью партий в своей популярности в сочетании с уверенностью в сохранении парламентского статуса в обмен на лояльность системе. Кроме того, при принятии депутатами краевого Законодательного собрания решения о совмещении выборов немало важную роль сыграл их расчет переизбраться за счет федеральной раскрутки и федеральных ресурсов.

Основным средством партийной агитации в регионах, в частности в Алтайском крае, стали спецвыпуски партийных газет, в которых размещалась информация о кандидатах, деятельности партий на федеральном и региональ-

⁵По данным опроса избирателей Алтайского края, проведенного Центром политического анализа и технологий АлтГУ в апреле 2012 г. (выборка составила 763 чел.), партиям доверяло 3,8% респондентов.

⁶Сведения о кандидатах в депутаты Алтайского краевого Законодательного Собрания шестого созыва (<http://www.altai-terr.izbirkom.ru/WAY/486BE470-6A07-4F5C-B46D-FF0241FB8449.html>).

ном уровне, отзывы-рекомендации известных людей, некоторые подобию программных выступлений. Выполненные однотипно, без учета интересов и потребностей избирателей, дизайнерски примитивно, эти материалы не вызвали интереса у населения. Другие же форматы либо отсутствовали, либо также не привлекали внимания. Агитационная работа проводилась методом «от двери к двери», при этом ее эффективность оценивалась только в количественном отношении (число обойденных домов и квартир) без учета качества агитации.

Особенно значительно трансформировались, в частности в Алтайском крае, кампании кандидатов в депутаты краевого Законодательного собрания, вошедших в партийные списки. В условиях совмещенных выборов, при явном «перекосе» в сторону федеральной кампании единственно возможной формой агитации для них, по сути, стали встречи с избирателями, особенно в малых городах и сельской местности.

В целом на думских выборах «Единая Россия» набрала в крае 37,2% голосов, ухудшив свои показатели по сравнению с 2007 г. на 17,5%⁷. Поддержка остальных парламентских партий, напротив, увеличилась – КПРФ набрала 24,7% (+7,8%), ЛДПР – 16,6% (+6,8%), «Справедливая Россия» – 16,1% (+7,4%). Даже «ЯБЛОКО» поддержали 2,4% избирателей, хотя четыре годами ранее его рейтинг, как и у СПС, составлял чуть более 1%. Ну а фактически не проводившие избирательных кампаний «Патриоты России» и «Правое дело» получили менее 1% голосов⁸.

Практически та же картина наблюдалась и по итогам выборов в Алтайское краевое Законодательное собрание, к участию в которых, как и в 2008 г., были допущены только четыре парламентские партии: 39,8% у «Единой России» (–13,6%⁹), 25,4% у КПРФ (+5,8%), 16,6% у ЛДПР (+0,1%) и 16% у «Справедливой России» (+8,3%)¹⁰.

Однако итоги данных выборов вряд ли можно считать валидным показателем эффективности партийных избирательных кампаний в регионах. Это скорее отражение протестных настроений в обществе, принявших в аграрно-индустриальном Алтайском крае («второй» и «третьей» России по классификации Н. Зубаревич¹¹) форму голосования за «левые» партии в рамках размежевания «власть–невласть». Электорат этих партий пополнился за счет жителей

⁷Здесь и далее расчеты проведены на основании данных Сводной таблицы ЦИК России о результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 2007 г. (http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100021960186&vrn=100100021960181&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100021960186&type=233).

⁸Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва: протокол избирательной комиссии субъекта Российской Федерации об итогах голосования на территории Алтайского края. – Сайт Избирательной комиссии Алтайского края (<http://www.altai-terr.izbirkom.ru/WAY/1DF30126-A527-4BFC-A9C1-7C956F7C0367.html>).

⁹Алтай в электоральном цикле 2007–2008 гг. – Барнаул, 2008. С. 142.

¹⁰Итоги голосования по выборам депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания шестого созыва. – Сайт Избирательной комиссии Алтайского края (<http://www.altai-terr.izbirkom.ru/WAY/486BE470-6A07-4F5C-B46D-FF0241FB8449.html>).

¹¹Зубаревич Н. Перспектива: четыре России. – Ведомости, № 248, 30.12.2011 (http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii).

сельской местности и малых городов, приверженных консервативным ценностям – сильное государство и общественный порядок. Как показали опросы Центра политического анализа и технологий Алтайского госуниверситета, для большинства из них наиболее значимыми являются социально-экономические проблемы (материальное положение, уровень цен и тарифов на ЖКХ и т.п.), поэтому в 1990-е гг. они поддерживали коммунистов, а в начале 2000-х гг. увидели в «Единой России» гаранта улучшения социально-экономической ситуации в стране. Когда же ожидания не оправдались, разочарованный в «партии власти» избиратель вернулся к прежнему варианту электорального выбора.

В пользу этого свидетельствует и такой любопытный факт: 41% участвовавших в опросе жителей Алтайского края¹² заявили, что при голосовании они ориентировались на программы партий и кандидатов – в то время как таковые программы официально не публиковались; скорее всего, респонденты имели в виду сложившиеся ранее представления об идеологии и программных целях партий. В качестве других мотивов голосования на выборах в Госдуму и АКЗС избиратели называли личность кандидата или лидера партии (35%), их текущую деятельность (26%), свою партийную принадлежность (18%), большую степень информированности (8%) и стремление эффективно использовать свой голос (7%).

Таким образом, анализ деятельности региональных партийных организаций в условиях совмещенных выборов выявил наличие у партий серьезных кадровых и ресурсных проблем, не решенных и даже усугубившихся за десятилетие правовой институционализации. Одно из самых негативных следствий этого – расширение практики партийного франчайзинга, особенно в свете последних новаций партийного и электорального законодательства.

Уже сегодня в регионах интенсифицируется партстроительство, стимулируемое, кроме всего прочего, близостью региональных или крупных муниципальных выборов. Так, в Алтайском крае на настоящий момент зарегистрировано уже более 20 отделений политических партий (Аграрной партии России, «Городов России», ДПР, Народной партии, Партии пенсионеров, СДПР и др.), возглавляемых, как правило, никому не известными персонами. Это возвращает нас ко временам мелких партий корпоративных и групповых интересов, партий-брокеров, клубов, спойлеров и просто партий «про запас», «на всякий случай». Конечно, большинство из них, как и прежде, не смогут составить серьезной конкуренции крупным партиям на федеральном уровне. Однако они способны разнообразить местный политический ландшафт, выступая в качестве инструмента реализации интересов региональных элит. Возможно, это признак возобновления искусственно прерванного процесса развития партийной системы на основе конкуренции – если только всем этим партиям изначально не отведена роль статистов, ни одному из которых административные барьеры никогда не позволят стать значимым политическим актором.

¹²Опрос проведен Центром политического анализа и технологий АлтГУ в апреле 2012 г. в 3 городах и 5 районах Алтайского края. Опрошено 763 человека.

III. «ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

Любарев А.Е.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В СВЕТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ 2012 г.

Стержнем политической реформы, провозглашенной Д.А. Медведевым в Послании Федеральному собранию 2011 г. и реализованной в ряде федеральных законов (апрель–май 2012 г.), можно считать либерализацию порядка регистрации политических партий. О смысле и последствиях этого шага много спорят. В данной работе предпринята попытка не только оценить то, что сделано, но и отметить те препятствия для развития партийной системы, которые сохранены в действующем законодательстве.

1. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ПАРТИЙ

В конце 2011 г. российская партийная система пребывала в плачевном состоянии. Она насчитывала всего семь политических партий, а попытки создания новых партий успеха не имели¹. При этом, как показали выборы в Государственную Думу 2011 г., две партии («Патриоты России» и «Правое дело») практически не пользовались поддержкой избирателей (менее 1%).

Такая ситуация обусловлена тремя факторами. Это, во-первых, неудачная концепция Федерального закона «О политических партиях», предусматривающего в качестве главного критерия дееспособности партии ее численность². Во-вторых, изменения, внесенные в этот закон в 2004–2005 гг.: увеличение критерия численности с 10 до 50 тыс., требование представлять в регистрирующий орган список членов и др. В-третьих, репрессивная правоприменительная практика. Так, проверки численности политических партий проводились в 2006 г. безо всякого регламента, с привлечением сотрудников органов вну-

¹Подробно об истории развития российских партий см.: Коргунок Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. – М., 2007; Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволуция. – М., 2011.

²О неадекватности критерия численности см. Любарев А.Е. Является ли численность партии индикатором ее общественной поддержки. – Право и политика, 2010, № 3. С. 462–469.

тренних дел³. Впоследствии вновь создаваемые партии неизменно получали отказы в регистрации, и часто на весьма сомнительных основаниях. Можно добавить и четвертый фактор – ухудшение избирательного законодательства (повышение заградительных барьеров, ужесточение правил регистрации кандидатов и партийных списков и др.) вкуче с усилением репрессивной правоприменительной практики на выборах.

В 2008–2010 гг. по инициативе Д.А. Медведева предпринимались некоторые попытки исправить ситуацию (позапное снижение критерия численности до 45, а затем до 40 тыс.; выделение одного-двух мандатов партиям, набравшим от 5 до 7%; право непарламентских партий раз в год выступать в органах законодательной власти всех уровней, а также участвовать в работе Центральной и региональных избирательных комиссий), однако такие робкие меры не могли существенно улучшить положение.

В конце 2011 г. картина кардинально изменилась. Важную роль сыграло развернувшееся после выборов в Государственную Думу протестное движение: в требования массовых митингов были включены такие пункты, как регистрация оппозиционных партий и принятие демократического законодательства о партиях. Еще более важным стимулом стал, на мой взгляд, не вполне удачный результат «Единой России» на выборах 4 декабря 2011 г.: несмотря на высокий уровень фальсификаций, партия получила, по официальным данным, менее 50% голосов. Этот «провал» показал, что прежняя стратегия власти, направленная на минимизацию числа партий и придание им нишевого характера (возможность мобилизовать поддержку лишь ограниченных слоев избирателей), себя исчерпала: ее сломал выдвинутый А.А. Навальным лозунг «Голосуй за любую другую партию»⁴. Добавился и ряд других обстоятельств: в частности, решение ЕСПЧ от 12 апреля 2011 г. – о том, что ликвидация Республиканской партии России не соответствовала международным стандартам, – по сути, поставило под сомнение и законодательство о политических партиях⁵.

В этих условиях руководство страны приняло радикальное решение: снизить планку численности политической партии сразу в 80 раз (с 40 тыс. до 500 человек). Одновременно были отменены требования к минимальной численности региональных отделений партий⁶ (на тот момент – 400 членов для более чем половины регионов и 150 для остальных).

Такое решение, безусловно, должно сыграть положительную роль в плане обеспечения права граждан на объединение в политические партии, развития

³Подробнее об этом см.: Мониторинг демократических процедур. – Бюллетень № 2, февраль 2007. С. 30–40; Мониторинг демократических процедур. – Бюллетень № 4, август 2007. С. 88–127.

⁴Подробнее об этом см.: Голосов Г. Кремлевская перезагрузка партийной системы. – Полит.ру, 02.04.2012, 08.55. (<http://www.polit.ru/article/2012/04/02/reset>); Голосов Г. Партийная реформа Дмитрия Медведева. – Полит.ру, 21.06.2012, 18.36 (<http://www.polit.ru/article/2012/06/21/ref>).

⁵Решение ЕСПЧ по Республиканской партии России вступило в силу. – Новости нового века, 13.10.2011 (<http://www.ncnews.su/2011-10-13/reshenie-espch-po-respublikanskoj-partii-rossii-vstupilo-v-silu>).

⁶При этом возникла неопределенность касательно минимальной численности регионального отделения – один-два члена или всё же три.

политического плюрализма и многопартийности, повышения конкурентности выборов. В то же время нетрудно догадаться, что столь резкий разворот объясняется прежде всего сменой тактики в кремлевской стратегии «управления демократией»: «нишевая малопартийность» заменяется курсом на распыление оппозиционных голосов между большим числом разнообразных партий.

Главное, однако, в том, что принятый в результате реализации декабрьской инициативы президента Федеральный закон от 2 апреля 2012 г. № 28-ФЗ устранил лишь два существенных препятствия для развития политических партий. Все остальные сохранились.

Прежде всего – остается возможность ликвидации партии по причине недостаточной численности. Этот пункт – богатейший источник злоупотреблений, к тому же он ставит партии в зависимость от органов исполнительной власти, проверяющих их численность. Добавим обязанность политической партии представлять в государственные органы список членского состава, что позволяет осуществлять давление на членов оппозиционных партий. Осталось и множество возможностей для вмешательства органов власти во внутренние дела партий (в том числе под предлогом защиты прав членов партии, пусть даже сами они такой защиты не требуют).

Сохранились широкие и расплывчатые основания для отказа политическим партиям в регистрации, создающие возможности для произвола и дискриминации (два подпункта пункта 1 статьи 20):

а) положения устава политической партии противоречат Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, настоящему Федеральному закону и иным федеральным законам;

г) федеральным уполномоченным органом установлено, что содержащаяся в представленных для государственной регистрации политической партии документах информация не соответствует требованиям настоящего Федерального закона.

В последние годы именно эти положения (а не недостаточная численность) использовались Минюстом для отказов в регистрации вновь создаваемых политических партий. Так, у Партии народной свободы (ПАРНАС) были обнаружены противоречия ее устава закону «О некоммерческих организациях» (сработал подпункт «а»), а также то, что в представленных ею документах членами партии значится небольшое число людей, умерших до проведения учредительного съезда, несовершеннолетних или не зарегистрированных на территории соответствующего региона (сработал подпункт «г»).

Понятно, что при горячем желании всегда можно найти противоречия между одним многостраничным документом и десятком других многостраничных документов. Что касается несоответствия закону информации, содержащейся в партийных документах, то практика Минюста свидетельствует, что и здесь о соразмерности нарушения и санкции речи не идет: основанием для отказа может стать даже одно-единственное несоответствие.

Правда, среди новшеств, внесенных упомянутым законом, есть положение, позволяющее в случае выявления нарушений не отказывать партии в регистрации, а приостанавливать ее регистрацию до устранения выявленных нарушений. Однако это положение сформулировано таким образом, что Минюст имеет полную свободу выбора: независимо от количества и степени тяжести нарушений одним партиям отказать в регистрации, к другим же отнестись более снисходительно; сроки для исправления нарушений – тоже оставлены на усмотрение Минюста.

Легко предвидеть, что отношение регистрирующего органа к разным партиям не будет одинаковым. Понятно, что в условиях, когда в течение года заявки на регистрацию подают около десятка партий, их документы можно проверять очень тщательно. Если же количество заявок достигает нескольких десятков или даже сотен, всех проверять с пристрастием не станут. Наверняка будут зарегистрированы десятки партий, не являющиеся серьезной политической силой, а значит, не страшные для власти. Но велика вероятность, что значимым политическим проектам (а таких не может быть много) по-прежнему будут отказывать в регистрации. Однако с точки зрения количественных показателей всё будет в порядке: зарегистрировали сто партий, отказали всего пяти – ну не умеют они писать устав, а мы не виноваты.

Не урегулирована должным образом процедура государственной регистрации изменений, вносимых в учредительные документы партии, а также в сведения о партии, содержащиеся в ЕГРЮЛ. Дело в том, что Федеральный закон «О политических партиях» был принят раньше Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». После принятия последнего в закон о партиях были внесены некоторые изменения, но полностью в соответствие с законом о регистрации он приведен не был. В законе о партиях сохранилось нерасчлененное понятие «регистрация политической партии», тогда как в «регистрационном» законе разделены регистрации создания, преобразования, ликвидации, внесения изменений в учредительные документы и внесения изменений в сведения, содержащиеся в ЕГРЮЛ. Именно эта неурегулированность позволила Росрегистрации в 2005–2006 гг. фактически заблокировать деятельность Республиканской партии России, что впоследствии было дезавуировано ЕСПЧ.

Резко снизив минимальную численность политической партии, законодатели оставили неизменными другие нормы, вполне вписывавшиеся в концепцию «принуждения к массовости», но превращающиеся в анахронизм в новых условиях.

Так, сохраняется сложный порядок создания партии, включающий образование и регистрацию оргкомитета, регистрацию партии и последующую регистрацию региональных отделений. Особенно неадекватным выглядит требование обязательной государственной регистрации региональных отделений партии: при том, что в отделении может быть всего три члена, а средняя численность отделений партии в 500 членов составит от 6 до 12 человек, отделения вынуж-

дены будут обзаводиться бюрократическим аппаратом для обслуживания всех функций юридического лица – с соответствующими расходами.

Одним из явно показушных нововведений является изменение периодичности отчетов перед Минюстом (сведения о количестве отделений и их численности, а также об участии в выборах) с ежегодной до одного раза в три года. При этом сохранена гораздо более обременительная ежеквартальная финансовая отчетность партии и ее региональных отделений перед избиркомами.

Стоит также отметить, что, несмотря на декларируемую в течение десятка лет цель – укрупнение партий, – в Федеральном законе «О политических партиях» не предусмотрен удобный механизм объединения партий. На практике для объединения нескольких партий нужно было, чтобы все они, кроме одной, самоликвидировались, а их члены вступали в оставшуюся партию в индивидуальном порядке. Именно так была создана «Справедливая Россия». Другой вариант – самоликвидация всех партий и создание объединенной партии формально заново; так возникло «Правое дело». В обоих реализованных случаях объединение проходило под патронажем администрации президента, и вряд ли подобные слияния могли произойти неадминистративным путем. Позднее оказалось возможным объединять партии на основе Гражданского кодекса РФ, что, однако, не отменяет необходимости предусмотреть соответствующий механизм в законе о политических партиях, поскольку политические партии являются субъектом в первую очередь публичного, а не частного права.

Объединению партий прежде способствовала также возможность создавать на выборах избирательные блоки. Она была отменена в 2005 г., что явилось еще одним препятствием для развития партийной системы. Сейчас, когда создаются десятки новых партий, восстановление возможности их блокирования на выборах представляется совершенно необходимым. При этом, я полагаю, не обязательно возвращаться именно к модели избирательных блоков, которая имеет существенные недостатки и на практике не часто приводила к созданию подлинно межпартийных коалиций, – могут быть рассмотрены и иные варианты, в частности модель соединения списков⁷.

Помимо обновления закона «О политических партиях» было изменено и избирательное законодательство, что окажет несомненное влияние на развитие партийной системы. Наиболее значительным изменением (Федеральный закон от 2 мая 2012 г. № 41-ФЗ) является отмена сбора подписей в поддержку как партийных списков, так и кандидатов, выдвинутых любыми политическими партиями. Формально эти новшества направлены на облегчение участия партий в выборах, однако в реальности они будут не столько способствовать свободному развитию партий, сколько стимулировать создание бизнес-проектов по торговле правом выдвижения кандидатов. Хорошо известно, какие коллизии случаются при регистрации по подписям – при большом желании можно

⁷Избирательный кодекс Российской Федерации – основа модернизации политической системы России / Под ред. А.Е. Любарева. – М., 2011. С. 107–113.

забраковать подписи у любого кандидата. Кроме того, даже при снижении числа требуемых подписей с 2 до 0,5% (что предусмотрено тем же законом) возникает парадоксальная ситуация: на выборах мэров крупных городов (более 100 тыс. избирателей) и законодательных органов крупных регионов (2–3 миллиона избирателей и более) по одномандатным округам требуется собрать более 500 подписей – на ограниченной территории и в ограниченное время, в то время как для создания политической партии нужно иметь 500 человек, проживающих на территории всей страны.

Поэтому освобождение всех партий от сбора подписей избирателей является, по моему мнению, более сильным стимулом для создания партий, чем собственно либерализация партийного законодательства. Даже у местных политиков может возникнуть соблазн создать собственную партию – хотя бы для того, чтобы не заниматься сбором подписей. Ну а в ходе избирательных кампаний неизбежно появится спрос на услуги по партийному выдвижению кандидатов, поэтому неудивительно, что бизнес-проекты по обеспечению этого спроса предложением начали расти как грибы.

Дополнительный вклад вносят дискриминирующие самовыдвиженцев положения Федерального закона от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ, восстановившего губернаторские выборы. Допускать самовыдвижение на этих выборах или нет – отдано на усмотрение региональных законодателей, и в большинстве регионов решено – не допускать. Но даже там, где самовыдвиженцам открыли дверь, им надо собирать не только подписи муниципальных депутатов (как и партийным кандидатам), но и подписи избирателей, причем в количестве 0,5–2% от их списочного числа. Учитывая, что в законе сохранены положения, предусматривающие ликвидацию политических партий, не принимавших участия в определенном количестве выборов, вновь созданные партии постараются отметиться на всех выборах, до каких сумеют дотянуться, – в первую очередь по партийным спискам (тем более что это не потребует особых усилий). В результате число участников выборов может чрезмерно возрасти, что затруднит избирателям выбор и будет препятствовать прохождению в представительные органы партий, имеющих поддержку избирателей, близкую к 5–7%.

Таким образом, освобождение всех партий от сбора подписей в целом скорее затруднит развитие настоящих партий, нацеленных на реальное представительство политических интересов российских граждан.

Еще одним тормозом для развития партийной системы может оказаться федеральный закон, предусматривающий проведение основной части выборов не дважды, а единожды в год (если он всё же будет принят⁸). Поскольку партии развиваются в основном от выборов к выборам, сокращение частоты проведения выборов неизбежно замедлит процесс их развития⁹.

⁸Принят Государственной Думой 3 июля 2012 г., но отклонен Советом Федерации 18 июля 2012 г. с созданием согласительной комиссии.

⁹Подробнее о негативных последствиях принятия этого закона см.: Кынев А. Единый избирательный бред. – Газета.ру, 21.06.2012 (http://www.gazeta.ru/comments/2012/06/21_x_4634517.shtml).

2. ПЕРВЫЕ ИТОГИ РЕФОРМЫ И ПОПЫТКА ПРОГНОЗА

В СМИ активно обсуждается информация о создании почти двух сотен оргкомитетов новых политических партий. Однако при этом часто забывают, что и прежде в оргкомитетах недостатка не было – их образование не требовало больших усилий и по старой версии закона. Так, по данным, размещенным на сайте Минюста 4 июня 2012 г., за период с 6 июля по 21 декабря 2011 г. (то есть еще до объявления партийной реформы) было создано 19 оргкомитетов политических партий. Разумеется, объявление о реформе, а затем и быстрое принятие соответствующего закона стимулировали образование большого числа оргкомитетов. По тем же данным Минюста, за период с 22 декабря 2011 г. по 28 февраля 2012 г. (когда законопроект был принят в первом чтении) появилось 30 оргкомитетов, с 28 февраля по 2 апреля (когда закон был подписан президентом) – 48 оргкомитетов, с 4 апреля по 29 мая – 75 оргкомитетов¹⁰. Еще 25 штук – в последующий месяц.

Еще в апреле нынешнего года Г.В. Голосов, проанализировав информацию о 107 оргкомитетах, пришел к выводу, что только 17 из них можно рассматривать как проекты, явно преследующие политические цели. Остальные 90 – либо предназначены для удовлетворения каких-то потребностей их создателей, либо являются чисто коммерческими проектами (в частности, создание партий «под ключ» на продажу)¹¹. Позднее аналитики обратили внимание, что ряд оргкомитетов был образован, чтобы «застолбить» привлекательные и/или памятные названия и тем самым заблокировать создание партий с такими именами. Конечно, далеко не все из двух сотен заявленных проектов будут реализованы. Часть отсеется на первом же этапе, не проведя учредительного съезда. Другие получают отказы в регистрации – из-за неудачного (т.е. не соответствующего требованиям закона) названия, недостатков устава или иных документов. Третьи не смогут в течение полугода зарегистрировать 42 региональных отделения.

Первые итоги регистрации позволяют оценить успешность двух ее начальных этапов. За период с апреля по начало июля 2012 г. Минюст зарегистрировал 26 новых политических партий, 19 из них к 20 июля получили право участвовать в выборах. Исходя из этих данных можно предположить, что к 2013 г. количество партий, прошедших полный цикл регистрации и получивших право участвовать в выборах, скорее всего, составит чуть меньше сотни.

Однако гораздо важнее не то, сколько у нас будет политических партий, а каковы перспективы превращения этих партий в серьезную политическую силу. Чтобы оценить эти перспективы, полезно обратиться к опыту формирования и функционирования российской многопартийности в 2001–2006 гг. – с учетом отличий того периода от нынешнего.

Одним из таких отличий является то обстоятельство, что создаваемые в

¹⁰Эти цифры немного занижены, поскольку не учитывают оргкомитеты, успевшие провести учредительные съезды и по этой причине прекратившие существование. Кроме того, на сайте Минюста не отражены процессы создания политических партий путем преобразования из непартийных общественных объединений.

¹¹Голосов Г. Кто все эти партии? – Слон.ру, 16.04.2012, 12.30 (http://slon.ru/russia/kto_vse_eti_partii-778209.xhtml).

2001–2003 гг. партии должны были сразу дебютировать на выборах в Государственную Думу (либо пропустить цикл). До декабря 2003 г. региональные выборы по партийным спискам не были обязательными, и за весь период 2001–2003 гг. такие выборы прошли лишь в трех субъектах РФ. Сейчас ситуация иная. Даже если частота основных выборов сократится до одного раза в год, что уменьшит возможности новых партий постепенно «набирать вес», то и в этом случае до выборов в Госдуму предстоят единые дни голосования с большим числом региональных и муниципальных выборов в 2013, 2014 и 2015 гг.¹² Напомним, что по ныне действующему законодательству обязательно проведение выборов по партийным спискам не только в региональные парламенты, но и в представительные органы городских округов с населением не менее 30 тыс. человек, а также иных городских округов и муниципальных районов, где эти органы насчитывают не менее 20 депутатов.

В связи с этим возможны две крайние стратегии для политиков, создающих новые партии. Первая – активно участвовать в региональных и муниципальных выборах, приобретая опыт и добиваясь максимально возможного успеха, чтобы к 2016 г. сформировать имидж успешной партии, который на выборах в Госдуму позволит привлечь популярных лиц в список, деньги спонсоров, а также внимание СМИ¹³. Вторая – до 2016 г. не участвовать ни в каких кампаниях и выйти на думские выборы в качестве абсолютно нового игрока, надеясь обратить эту новизну в свою пользу. В этом случае они могут сейчас не спешить создавать свои партии.

Какая из двух стратегий окажется более успешной, зависит от многих обстоятельств, которые трудно предусмотреть заранее. Прежде всего – от того, как будут меняться в ближайшие годы настроения электората. Но не менее важны также настроение и поведение власти. Если сохранится линия на исключительную поддержку «Единой России» и губернаторам по-прежнему будут спускать «плановые показатели» (к тому же завышенные) в виде процентов, которые «Единая Россия» должна получить на выборах, шансы новых партий на региональных выборах будут невысоки.

Если же позиция власти вернется к положению 2004 г., когда губернаторам позволялось «раскладывать яйца по разным корзинам», ситуация на региональных и муниципальных выборах станет более интересной. В регионах начнется борьба разных «партий власти» – «Единая Россия» против «партии губернатора», «партии мэра» и т.п. Скорее всего, в этом случае каждый губернатор будет стремиться выбрать «эксклюзивный» партийный проект, и у новых игроков (в том числе у партий – бизнес-проектов) появятся реальные перспективы. Наиболее привлекательными при этом окажутся партии с красивыми «всеядными» названиями (Народная партия России, «Города России» и т.п.).

Что касается идеологических партий, то к ним власть при любой погоде относится плохо, и потому их шансы зависят главным образом от симпатий электората.

¹²Выборы в октябре 2012 г. в этом смысле менее значимы, поскольку к моменту их назначения большинство новых партий еще не успели пройти полный цикл регистрации и получить право участия в выборах.

¹³С другой стороны, опыт показывает, что партия, успешно выступившая на региональных выборах, которые предшествовали выборам в Государственную Думу, в ходе последних часто становится объектом жесткого административного давления.

Иванова М.В.

«ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ» ПАРТИЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПОСЛЕ ДЕКАБРЯ 2011 Г.

После масштабных акций протеста против фальсификаций на выборах, прошедших в декабре 2011 г. в крупных российских городах, руководители страны публично заявили о необходимости масштабных политических реформ¹. И действительно, после выборов президента последовал ряд изменений в федеральном законодательстве. Наиболее существенными из этих преобразований принято считать изменение порядка избрания глав регионов, снижение минимальной численности политических партий, отмену сбора подписей для участия в публичных мероприятиях. Заинтересованная общественность и экспертное сообщество весьма скептически оценили большинство законодательных новаций². Однако в данной статье речь пойдет только о влиянии произведенных изменений на условия существования политических партий.

В общественном сознании уже закрепилось наименование всех этих новшеств как «либерализация партийного законодательства»³, эксперты называют их также партийной реформой⁴ или частью электоральных реформ⁵. Изменения, касающиеся политических партий, восприняты более позитивно в отличие, например, от изменения порядка избрания губернаторов. Снижение минимальной численности партий трактуется как «восстановление свободы политических объединений»⁶, которое усилит конкуренцию между партийными проектами⁷. Одновременно эксперты отмечают, что снятие одного из препятствий для регистрации партий вызовет рост числа партий-спойлеров, а это, в свою очередь, приведет к усилению фрагментации партийной системы и распылению оппозиционного электората, в связи с чем делается вывод, что таким образом реализуется стратегия на укрепление позиций доминирующей партии, поэтому «либерализация законодательства» послужит на пользу в первую очередь «Единой России». Кроме того, выдвигаются различные предположения относительно того, сколько партий в конце концов будет зарегистрировано, разброс мнений – от 30 до 40 партий⁸.

¹Медведев Д.А. Послание Президента Федеральному Собранию. – Официальный сайт Президента России, 22.12.2011, 13:00 (<http://news.kremlin.ru/news/14088/print>); Стенограмма программы «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение». – Российская газета, 15.12.2011, 17:00 (<http://www.rg.ru/2011/12/15/stenogramma.html>).

²См., например: Сонин К. Демократия по-русски. – Ведомости, № 101(3115), 04.06.2012 (http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1812496/demokratiya_porusski).

³Родин И. Минюст в ожидании расцвета 100 цветов. – Независимая газета, 15.06.2012. (http://www.ng.ru/politics/2012-06-15/1_minjust.html).

⁴Голосов Г.В. Партийная реформа Дмитрия Медведева. – Полит.ру, 21.06.2012, 18:36 (<http://polit.ru/article/2012/06/21/ref>).

⁵Кынев А.В. Партий много не бывает. – Газета.ру, 25.04.2012, 13:09 (http://www.gazeta.ru/comments/2012/04/25_x_4562897.shtml).

⁶Голосов Г.В. Партийная реформа Дмитрия Медведева...

⁷Кынев А.В. Партий много не бывает...

⁸Кынев А.В. Партий много не бывает...; В.Чуров обещает до 30 партий на выборах в октябре. – РБК.ру, 20.06.2012 (<http://top.rbc.ru/politics/20/06/2012/655983.shtml>).

В свете всего сказанного возникает ряд вопросов. Чем и как трансформации, обусловленные обновленным законодательством о партиях, отличаются от тех, что проводились ранее? Можно ли считать осуществленные изменения новой партийной реформой, или же это продолжение прежнего курса по отношению к политическим партиям? Изменился ли этот курс? Для ответа на эти вопросы обратимся сначала к предшествующим событиям и проследим, что происходило с политическими партиями с момента окончания партийной реформы до начала проведения в жизнь изменений, причиной которых считают всплеск протестного движения декабря 2011 г.

Политические партии как институт уже с 1999 г. стали объектом отдельного политического курса, называемого партийной реформой. Под партийной реформой принято понимать серию законодательных мероприятий, инициированных федеральным центром в 2001–2007 гг. и направленных на повышение значения и роли партий в политической жизни страны.

Партийная реформа предполагала внедрение в законодательство норм как ограничивающих деятельность политических партий, так и усиливающих их значимость в политической системе, часто в ущерб другим политическим институтам. В конечном итоге на политические партии, с одной стороны, была возложена функция посредника между избирателями и элитами, а с другой, их возможности для реализации данной функции были ограничены. Причем эти ограничения оказались связаны не только с законодательными новациями 2001–2007 гг., но и с условиями существования политических партий, задаваемыми российским политическим пространством.

Основными направлениями партийной реформы являлись: 1) стимулирование политических элит, в т.ч. региональных, к вступлению в ряды партий; 2) вовлечение партий в политический процесс не только в периоды федеральных избирательных кампаний, но и между ними; 3) ограничение доступа в партийную систему, в результате чего количество политических партий сократилось с нескольких десятков до семи; 4) создание партий не «с нуля», а на основе уже существующих организаций, обладающих региональной сетью; 5) превращение партий в «инструменты воздействия на регионы со стороны федерального центра»⁹; 6) установление контроля над партиями со стороны органов государственной власти, в частности через механизм регистрации; 7) передача политическим партиям преимуществ в сравнении с другими участниками политического процесса.

Собственно, изменения, касавшиеся политических партий, вносились в законодательство постоянно. Так, уже после окончания электорального цикла 2007–2008 гг., подведшего черту под основными событиями партийной реформы, был принят целый ряд нововведений, следовавших ранее намеченному курсу и носивших уточняющий характер по отношению к основным направлениям реформы.

Отмена избирательного залога¹⁰ значительно усилила значимость полити-

⁹Гельман В.Я. Трансформация российской партийной системы. – Полит.ру, 14.03.2008, 09:32 (<http://www.polit.ru/lectures/2008/03/14/gelman.html>).

¹⁰Федеральный закон № 3-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с отменой избирательного залога при проведении выборов» от 9 февраля 2009 г. – Российская газета, № 4846, 11 февраля 2009 г.

ческих партий при выдвижении кандидатов на муниципальных и региональных выборах. Сбор подписей был делом слишком затратным и рискованным для оппозиционных кандидатов, поэтому они предпочитали процедуру выдвижения через избирательный залог. После его отмены только посредничество политических партий могло обеспечить гарантированное выдвижение для кандидатов от оппозиции. А когда права выдвигать кандидатов на муниципальных выборах были лишены и общественные организации, политические партии остались единственным правомочным субъектом выдвижения, в том числе на уровне МСУ¹¹.

Позже от сбора подписей были освобождены партии, набравшие на выборах в Государственную Думу от 5 до 7% голосов, а потом и партии, имеющие представительство как минимум в трети региональных парламентов. Затем партии, преодолевшие пятипроцентный барьер на выборах в органы представительной власти, получили право на один мандат в Госдуме либо региональном собрании¹². Данные изменения несколько расширили возможности участия в муниципальных и региональных выборах для зарегистрированных внепарламентских партий, однако общей ситуации не изменили, поскольку касались только «ЯБЛОКА», «Патриотов России» и «Правого дела», чье участие в муниципальных выборах с момента вступления закона в силу и до избирательного цикла 2011–2012 гг. было незначительным. Кроме того, был урегулирован вопрос о предоставлении бесплатного эфирного времени в периоды избирательных кампаний – причем в пользу партий. Право на бесплатное эфирное время обуславливалось результатом, полученным на предыдущих выборах¹³, что освобождало от оплаты эфира в случае недобора голосов во время текущей избирательной кампании. Опыт политических партий, например «ЯБЛОКА», показывает, что обязанность оплачивать «бесплатное» эфирное время, установленная более ранней версией закона, чревата банкротством партии и усилением ее зависимости от регистрирующих органов власти¹⁴.

Накануне избирательной кампании 2011 г. был введен ряд новаций, облегчающих формирование списков политических партий и их избирательных фондов. В частности, было увеличено число кандидатов в общефедеральной части списка – с 3 до 10¹⁵, уменьшено минимальное число региональных

¹¹Федеральный закон № 42-ФЗ «О внесении изменений в статьи 25 и 26 Федерального закона “О политических партиях” и Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”». – Российская газета, № 4884, 5 апреля 2009 г.

¹²Федеральный закон № 94-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с повышением представительства избирателей в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации». – Российская газета, № 4911, 15 мая 2009 г.; Федеральный закон № 63-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с повышением представительства избирателей в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ и освобождением от сбора подписей избирателей политических партий, списки кандидатов которых получили депутатские мандаты в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ». – Российская газета, № 5167, 22 апреля 2010 г.

¹³Федеральный закон № 203-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах в части предоставления эфирного времени и печатной площади для проведения предвыборной агитации». – Российская газета, № 4956, 19 июля 2009 г.

¹⁴«ЯБЛОКО» сможет выплатить долг за бесплатное эфирное время. – Газета.ру, 15.12.2007, 18.07 (http://sport.gazeta.ru/news/lenta/2007/12/15/n_1153334.shtml).

¹⁵Федеральный закон № 17-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”». – Российская газета, № 5416, 23 февраля 2011 г.

групп¹⁶, увеличены предельные суммы расходов избирательных фондов – с 400 до 700 млн рублей на федеральном уровне и в 1,75–2,5 раза на региональном (в зависимости от числа избирателей в регионе)¹⁷.

Был также облегчен порядок участия партий в муниципальных выборах: представительные органы МСУ, в которые входит не менее 20 депутатов, должны избираться как минимум наполовину по пропорциональной системе¹⁸. Кроме того, партиям разрешено не представлять заверенные копии своих уставов при выдвижении кандидатов-одномандатников или списков¹⁹. Данное изменение значительно упростило и ускорило процедуру подачи документов в избирательные комиссии, избавив партии от заверения и рассылки десятков копий устава. Наконец, уже летом 2011 г. руководящие органы партий (центральный и региональные) были наделены правом влиять на очередность получения депутатских мандатов, которые оказались вакантными²⁰. Участие партийного руководства в перераспределении мандатов позволило сделать этот процесс более гибким и более выгодным для партий, что увеличило их ресурсный потенциал в межвыборные периоды.

Таким образом, изменения в партийном законодательстве, произведенные в период между партийной реформой и избирательным циклом 2011–2012 гг., дополняли основные направления реформы, не меняя их по существу.

Отмена избирательного залога на выборах всех уровней, преференции партиям при выдвижении списков и кандидатов-одномандатников, частичное введение пропорциональной системы при формировании муниципальных представительных органов – всё было направлено на «партизацию» региональных элит и одновременно способствовало сохранению роли партий в политических системах регионов. Ни один законопроект 2008–2011 гг., касавшийся политических партий, не ущемлял формально их интересов, более того, преференции лишь умножались, например «утешительный мандат» для партий, получивших более 5% голосов, или увеличение объема «белых» партийных касс. Вместе с тем ни один законопроект не упрощал регистрацию политических партий.

Изменения, введенные в законодательство о партиях после декабря 2011 г., были сформулированы в нескольких законопроектах. Прежде всего это принятый 2 апреля 2012 г. ФЗ № 28 «О внесении изменений в Федераль-

¹⁶Федеральный закон № 17-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”». – Российская газета, № 5416, 23 февраля 2011 г.

¹⁷Федеральный закон № 384-ФЗ «О внесении изменений в статью 64 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”». – Российская газета, № 5372, 23 декабря 2010 г.

¹⁸Федеральный закон № 38-ФЗ «О внесении изменений в статьи 35 и 38 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” в связи с применением пропорциональной избирательной системы на выборах депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов». – Российская газета, № 5439, 20 марта 2011 г.

¹⁹Федеральный закон № 259-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – Российская газета, № 5538, 23 июля 2011 г.

²⁰Федеральный закон № 263-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с уточнением порядка досрочного прекращения полномочий депутата и замещения вакантных депутатских мандатов». – Российская газета, № 5538, 25 июля 2011 г.

ный закон «О политических партиях»», который определил нижнюю планку численности партий в 500 человек. Однако требование о наличии отделений как минимум в 42 регионах сохранилось, поэтому наиболее быстрый способ создания политической партии по-прежнему заключается в преобразовании из организации с «готовой» региональной сетью. Для партий, создаваемых «с нуля», это осложняет вход в партийную систему, а значит, препятствует развитию последней. Кроме того, каждое региональное отделение, являясь юридическим лицом, вне зависимости от своей численности обязано регулярно отчитываться государству (в лице Минюста, налоговой службы и ЦИК) о своей деятельности, что означает необходимость содержать бюрократический аппарат и нести соответствующие расходы.

В то же время снижение минимальной численности считается главной причиной роста количества политических партий. Действительно, после введения данной нормы число партийных оргкомитетов превысило 190²¹, а к середине июля 2012 г. более двух десятков партий получили регистрацию²². Однако нужно отметить, что, даже успешно зарегистрировавшись, новые партии, т.е. созданные после вступления в силу обновленного закона, обязаны «не позднее 1 апреля 2013 года представить в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации сводные финансовые отчеты о поступлении и расходовании средств в 2012 году»²³. Собственно, аналогичное требование предъявлялось и «старым» партиям. Но именно жесткие сроки перерегистрации стали в прошлом переходном периоде причиной ликвидации большинства партий. Так что данная новация полностью соответствует духу правления В.В. Путина. Требования, предъявляемые к финансовым отчетам (в т.ч. сроки их представления), дают возможность ликвидировать любую политическую партию, поскольку именно регистрирующий орган определяет, соответствует ли деятельность партии нормам закона, и вправе приостановить, а затем и отменить ее регистрацию.

Иные новации, затронувшие политические партии, также носят уточняющий характер по отношению к основной партийной реформе. Например, выдвигаясь на губернаторских выборах от партии, кандидат обязан собрать только подписи муниципальных депутатов, тогда как вопрос о том, должны ли кандидаты-самовыдвиженцы дополнительно к депутатским собирать подписи избирателей, предоставлено решать региональным законодателям²⁴. Практика показывает, что почти все регионы решают, что должны.

Таким образом, за политическими партиями остались все преимущества,

²¹Список политических партий, имеющих право в соответствии с Федеральным законом от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» принимать участие в выборах (по состоянию на 25 июля 2012 г.). – Официальный сайт Министерства юстиции РФ (<http://www.minjust.ru/node/2390>).

²²Сведения о действующих организационных комитетах политических партий по состоянию на 27 июля 2012 г. – Официальный сайт Министерства юстиции РФ (<http://www.minjust.ru/node/2162>).

²³Федеральный закон № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О политических партиях”». – Российская газета, № 5746, 2 апреля 2012 г.

²⁴Федеральный закон № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”». – Российская газета, № 5772, 2 мая 2012 г.

предоставленные им партийной реформой, и одновременно не было снято ни одного ограничения, вписанного в порядок регистрации партий или в условия их деятельности. Некоторые положения реформы были уточнены, с использованием присущих реформе методов, и дополнены механизмами, позволяющими даже при увеличении числа партий сохранить в прежнем виде все направления трансформации политических партий как института. Все законодательные новации являются продолжением прежней партийной политики, поэтому существенного изменения роли и места партий в политической системе страны ждать не стоит. Кроме широкого распространения практики использования на выборах партий-спойлеров можно ожидать раскола традиционного электората «старых» партий, а также дестабилизации региональных партийных систем.

Попова О.В.

ПЕРСПЕКТИВЫ МАЛЫХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вопрос о роли малых партий активно обсуждался в политической науке еще в конце 1950-х гг. Из двух крайних оценок их влияния – от декларации неспособности сыграть сколько-нибудь значимую роль в парламенте и оппозиции до признания их буферной функции в политической системе – ни одна в итоге не была признана верной¹. М.Дюверже, обобщая информацию об этих партиях в европейских государствах, весьма снисходительно говорил о них как о карликовых образованиях, которые «количественно крайне слабо представлены в парламенте и кажутся неспособными сыграть значительную роль ни в правительстве, ни в качестве оппозиции»². В сущности, для М.Дюверже малые партии были интересны именно как парламентский инструмент принятия политических решений; взаимосвязь характера политического режима и эффективности действий малых партий, институциональные правила их существования, возможности коалиционных действий и т.д. явно находились вне зоны пристального внимания знаменитого партолога.

М.Дюверже выделял несколько типов малых партий. Согласно наиболее распространенной типологии, два базовых типа – это партии, формирующиеся вокруг личностей, и партии парламентского меньшинства³. Фактически они определяются двумя основными функциями, которые могут осуществлять малые партии в случае прохождения в парламент: вступать в коалицию с определенной политической силой и выполнять задачи лоббирования при продвижении определенного законопроекта. Таким образом, обоим базовым типам отведена роль сателлита, оттеняющего «доктрины и позиции большой партии, чтобы привлечь к себе внимание парламентариев, которых они отпугнули бы, предстань они без этого прикрытия»⁴.

Однако помимо этого встречаются и малые партии-арбитры, от позиции которых полностью зависит исход голосования. Они дорожат этой символической независимостью, своей решающей ролью при голосовании, способной изменить соотношение сил в парламенте, и всячески поддерживают свой статус. В случае когда электоральная поддержка партии слишком незначительна и не позволяет ей пройти в представительный орган власти, руководители партии могут попытаться передать голоса своих сторонников определенному политическому актору, призвав свой электорат голосовать за нужную партию или кандидата. Так что потенциал малых партий отнюдь не исчерпывается

¹Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический проект, 2000. С. 358–367.

²Там же. С. 358.

³Такое деление выглядит несколько странным, поскольку здесь нарушено правило единого основания классификации. Очевидно, что партии парламентского меньшинства могут создаваться вокруг яркого лидера. Более того, достаточно часто это является дополнительным аргументом для избирателей отдать свой голос такой организации.

⁴Дюверже М. Политические партии... С. 362.

функцией парламентского балансира. Обладая достаточно развитой оргструктурой, они могут играть заметную роль даже на государственном уровне, а на локальном и вовсе подчас становятся основной политической силой.

Кроме того, М.Дюверже делил малые партии на непрочные и недолговечные клиентелы, сплотившиеся вокруг влиятельных личностей, и своего рода «штабы без войска» – не имеющие широкой поддержки плохо структурированные организации. Еще одно деление на подвиды, по Дюверже, связано со степенью разработанности идеологической платформы партии. Любопытным в этом плане представляется выделение Дюверже организаций, которые он называет партиями диссидентов и которые объединяют людей, не согласных с идеологической платформой какой-либо большой партии. Достаточно часто встречающийся вариант – малые партии, представляющие интересы компактной устойчивой социальной группы, объединенной по территориальному/конфессиональному/этническому признаку или сформированной на политической/идеологической основе. Исследователь подчеркивал, что важным критерием разделения малых партий является их положение в рамках существующих политических системы и режима: они могут быть как правящими, так и оппозиционными. Наконец, по мнению М.Дюверже, при пропорциональной избирательной системе практически невозможно существование малых «партий-личностей», условия возникновения таковых обеспечивает скорее мажоритарная система.

М.Дюверже интересовало и происхождение малых партий. По этому критерию он выделяет реликты, исторические или географические, и «партии-эмбрионы», провозвестники, несчастье которых заключается в том, что они появились раньше своего времени⁵.

Последующие многочисленные исследования малых партий⁶, главным образом эмпирические, были сосредоточены на роли этих структур в региональных выборах, возможности создания коалиций с их участием или оценке их значения в качестве «третьей» силы при голосованиях в парламенте, определяющих судьбу спорных законопроектов. Ряд ученых обращался к электоральному поведению избирателей или особенностям их политического сознания в ситуации избыточного присутствия малых партий в политическом пространстве.

Важным направлением исследования малых партий является изучение особенностей конкурентной среды во время предвыборных кампаний и в межвыборный период. В этом плане наиболее интересными представляются исследования нелинейного характера развития партий, когда признается несущественным использование одних только количественных параметров оценки политических организаций (численность партии и ее непартийных

⁵Там же. С. 361.

⁶См., например: Developments in British politics / Ed. by P. Dunleavy et al. Basingstoke (Hants.). – London: Macmillan, 2003; Plattner M.F. The trouble with parties // Publ. interest. – N. Y., 2001, № 143. P. 27–44; Young L. Minor parties and the legislative process in the Australian Senate: a study of the 1993 budget // Austral. j. of polit. science. – Canberra, 1999. Vol. 34, № 1. P. 7–27; Les petits partis: De la petitesse en politique: Actes du colloque du Centre de recherches administratives, politiques et sociales, mars 1996 / Sous la direction de Laurent A., Villalba B. P. – Montreal: L' Harmattan, 1997; Громыко А. Мал золотник, да дорог (малые партии в современной Британии) // Современная Европа = Contemporary Europe. – М., 2005. С. 86–102.

сторонников, процент поданных за партию голосов, число депутатов в партийной фракции в законодательных органах различного уровня, доля партийных представителей во властных исполнительных структурах и т.д.). Исключительно важным является изучение электоральных ассоциаций. Кроме того, открытым остается вопрос, могут ли малые партии играть значительную роль в обществах демократического или авторитарного транзита.

Весьма актуален и вопрос о степени дееспособности и эффективности в крайне нестабильной и агрессивной ситуации выборов у организаций с ограниченными аналитическими возможностями («ограниченная рациональность»), неполным доступом к информации и ресурсам («информационная и ресурсная асимметрия»), безосновательно завышенными ожиданиями (политическими претензиями), подчас принимающими форму оппортунизма. Большим соблазном для аналитиков является и возможность рассматривать малые партии как эгоистические субъекты, в условиях электоральной гонки стремящиеся достичь максимальных благ при минимальных издержках. При этом камнем преткновения остается вопрос, можно ли считать, что партия обладает властью, если у нее лишь ничтожное представительство в парламенте, не позволяющее ей влиять на принятие решений, либо вообще никакого.

Важным является и понимание подлинных целей и стратегий малых партий в российских реалиях: откуда и куда партия движется, насколько оптимизированы ее действия. В условиях избыточного числа малых партий было бы наивным полагать, что все они или хотя бы большая их часть действительно стремятся прийти к власти. Определенную часть из них скрытые политические акторы вводят в электоральный процесс в качестве страхующих спарринг-партнеров или партий-киллеров. Разумеется, политические и материальные дивиденды при этом получают только руководители этих партий, интересы же ее членов и сторонников останутся нереализованными.

В зависимости от общих целей малой партии, ее размера и доли политического рынка, ею контролируемой, можно выделить две возможные стратегии: а) «открытое столкновение» (обмен ударами между двумя или несколькими партиями, равными по силе и статусу); б) «набеги» (постоянное доставление партиям-конкурентам максимальных неудобств; задача партии в этом случае – не завоевание симпатий избирателей, а возбуждение антипатий к противнику: выбираются проблемные зоны (темы, проекты, группы электората), где позиции конкурента наиболее слабы, и тщательно подчеркиваются его промахи и просчеты в этих областях).

Хотя партология как направление политической науки развита в России достаточно хорошо⁷, в том числе активно обсуждаются проблемы стратегического управления ресурсами партий⁸, однако малые партии являлись

⁷Достаточно назвать таких авторов, как И.Н. Барыгин, Г.В. Голосов, М.В. Данилов, Б.А. Исаев, Ю.Г. Коргунок, А.Н. Медушевский, Е.Ю. Мелешкина, Г.М. Михалева, П.В. Панов, О.Б. Подвицнев, Л.В. Сморгунов, С.Н. Пшизова, А.И. Соловьев, О.А. Толпыгина и др.

⁸См., например: Малкин Е., Сучков Е. Основы избирательных технологий и партийного строительства. – М.: Русская панорама, 2003; Мейтус В., Мейтус Вл. Политическая партия: стратегия и управление. – М.: Эльга, Ника-Центр, 2004; Мейтус В., Мейтус Вл. Политическая партия: менеджмент избирательной кампании. – М.: Эльга, Ника-Центр, 2005.

предметом интереса скорее историков⁹. Исследования в этой области оказались совершенно неактуальными для России 2000-х гг., когда в результате изменения партийного законодательства¹⁰ число политических партий стало сокращаться как шагреновая кожа.

1. ИЗМЕНЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ»

Казалось бы, Федеральный закон Российской Федерации от 2 апреля 2012 г. № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О политических партиях”»¹¹, принятый в обеспечение либеральной реформы президента РФ Д.А. Медведева, радикальным образом изменит ситуацию. Однако, на наш взгляд, возможности роста политической конкуренции, которые дает этот закон, эфемерны.

Самой спорной оказалась именно та норма, которая и должна в первую очередь облегчить институционализацию политических организаций в нашей стране. Снижение требуемой минимальной численности партий в 80 раз – с 40 тыс. до 500 человек, – несомненно, имело скрытые цели, значимые для федеральной исполнительной власти. С одной стороны, оппозиционно настроенные граждане теперь не имеют морального права сетовать на невозможность создания новых партий и их интеграции в законодательные органы власти. С другой стороны, новые правила, касающиеся условий существования партий, неизбежно приведут к калейдоскопическому мельтешению создаваемых и исчезающих структур, а это, в свою очередь, – к ситуации, когда избиратели будут голосовать либо за хорошо известные им парламентские партии, либо случайным образом.

Для выборов федерального уровня принципиально ничего не изменится, поскольку в законодательстве сохранился запрет на создание избирательных блоков. Введение единого дня голосования, с учетом склонности людей на одновременно проводимых выборах регионального и федерального уровня голосовать за одну и ту же организацию, а также рационального голосования на федеральных выборах (за партию, которая имеет шанс пройти в Госдуму), сводит шансы малых партий преодолеть проходной барьер практически к нулю. Фактически имеет место очень грамотная стратегия распыления протестного электората.

Являясь очевидной реакцией на выступления «рассерженных горожан» в период с декабря 2011 г. по февраль 2012 г., данный закон имеет целью снизить политическую напряженность и убедить население в его неспособности создавать жизнеспособные партийные структуры. На 13 июля 2012 г. в списке,

⁹См., например: Иванов П.М. Малые партии Китая в борьбе за демократию (1928–1947 гг.). – М., 1999; Еремина Н.В. Политико-правовые механизмы деволуции в кельтских регионах Великобритании. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.

¹⁰Одно из немногочисленных исключений: Иванова М. Региональные отделения малых политических партий современной России: опыт классификации (на примере Пермской области). – Политический маркетинг, 2007, № 3. С. 20–28.

¹¹Российская газета, № 5746, 4 апреля 2012 г.

помещенном на официальном сайте Министерства юстиции РФ, значилось 25 зарегистрированных партий, имеющих право участвовать в выборах¹², а также 183 оргкомитета политических партий¹³. Даже если из этих оргкомитетов будет зарегистрирована только четвертая часть, в политическом пространстве России появится 70 политических партий. Понятно, что такое количество организаций является избыточным по целому ряду причин.

2. УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Для успешного функционирования в качестве серьезной политической силы партийные организации должны отвечать нескольким условиям.

Во-первых, необходимо название-бренд, делающее партию узнаваемой и не позволяющее перепутать ее с другими. Из 25 зарегистрированных (на середину июля) партий четыре представлены в федеральном парламенте («Единая Россия», ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия») и одна – в законодательном органе власти на региональном уровне («Российская объединенная демократическая партия “ЯБЛОКО”»¹⁴), а потому уже имеют преимущество перед остальными. «Патриоты России» и «Правое дело», официально зарегистрированные до принятия обновленного закона о партиях, парламентского представительства и серьезной поддержки не имеют.

Именования остальных 18 партий заставляют задуматься об их природе и возможной роли в политическом ландшафте России. Названия некоторых партий («Республиканская партия России», «Демократическая партия России», «Аграрная партия России», «Партия пенсионеров России») прямо отсылают к недавней истории (1990-е – середина 2000-х). «Народная партия России» демонстрирует очевидную преемственность с «Народной партией Российской Федерации», которая существовала с 2001 по 2007 г. (после самороспуска ее члены вошли в «Справедливую Россию»). Ряд организаций создается с явной целью оттягивать голоса у двух левых парламентских партий («Партия за справедливость!», «Коммунистическая партия социальной справедливости», «Социал-демократическая партия России», «Коммунисты России»). Как минимум три партии апеллируют к «креативному классу» («Партия свободных граждан», «Союз Горожан», «Города России»), две делают ставку на молодежь («Молодая Россия», «Новая Россия»), еще одна ищет внимания поклонников различного рода интернет-контактов, так прямо и называясь – «Партия Социальных Сетей». Две партии эксплуатируют якобы внеполитическую, внеидеологическую постматериальную тему экологии – «Альянс Зеленых – Народная партия» и «Российская экологическая партия “Зеленые”».

¹²Список политических партий, имеющих право в соответствии с Федеральным законом от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» принимать участие в выборах (по состоянию на 13 июля 2012 г.). – Сайт Министерства юстиции РФ (<http://www.minjust.ru/node/2390>).

¹³Сведения о действующих организационных комитетах политических партий по состоянию на 13 июля 2012 г. – Сайт Министерства юстиции РФ (<http://www.minjust.ru/node/2162>).

¹⁴Здесь и далее названия партий, зарегистрированных и стоящих в очереди на регистрацию, приводятся в том варианте, который дан на сайте Министерства юстиции РФ. Само написание этих названий может стать весьма любопытным объектом для анализа.

Наибольшее же удивление вызывает, во всяком случае у автора, «Народная партия “За женщин России”». Мало того, что это название анекдотически напоминает застольный тост («Ну, за женщин!»), так еще и абсолютно маскулинно-шовинистически (заметим, что лидером партии является женщина – Г.В. Хавраева) фиксирует отношение к «слабому полу» как к пассивному объекту (т.е. для них и за них кто-то что-то будет делать, представляя якобы их интересы). Вероятно, создатели партии полагают, что больше половины населения современной России (54%, согласно данным последней переписи), имея «волос долог, а ум короток», не в состоянии без посторонней помощи отстаивать свои гражданские, экономические, социальные и политические интересы. Скорее всего, заявляя о внеполитических целях («возродить семью, а через семью – духовность России»¹⁵), в реальности данная партия будет ассистировать «партии власти».

Заслуживает внимания тот факт, что на фоне известного падения рейтинга «Единой России» в названиях зарегистрированных партий не эксплуатируется тема единства или единения. В целом же можно констатировать, что даже при двух десятках организаций без дублирования наименований не обошлось.

Второе условие партийной успешности – узнаваемые, яркие, харизматичные лидеры. Некоторые малые партии действительно будут работать на имидж своего политического лидера или существовать за счет него, однако для неискушенных в политике избирателей большая часть руководителей партий так и останется неизвестной.

В-третьих, даже если партия претендует на роль универсальной, «всеядной» организации, ей жизненно необходима ясная и внятная идейная программа, отличающаяся от установок других партий и привлекательная для большого, четко очерченного сегмента активных избирателей, чьи интересы данная партия намерена выражать. При решении этого вопроса у многих партий возникнут сложности. Выбор идеологически ориентированной программы ограничен моделью позиционирования партии в политическом пространстве. Из зарегистрированных партий лишь около трети может акцентировать идеологическую составляющую программы. Претендуя же на универсальность, политические партии обречены на дублирование основных программных положений и тем самым на снижение их значимости в глазах избирателей, даже если в программных документах поднимаются исключительно важные проблемы и предлагаются исключительно эффективные способы их решения (у избирателей неизбежно возникнет вопрос – зачем поддерживать именно эту партию, если другая обещает то же самое).

Но, с другой стороны, успех партий, ориентированных на конкретный социальный сегмент – молодежь, жители крупных городов, статусная группа по сословному принципу (хотя сословия в нашей стране отменены десятки лет назад¹⁶), – безусловно гарантирован лишь на первый взгляд. Уровень электораль-

¹⁵Народная партия «За женщин России» зарегистрирована Минюстом. – РИА «Новости», 30.05.2012, 08:05 (<http://ria.ru/politics/20120530/660453856.html>).

¹⁶Среди оргкомитетов есть «Казачья Партия», «Всемирное Братство Казачьего и Офицерского Спецназа», «Казачи России», «Казачья Политическая Партия», «Народная, Казачья Консолидация Противостояния чиновникам, нарушающим законы, Конституцию и природные права Казаков на самоорганизацию и самоуправление “Союз Казачьих Формирований Российской Федерации”» (СКФ РФ).

ной активности таких групп различается весьма существенно. Самый непрофессиональнейший политтехнолог не сможет предложить программу, которую одинаково позитивно воспримет большинство членов социальной группы.

В свете этого исключительно острым остается вопрос о конкурентных стратегиях и преимуществах малых партий. Так, М.Портер предлагает для бизнес-сферы «три типа наиболее общих конкурентных стратегий, с помощью которых можно добиться уровня эффективности, превышающего средние показатели: лидерство в минимизации издержек, дифференциация и фокусирование». Эти рекомендации годятся и для политической среды. Конкурентная стратегия, по Портеру, определяется стремлением «занять конкурентную рыночную позицию в отрасли – то есть на главной арене, где сражаются соперники. Конкурентная стратегия направлена на то, чтобы добиться устойчивой и выгодной позиции, позволяющей... противостоять напору тех сил, которые определяют конкурентную борьбу в отрасли»¹⁷. Конкурентное преимущество¹⁸ связано с приобретением очевидного превосходства над другими организациями в плане дифференциации месседжа (политического продукта) и фокусирования на целевом сегменте.

В силу специфики политической сферы минимизация издержек не может быть целью, поскольку выигрыш здесь исчисляется не в сэкономленных средствах, а в количестве полученных голосов избирателей и мест в парламенте. Дифференциация, понимаемая как способность быть единственным в своем роде и обладать свойствами, ценимыми гражданами, достигается путем введения новых актуальных тем в поле электоральной борьбы, выстраивания уникального месседжа. Фокусирование обеспечивается концентрацией на адресной группе избирателей.

Невозможно найти универсальную тему или такое «политическое предложение», которое устраивало бы все социальные группы, а «попытка понравиться сразу всем во время выборов означает почти наверняка остаться без голосов»¹⁹. Для малых партий это особенно актуально, поскольку нарушение принципа фокусирования может привести к потере части базового электората, распылению ресурсов и, естественно, неполучению искомой выгоды в виде голосов избирателей. Если большие парламентские партии могут бороться за крупные сегменты электората на федеральном уровне, то слабым организациям необходимо четко понимать, как структурируются электоральные группы на субфедеральном уровне по ряду критериев: а) по географическому (регион, округ (по величине), плотность населения, климатическая зона); б) по психографическому (общественный слой, тип личности, политический тип); в) по поведенческому (наличие общих интересов, основания для поддержки партии, принадлежность к партии); г) по демографическому (возраст, пол, размер семьи, этап жизненного цикла семьи, уровень доходов, род занятий, образование, религиозные убеждения, национальность, язык)²⁰.

¹⁷Портер М. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 31.

¹⁸Зайцева Е.А., Песков В.И., Песков Д.В. Маркетинговая оценка конкурентоспособности предприятия. – Н.Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т., 2007. С. 26.

¹⁹Малкин Е., Сучков Е. Основы избирательных технологий и партийного строительства. – М., 2003. С. 103.

²⁰Котлер Ф. Основы маркетинга. – М., 1991. С. 736.

Четвертое условие, значение которого трудно переоценить, – устойчивый источник финансирования. В современном мире ни одна партия не может существовать только за счет членских взносов. В прошедшем десятилетии отношение федеральной власти к финансированию партийных предвыборных кампаний менялось в сторону дискриминации неугодных партий. В электоральном цикле 2003 г. Кремль диктовал крупным бизнес-группам, в чью избирательную кампанию они должны вложиться, однако частным порядком бизнесмены давали средства самым разным партиям. В следующем электоральном цикле спонсоры и на федеральном, и на региональном уровне уже опасались финансировать какие бы то ни было организации, кроме «партии власти». Нет никаких оснований полагать, что в ситуации бурного партстроительства найдется много бизнесменов-альтруистов, готовых оплачивать расходы партий без гарантии их выигрыша на значимых выборах.

Исключением будут, конечно, «карманные» партии олигархов. Весьма показателен в этом плане пример создаваемой М. Прохоровым партии «Гражданская платформа»²¹, по поводу которой бизнесмен заявил прямо, что в ней не будет «ни идеологии, ни лидеров»(!), что партия будет «технической», численностью не более 500 человек, членами ее будут лидеры региональных отделений и профессиональные юристы с единственной задачей «держать лицензию». Данная структура позволит «нужным людям» участвовать от ее имени в муниципальных выборах в городах с населением свыше 500 тыс. человек²². Фактически речь идет о закрытом клубе, в котором, если проект будет реализован, все решения будет единолично принимать ее создатель и спонсор.

Наконец, пятое, сугубо российское, условие успешности партии – это лояльность к ней федеральной власти, в том числе силовых структур, а также поддержка региональных органов власти. Совершенно очевидно, что власть будет благоволить партии имени себя и одной-двум партиям, на которые возложит функции ее спарринг-партнеров. Прочие партии будут предоставлены сами себе или целенаправленно дискредитироваться, если рискнут отозваться плохо о существующем режиме.

3. ПАРТИИ ИЗ «ЛИСТА ОЖИДАНИЯ»

Анализ партийных названий показывает, что потенциальные партии формируются по следующим основаниям:

1) как партии с четко выраженной идеологической направленностью, причем на левом фланге политического спектра разнообразие гораздо больше («Российский Объединенный Трудовой Фронт», «Коммунистическая Партия за Социальную Справедливость», «Социалистическая партия Российской Федерации», «Российская Социалистическая партия», «Левый фронт», Всероссийская политическая партия интернационалистов, «Объединенная

²¹В середине июля стало известно, что на это название претендует и «дочерняя» структура «Единой России», поэтому, вероятно, название будет изменено. См.: Башлыкова Н. Михаил Прохоров и «Единая Россия» делят бренд. – Коммерсантъ, № 125 (4910), 11.07.2012 (<http://www.kommersant.ru/doc/1978209>).

²²М. Прохоров создает «техническую партию юристов» для беспартийных. – РБК, 04.06.2012 (<http://top.rbc.ru/politics/04/06/2012/653560.shtml>).

Народная – Социалистическая Партия Российской Федерации», «Социал-демократическая партия России», «Партия народный фронт»), чем на правом; следует отметить, что есть несколько заявок на регистрацию монархических партий («Монархическая партия “Самодержавная Россия”», «Монархическая партия», «Монархическая партия России», «Всероссийская политическая партия “Монархическая партия России”»), хотя доля людей, разделяющих эту идею, крайне невелика;

2) как «всеядные партии», апеллирующие к значимым смысло-жизненным ценностям или символам («Трезвая Россия», «Российская партия десяти заповедей», «Партия Любви» (3 заявки), «Партия Правды», «Курсом Правды и Единения», «ПОСАДИ СВОЕ ДЕРЕВО», «Достоинство») или просто декларирующие общность всех граждан («Партия 18+», Политическая партия социальной справедливости «Добрые Люди России», «Партия налогоплательщиков России»);

3) как группы одного интереса («Партия автомобилистов России “За хорошие дороги”», «Партия садоводов и дачников», «Кредитная амнистия»); сюда же следует отнести различные модификации названий партий, выступающих за свободу распространения информации («Пирацкая партия России», «Пиратская партия России», «Интернет-партия»);

4) как партии, которые уже действовали в постсоветской России, но по тем или иным причинам прекратили свое существование («Партия пенсионеров», «Союз Правых Сил», «Аграрная партия России», «Партия российских регионов – “Отечество – Вся Россия”», «Демократический выбор», «РОДИНА»);

5) как организации, создаваемые по профессиональному признаку («Российская партия ученых», «Шахтеры России», «Партия предпринимательства и защиты бизнеса»);

6) как организации определенной социально-демографической группы («Молодежная Россия», «Время молодых», «Первая Молодежная Партия», «Российская новая партия пенсионеров», «Старшее Поколение – Пенсионеры России», «Ветераны России», «Партия Пенсионеров России», «Российская Партия Пенсионеров»);

7) как статусные группы по сословному признаку (хотя сословия в нашей стране отменены в 1917 г.)²³;

8) как группы, сформированные по принципу субкультурной самоидентификации («Хипстер папи» (Партия хипстеров России));

9) как организации, создаваемые по этническому признаку («Клуб Друзей Русского Народа», «Народная Консолидация непартийных общественных организаций и политических партий», которым отказано в регистрации “Мы, Русский Народ”», «Объединенная русская партия»).

Кроме того, предпринимаются попытки легализовать несистемные организации, которые в «нулевые» годы власть считала радикальными либералами («Другая Россия»). Активно эксплуатируется идея России как великой державы («Новая Великая Россия», «Возрождение Великой России», «Имперская

²³Выше уже приводились названия некоторых потенциальных партий, в которых присутствует слово «казаки».

партия»). Используется принцип названий-двойников («Либертарианская партия», «Либертарианская партия России»). Встречаются абсурдные названия («Чайная партия России», «Субтропическая Россия», «Партия любителей пива», «Без названия») – вероятно, организаторы рассчитывают, что избиратель поддержит их партии из одного только чувства протеста. Так, например, подано несколько заявок от разных инициативных групп о регистрации партии с названием «Против всех» или с намеком на такой протест – «Партия креативного класса». С учетом того, что в настоящее время не более трети населения страны считает, что есть партии, которые выражали бы их интересы, такой ход представляется вполне резонным.

В целом же подобная фрагментация потенциального партийного спектра дает уверенность только в одном – группы поддержки большинства из этих организаций окажутся настолько малы, что не смогут представлять собой хоть сколько-нибудь значимую политическую силу.

4. ПОСЛЕДСТВИЯ НОВАЦИЙ В ЗАКОНЕ О ПАРТИЯХ

Наиболее важные эффекты отредактированного в 2012 г. закона о партиях можно сгруппировать следующим образом.

Первая группа – репутационные последствия для власти. Для ушедшего с поста главы государства Д.А. Медведева, стремящегося войти в историю как президент-либерал, новый закон о партиях – дополнительный вклад в символический политический капитал. Для власти в целом новые нормы партийной жизни обеспечивают снятие угрозы внутренних и внешних обвинений режима в удушении политической конкуренции, третировании оппозиции, ограничении возможностей для гражданских инициатив и т.д.

Вторая группа эффектов – собственно электоральные. Наряду с фрагментацией электоральных реакций неопределившегося и протестного электората будут усиливаться стереотипные модели голосования лояльного большинства в единый день выборов. Эмпирические исследования показали, что до 80% респондентов в случае совмещения федеральных и региональных выборов на тех и на других голосуют одинаково. Не менее 20% избирателей отдадут предпочтение тем партиям, которые могут преодолеть проходной барьер.

Третья группа – институциональные эффекты, связанные с базовыми характеристиками режима. Несмотря на резкое увеличение количества партий уровень межпартийной политической конкуренции будет относительно невысоким – из-за сильнейшего неравенства ресурсов. При этом объективно повысятся возможности встраивания «нужных» партий в органы власти. Грамотная информационная политика способна сделать любую партию узнаваемой и популярной. Прежде всего речь идет о скрытой и прямой телевизионной рекламе, поскольку большинство лояльных граждан «второй», «третьей» и

²⁴Речь идет о статье Н.Зубаревич «Перспектива: четыре России», опубликованной 30 ноября 2011 г. в газете «Ведомости» и посвященной принципиальным отличиям условий жизни и менталитета населения России, в зависимости от размеров населенного пункта. «Первая Россия» – жители мегаполисов и крупных промышленных центров, «вторая Россия» – жители небольших городов областного подчинения, «третья Россия» – жители поселков городского типа, «четвертая Россия» – сельское население полузаброшенных бесперспективных деревень.

«четвертой России»²⁴, так же как и в 1990–2000-е гг., доверяют именно телевидению и являются великолепным объектом политических манипуляций²⁵. Соответственно, ориентировать их на «правильное» голосование совсем нетрудно. А создание малых партий сыграет роль клапана для выпуска пара недовольства, снижая политическую напряженность. Кроме того, политическая неэффективность будущих малых партий, мертворожденных в большинстве своем, дает политическому классу блестящий аргумент для усиления давления на гражданское общество: вы, мол, решительно неспособны создавать политические институты «снизу».

Следует отметить еще один, крайне неприятный, возможный институциональный эффект нового закона – возрождение практиковавшегося в 1990-х гг. производства партий «на продажу», с уже готовой оргструктурой и группами поддержки в регионах²⁶. Попытка некоторых лиц зарегистрировать сразу несколько партий с самыми разными названиями свидетельствует о намерении «застолбить» наиболее привлекательные идеологические позиции, обеспечив тем самым условия для успешной «торговли» партиями, особенно если удачные названия удастся превратить в политические брэнды. Подобного рода «бизнес» наносит значительный урон возможностям малых партий превратиться в значимых политических акторов и вообще дискредитирует партии как институт.

5. МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ВЛИЯТЕЛЬНОСТИ МАЛЫХ ПАРТИЙ

На стадии активной регистрации новых партий кажется совершенно бесполезной предложенная М.Лааксо и Р.Тагаапера формула, по которой рассчитывается эффективное число партий на выборах (ENPV):

$$ENPV = \frac{1}{a^2 + b^2 + c^2 + \dots + n^2}, \text{ где } a, b, c - \text{доля голосов, полученных партий на выборах.}$$

Аналогично бесполезной кажется и формула эффективного числа партий в парламенте (ENPS) – успешных партий, не просто завоевавших места в законодательном органе власти, но и обеспечивших там себе лидирующее положение:

$$ENPV = \frac{1}{a^2 + b^2 + c^2 + \dots + n^2}, \text{ где } a, b, c - \text{доля мест, полученных партий в парламенте.}$$

²⁴Весьма показательным выступление на июньском (2012 г.) Петербургском экономическом форуме главы Сбербанка Г.Грефа, являющегося, несмотря на формальную непричастность государственной власти, одним из влиятельнейших политиков: «Люди не хотят быть манипулируемыми, когда они имеют знания... Любое массовое управление подразумевает элемент манипуляции... Как жить, как управлять таким обществом, где все имеют возможность судить напрямую, получать не препарированную информацию, не через обученных правительством аналитиков, политологов и огромные машины спущенных на головы СМИ, которые как бы независимы, а на самом деле мы понимаем, что все СМИ заняты сохранением страт?» (Герман Греф о народе. – Яндекс видео, 24.06.2012, (<http://video.yandex.ru/users/doskado/view/740/#>)).

²⁶О создаваемой М.Прохоровым партии мы уже упоминали. Наверняка найдутся и другие бизнесмены, которые решат обзавестись «карманной» партией.

Однако уже после первой волны региональных выборов можно будет составлять карты стратегических оценок малых партий по двум критериям: относительная доля политического рынка, находящаяся под контролем этих организаций, и степень их влияния в органах власти.

Так, величина доли политического рынка показывает положение каждой организации в пространстве конкурентной борьбы (лидер, преследователь, аутсайдер) и определяется через сравнение с самым крупным игроком на электоральном поле. Для этого необходимо рассчитать отношение количества голосов, полученных исследуемой партией, к числу голосов, поданных за партию, победившую на предыдущих выборах. Оценка позиции партии находится в диапазоне от 0 до 1: а) лидер рынка, имеющий максимальную долю (0,7–1); б) партии со средней долей (0,35–0,7); в) аутсайдеры, имеющие долю низкого уровня (меньше 0,35).

Степень влияния партии в органах власти оценивается как на федеральном, так и на региональном уровне. Рассчитывается количественная оценка от 0 до 1 (доля депутатов от партии в депутатском корпусе соответствующего органа власти) и на основании полученных данных определяются три типа партий: а) лидер рынка, имеющий максимальную степень влияния (0,7–1); б) партии, имеющие степень влияния среднего уровня (0,35–0,7); и в) партии, имеющие степень влияния низкого уровня (меньше 0,35).

Полученные результаты покажут эффективность конкурентной стратегии (оборона или наступление) малых партий в анализируемый отрезок времени.

Использование SWOT-анализа для оценки сильных и слабых сторон малых партий, их возможностей и угроз для них, вероятно, обнаружит сходство многих характеристик большинства из них – и, скорее всего, преобладание угроз и слабых сторон над возможностями и сильными сторонами. Так, можно предположить, что типичными слабыми сторонами окажутся: а) недостаток финансовых ресурсов; б) неразвитая организационная структура; в) низкий конкурентный статус; г) отсутствие лидеров с эффективным имиджем; д) отсутствие поддержки местных органов власти; е) отсутствие существенного контроля над СМИ; ж) непредставленность партии в высших органах власти как на региональном, так и на федеральном уровне; з) давление административного ресурса; и) нахождение органов власти под контролем влиятельных партий-конкурентов; к) безусловное доминирование основных парламентских партий с их мощными ресурсами.

Угрозами для малых партий явятся, скорее всего: а) потеря спонсоров; б) использование «черного» PR конкурентами, в т.ч. обвинения партийных лидеров в коррупции, злоупотреблениях, хищениях и т.д.; в) направленная против партии кампания в СМИ; г) неблагоприятное изменение политической ситуации, в т.ч. появление новых конкурентов и усиление старых; д) эффективность действий партий-конкурентов; е) уменьшение электоральной поддержки, вызванное изменениями политической обстановки и действиями конкурентов.

В свете всего сказанного руководство малых партий должно уделять особое внимание разработке стратегии и эффективной системы управления, формированию команды со стратегическим типом мышления, оптимизации организационной структуры партии, привлечению новых членов и активи-

стов. Нелишними будут успех на местных выборах, использование к своей выгоде особенностей обстановки в стране, в т.ч. недовольства электората, сотрудничество с близкими по целям и задачам партиями, поддержка позиции партии органами власти. Наконец, при отсутствии явного конкурентного преимущества у каждой из сторон и прочих равных условиях побеждает более крупная партия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какое же будущее ждет новые партии? Судьба большинства из них, скажем прямо, незавидна. Тем не менее шанс закрепиться в политическом пространстве, хотя бы на региональном уровне, есть примерно у десятка организаций, ориентирующихся на специфические профессиональные или статусные группы, которые составляют достаточно узкий сегмент общефедерального электората, но имеют значение в отдельных регионах (казаки, шахтеры и др.). Можно ожидать, что федеральная власть будет благоволить партиям, эксплуатирующим патриотическую (читай – умеренно-националистическую) тематику. Судя по всему, в парламент будет введена партия, позиционирующаяся как либеральная, но при этом исключительно лояльная к существующему режиму.

В современной России возможность эффективной конкуренции для вновь создаваемых политических партий крайне невелика, поскольку внутризлитная борьба за доступ к различным ресурсам не просто сохраняется, но является гораздо более значимым фактором политической жизни, нежели соревнование предлагаемых политическими акторами программ развития страны. Кроме того, хотя аналитики и утверждают, что авторитаризм в России – «вегетарианский», «скучный» и «вялый»²⁷, однако комплекс принятых в последние месяцы репрессивных законов (о клевете, несанкционированных митингах и т.п.) создает реальную опасность для неугодных властным структурам политических организаций.

²⁷Крастев И. Парадоксы нового авторитаризма. – Pro et contra, 2011, № 3–4(52). С. 96–105.

Подвицев О.Б.

«ПАРТИИ-КУРЬЕЗЫ» КАК ИНДИКАТОР СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

Под «партией-курьезом» нами понимается организованная группа, выступающая под видом политической партии, однако ставящая своей целью спародировать, высмеять реальные политические силы и институты, основы существующей политической системы. Первым из таких феноменов, вероятно, следует считать «Партию умеренного прогресса в рамках закона», созданную Ярославом Гашеком в 1911 г. во время проведения дополнительных выборов в австро-венгерский парламент по одному из пражских округов. В последние десятилетия подобные группы в достаточно большом количестве возникали во многих странах Запада.

Пожалуй, в наибольшей степени это характерно для Великобритании. Связано это, очевидно, не только с пресловутым английским чувством юмора и давностью демократических традиций в стране, но и с особенностями избирательного законодательства Соединенного Королевства. Фактически провозгласить создание собственной партии и выдвинуться от ее имени может любой кандидат в каждом из шести с половиной сотен избирательных округов по выборам в Палату Общин. При этом для регистрации самого кандидата требуется лишь внести не очень обременительный по британским меркам залог.

Наиболее известной из британских партий-курьезов является «Чудовищная полоумная бредовая партия» (Monster Raving Loony Party, существуют разные варианты перевода этого названия на русский язык), участвующая в парламентских выборах уже несколько десятилетий. А с некоторого времени в стране действуют уже две такие партии – в наименование одной из них добавлено слово «официальная». Однако помимо «полоумных» в Великобритании в разные годы действовало множество «партий-курьезов», кандидаты от которых наряду с представителями реально претендующих на власть политических сил участвовали в выборах депутатов Палаты Общин. Причем число их заметно варьировалось.

Интересно с этой точки зрения сравнить, например, всеобщие парламентские выборы 1997 и 2010 гг. В 1997 г. в выборах участвовало почти полторы сотни различных партий, и число курьезных организаций составляло не один десяток¹. Среди них были, в частности, «Партия альянса мишки Тедди» (Teddy

¹Мы основываемся на списке политических партий опубликованном в The Times 03.05.1998 в качестве приложения к результатам голосования. Точные цифры привести в данном случае довольно сложно, в частности потому, что в качестве «партий» в списке фигурируют и индивидуальные характеристики, которыми некоторые кандидаты дополняли свою фамилию в избирательных бюллетенях. Например, «Бывший капитан сборной Северной Ирландии по футболу» или «Черноволосый кавказский мужчина среднего телосложения». Причем многие другие кандидаты, не принадлежащие к основным партиям определяли себя просто как «независимые». Кроме того, в ряде случаев интерпретация названия «партии» требует знания нюансов ситуации в конкретном избирательном округе.

Bear Alliance Party), «Маскарадная партия» (Fancy Dress Party), «Сама по себе красивая партия» (Independently Beautiful Party), «Коалиция конопля» (Hemp Coalition), «Ни одна из вышеперечисленных партий» (None of the Above Parties) и др. В 2010 г. сократилось не только общее число партий, под флагами которых выступали кандидаты на выборах в нижнюю палату британского парламента (чуть более 120), но и доля «курьезных»². Примечательно при этом, что выборы 1997 г. продемонстрировали тенденцию к снижению явки избирателей, в то время как выборы 2010 г. – к ее повышению (хотя в целом явка в 1997 г. была выше, чем в 2010 г.). Однако если по итогам выборов 1997 г. было сформировано новое устойчивое парламентское большинство, то после всеобщего голосования 2010 г., хотя также произошел переход власти, парламент оказался «подвешенным» и политические страсти продолжают кипеть.

Если в Великобритании «курьезные партии», при всем их разнообразии, всё же никогда не были представлены в парламенте, то в других странах на волне определенного рода протестных настроений иногда такое случалось. Именно этого смогли добиться в начале 1990-х годов Партия любителей пива в Польше³ и Роялистская партия в Эстонии⁴. Примечательно, что оба случая имели место на территории бывшего социалистического лагеря и в один и тот же период.

Самым ярким российским примером «партии-курьеза» считается существующая с 1993 г. партия «Субтропическая Россия», выступающая за «климатическую реформу»: повышение среднегодовой температуры в стране до +20 градусов по Цельсию. В России, как и в ряде стран Центральной и Восточной Европы, «партии-курьезы» были особенно популярны в первые годы после распада советской системы. «После октябрьских событий 1993 года начинается просто бум создания такого рода объединений», – отмечал Д.Левчик⁵. Оценивая ситуацию в России в тот период, следует обратить внимание на то, что бум «партий-курьезов» происходил в условиях быстро распространявшегося разочарования в демократических институтах и общего снижения политической активности.

По-видимому, именно подобные характеристики политической ситуации благоприятствуют появлению и развитию данного феномена. Час курьезных партий наступает тогда, когда снижается число граждан, «серьезно» относящихся к политике. Те, кто создает подобные организации и оказывает им поддержку, конечно, являются носителями протестных настроений, однако не настолько сильных, чтобы ставить перед собой конкретные политические цели и добиваться их реализации.

²General Election 2010. Preliminary analysis. Research paper 10/36, 18 May 2010 (<http://www.parliament.uk/documents/commons/lib/research/rp2010/RP10-036.pdf>).

³Первая подобная партия на территории бывшего социалистического лагеря, созданная еще в 1990 г. Затем такие же организации появились на Украине, в Белоруссии и, наконец, в России. Одной из целей деятельности ППДП провозглашалось вытеснение традиций потребления водки традициями западного, в частности британского, «паба».

⁴Стоит напомнить, что Эстония никогда не была монархией. Поведение же «роялистов» в эстонском парламенте ярче всего характеризуется попыткой заменить введенную перед началом заседания молитву исполнением ритуальных шаманских плясок.

⁵Левчик Д. «Смеховые» партии. – Моя газета, 17.04.1996 (<http://www.newlookmedia.ru/?p=16199>). В качестве примеров данный автор, помимо «Субтропической России» и Партии любителей пива, называет ЕБЛО (Единый блок левых организаций), КПСС им. Брежнева, Партию диктатуры плюрализма, Партию свободной любви.

С этой точки зрения, как представляется, и следует рассматривать состояние и перспективы «партий-курьезов» в условиях осуществленной в России на этапе возвращения В.В. Путина в президентское кресло новой партийной реформы.

Вполне обоснованными выглядят неоднократно высказывавшиеся предположения, что, перейдя от одной крайности к другой в вопросах регистрации партий, федеральные власти стремятся дискредитировать в глазах населения процесс создания новых политических сил и подкрепить пошатнувшийся авторитет «Единой России», подчеркнув и превратив в достоинство «респектабельность» данной организации. Если это действительно так, инициаторы реформы должны быть заинтересованы в скорейшем появлении на политической арене страны как можно большего числа «партий-курьезов».

Аналогичные ожидания распространялись также в экспертной и журналистской среде. Примечательным представляется появление ряда сообщений в СМИ о том, что «Субтропическая Россия» стремилась стать первой партией, официально зарегистрированной после проведенной реформы, радикально облегчающей условия этой процедуры. Более того, в начале 2012 г. редкая публикация на эту тему, в т.ч. в серьезных изданиях, обходилась без упоминания данной экзотической организации с ее претензией на регистрацию⁶. Ожидание появления на политической арене курьезных партий весной 2012 г. отражали и публикации, рассказывавшие о подобных феноменах в других странах⁷.

Однако расчеты эти вполне могут не оправдаться. Как было сказано выше, возникновение «партий-курьезов», как правило, связано с оценкой существующей политической конкуренции как неэффективной и недостаточной, не соответствующей требованиям времени – но прежде всего конкуренция должна быть, и быть реальной. Кроме того, такие партийные проекты обычно возникают и реализуются с целью придать дополнительный динамизм политической системе, а она в России и так пришла в движение. Наконец, создание курьезных партий – это своего рода экспериментирование в сфере политических отношений, воплощение стремления к новому и интереса к экзотике, желания выделиться и обрести исключительность на общем фоне. Это тоже не соответствует, по крайней мере на начальном этапе, процессу раскола и политической поляризации, который происходит сейчас в российском обществе.

Практика пока, на наш взгляд, подтверждает данные предположения. По состоянию на начало июля 2012 г. регистрацию по новому законодательству получили уже более десяти новых российских партий. Еще почти двести оргкомитетов потенциальных партий уведомили о своем существовании Министерство юстиции Российской Федерации⁸. Разумеется, подавляющее

⁶См., например, Каримова А. Каждой твари по партии. – Коммерсантъ-Деньги, № 12(868), 19.03.2012.; Добавить в избранные: 5 новых партий в России. – The Village, 09.04.2012 (<http://www.the-village.ru/village/situation/situation/112741-partii>); Экзотическая Россия: «Субтропическая партия» и «партии-спойлеры». Политический спектр будет размазан, говорят эксперты. – Новый регион, 30.03.2012 (<http://www.nr2.ru/moscow/380225.html>) и др.

⁷См., например, Носороги, жонглеры и бездельники идут в политику. 10 самых смешных партий мира. – Московские новости, 01.04.2012 (http://mn.ru/politics_party/20120401/314703002.html); История развала пяти самых нелепых политических партий. – 812' online, 20.04.2012 (<http://www.online812.ru/2012/04/03/005>) и др.

⁸Сведения о «действующих» организационных комитетах политических партий по состоянию на 20.04.2012. – Сайт Министерства юстиции РФ (<http://www.minjust.ru/node/2162>) (дата обращения – 20.04.2012).

большинство из этих проектов вряд ли имеют какие-либо реальные политические перспективы. Тем не менее, судя по названиям новых партий, в основном пока они создаются «всерьез» – речь идет либо об идеологических, либо о чисто электоральных проектах, пусть и не всегда достаточно продуманных и в должной мере обеспеченных ресурсами.

Попытки создания «партий-курьезов» можно с уверенностью опознать лишь в нескольких случаях. Так, в эту категорию, на наш взгляд, не вписываются ни «Пиратская», ни даже «Пираццкая» партии, являющиеся российским аналогом уже набравшего силу в других странах нового политического движения. Данный случай демонстрирует, по нашему мнению, что грань между «партиями-курьезами» и реальными политическими силами зачастую не является четкой и непроходимой – «пиратское» движение уже почти ее преодолело. Нельзя отнести к «курьезам» и целый ряд поданных заявок на создание партии «Против всех» – по сути, это не что иное, как попытка электорального мошенничества, целью которого является сбор голосов, по привычке подаваемых за ныне отсутствующую в избирательных бюллетенях графу. Наконец, не следует рассматривать в качестве «курьезов» разнообразных потенциальных спойлеров. Те же партийные проекты, которые в современной российской ситуации действительно можно отнести к «курьезным», – Чайная партия России, партия «Без названия», «Беспартийная Россия», две «Партии Любви», та же «Субтропическая Россия» и, тоже возрождающаяся, Партия любителей пива – не отличаются разнообразием и новизной.

Итак, слабость и скудость «партий-курьезов», вероятно, может свидетельствовать о растущей значимости в обществе «серьезной» политики или по крайней мере запроса на нее (что и происходит в современной России). И наоборот, активное создание курьезных партийных структур и их электоральный успех скорее являются признаками наступления политической апатии и застоя. Таким образом, степень присутствия иронии и юмора в партийном строительстве является, на наш взгляд, одним из показателей, позволяющих диагностировать политическую ситуацию. В любом случае к феномену «партий-курьезов» исследователям не следует относиться пренебрежительно, он заслуживает мониторинга и серьезного осмысления.

ОБ АВТОРАХ

АНОХИНА Наталья Вячеславовна – кандидат политических наук, научный сотрудник Института научной информации общественных наук РАН

БЕЛИНСКИЙ Андрей Викторович – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета

ИВАНОВА Мария Вячеславовна – кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Пермь)

КАРМАЗИНА Лидия Ивановна – доктор политических наук, доцент, преподаватель кафедры политологии и социологии Казахского национального педагогического университета имени Абая (Алма-Ата, Казахстан)

КВЕКЕ Неле (Quecke Nele) – соискатель ученой степени доктора философии (PhD) в Институте политической науки Г. и С.Шолле при Университете Людвиг-Максимилиана (Мюнхен)

КОРГУНЮК Юрий Григорьевич – доктор политических наук, кандидат исторических наук, руководитель отдела политологии Регионального общественного фонда «Информатика для демократии» (ИНДЕМ), сопредседатель исследовательского комитета РАПН по сравнительному изучению партийных и избирательных систем, член Научного совета РАПН

ЛЮБАРЕВ Аркадий Ефимович – кандидат юридических наук, ведущий эксперт Ассоциации некоммерческих организаций «В защиту прав избирателей “Голос”»

МАЛИНОВА Ольга Юрьевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор МГИМО(У) МИД России, профессор НИУ ВШЭ, почетный президент Российской ассоциации политической науки

МИХАЛЕВА Галина Михайловна – доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, доцент Бременского университета (Германия)

ПОДВИНЦЕВ Олег Борисович – доктор политических наук, профессор, директор Пермского филиала по исследованию политических институтов и процессов Института философии и права УрО РАН

ПОПОВА Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета

РИМСКИЙ Владимир Львович – заведующий отделом социологии Регионального общественного фонда «Информатика для демократии» (ИНДЕМ)

ТОЛПЫГИНА Ольга Анатольевна –
кандидат политических наук, старший преподаватель кафе-
дры социологии и политологии Самарского государственного
университета

ШАШКОВА Ярослава Юрьевна –
доктор политических наук, профессор кафедры политологии
Алтайского государственного университета (Барнаул)